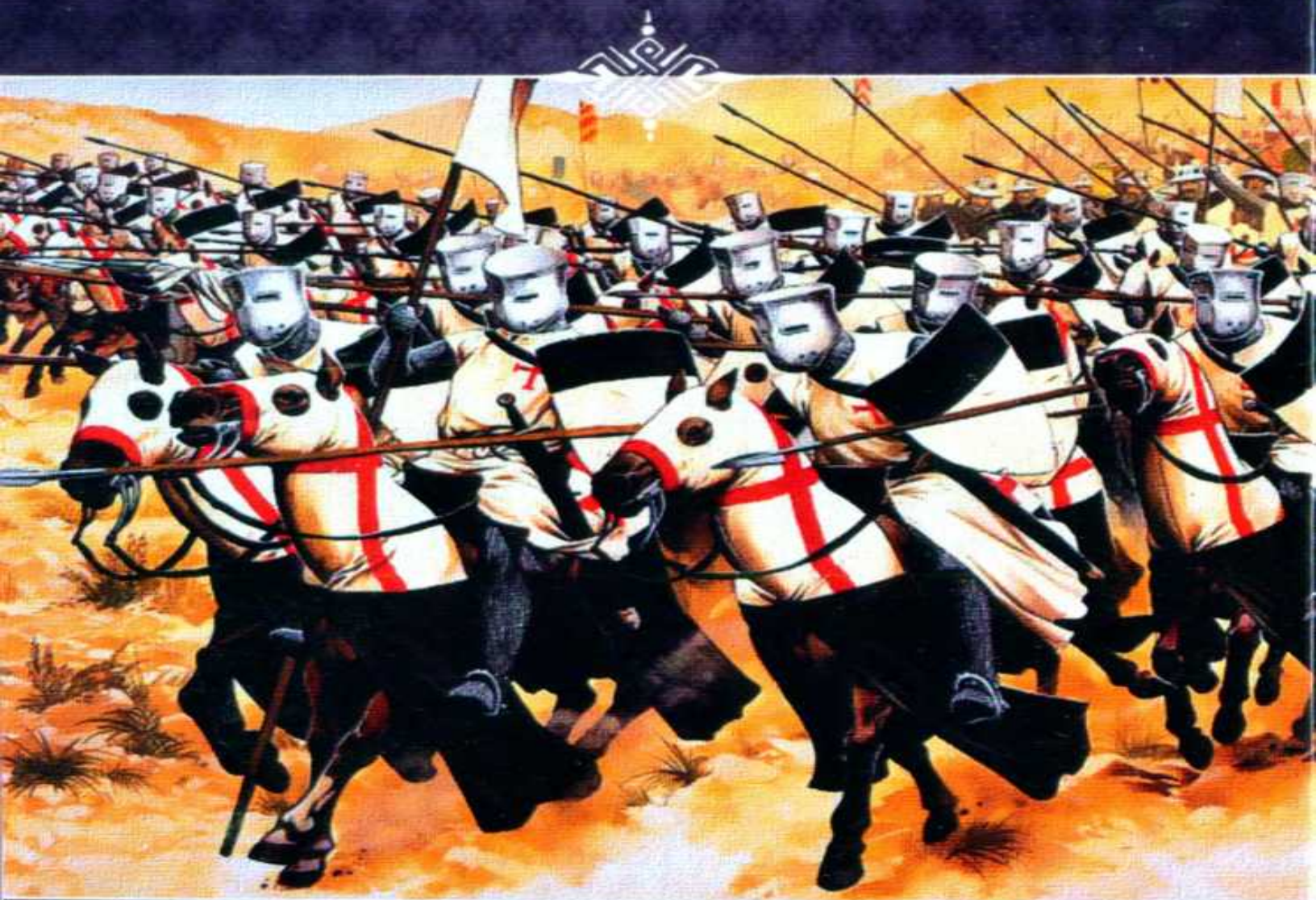

Эндрю
СИНКЛЕР

МЕЧ И ГРААЛЬ

**АРГУМЕНТЫ
И ФАКТЫ**

Эндрю
СИНКЛЕР

МЕЧ И ГРААЛЬ

АРГУМЕНТЫ И ФАКТЫ

*Посвящается Найвену Синклеру, без
поддержки и исследований которого книга эта
не была бы написана*

1. ПОИСК

На камне, находящемся в Росслинской часовне неподалеку от столицы Шотландии Эдинбурга, вырезаны изображения меча и Грааля в образе чаши. Меч этот служит указанием на открытие Северной Америки почти за сто лет до того, как Колумб достиг островов Вест-Индии. Вырезанные на основании кубка ступени храма Соломона дали толчок к исследованию участи рыцарей ордена Храма, официально распущенного в начале XIV века, однако существующего и по сей день. Их называют искателями и хранителями Святого Грааля — как писал Вольфрам фон Эшенбах в романе «Парцифаль». — а также хранителями Сконского камня Судьбы и Туринской плащаницы. Известно, что некоторые из них бежали со своим флотом и сокровищами из Франции в Шотландию. Символы и ритуалы храмовников используют масоны во всем мире.

Это повествование носит характер исторический, но вместе с тем и яичный, поскольку на камне с мечом начертано имя сэра Вильяма де Сент-Клера, представителя ветви рода Синклеров, проживающей в Росслинском замке со времени Норманского завоевания до сего дня. Вся эта история начинается с данного камня.

Остановившись в Росслинском замке в начале этого поиска, я отправился в часовню и спросил хранителя, обнаруживает ли она какую-либо связь с храмовниками. Хранитель ограничился немногими словами, поскольку храмовников в свое время осудили как еретиков, а Великого магистра ордена сожгли на костре, в то время как часовня в настоящее время принадлежит к шотландской епископальной церкви. Хотя в Шотландии до сих пор существуют пять отделений ордена Соломонова храма, к масонам в христианской церкви всегда относились двояко. Однако мне, все-таки, показали фигуру конного рыцаря с копьем, вырезанную на выступе возле окна часовни, а за ним ангела с крестом. А еще — резную печать храмовников, на которой две руки раздвигали занавес, открывая Агнца с крестом и Пегаса, крылатого коня греческих мифов, служившего символом храмовникам. И, наконец — резную группу, с платом или хоругвью с изображением

нерукотворного лика Христа, называющегося платом святой Вероники или сложенной Туринской плащаницей.

В тот первый визит мне мимоходом показали знаки, нацарапанные на каменных стенах каменщиками, которые строили часовню в пятнадцатом веке. Сказали, что восьмиконечные кресты являются крестами нового посвящения, так как существует легенда о том, что пока мастер находился с паломничеством в Риме, подмастерье украсил часовню изысканной резной колонной. Мастер, разъяренный самостоятельностью и дарованием ученика, убил его ударом молотка по голове. Кроме того, я заметил в темном углу непонятную продолговатую каменную плиту — настолько маленькую, что она могла быть надгробием карлика. Изображение на ней оказалось плохо различимым. Присев на корточки в полумраке, я сумел разглядеть на ней только резное изображение меча и около рукояти его — восьмиугольник, напоминающий контур готического окна-розы. Это открытие стало краеугольным камнем настоящей книги.

Месяц спустя реставратор протер надгробье цветочными и растительными красителями — петуньями и ноготками с рослинского кладбища, а также вайдой и краснокочанной капустой, ревенем и пчелиным воском. Камень позволил подобрать ключи к некоторым загадкам, однако еще большее количество их так и осталось необъясненным. Маленькое надгробье стало первым за последнее время, на котором обнаружилось вырезанное во всю длину надгробия изображение Грааля. Внутри потира находился восьмиконечный крест-шифр храмовников, символизирующий священный свет крови Христа, внутри «зубчатого» восьмиугольника с розой в центре. На камне значилось имя покойного, нанесенное ломбардским шрифтом — WILLHM DE SINNCLER. Говорят, что само название часовни образовано от старошотландского ROS-LIN, то есть Розовый Ручей или Водопад, что так же наводит на мысль о Христовой крови. Рыцари из рода Сент-Клеров в Средние века ходили в битву с «зубчатыми (шиповидными) крестами» на щитах; таковые же были вырезаны и на стенах часовни. Форма основания чаши Грааля повторяла ступени, ведущие в храм Соломона.

Записанное в такой орфографии имя покойного было вписано в ступени на основании Грааля. Последние две буквы имени, E и R, были повернуты под прямым углом внутри наугольника храмовников и

мастеров-масонов. Буквы ER в Средние века обычно служили сокращением латинских слов ET RELICA, означающих И [ЕГО] ОСТАНКИ, или МОЩИ. Боевой меч, вырезанный по другую сторону ножки кубка, был снабжен гардой, загибавшейся вниз на обоих концах, что характерно для рыцарских мечей начала XIV века, когда надписи на надгробных камнях делали ломбардским шрифтом. Итак, чашей Грааля была отмечена могила шотландского магистра храма, плита датировалась началом XIV века, когда орден храмовников был распущен, а его Великого Магистра подвергли пыткам и сожгли заживо.

Рыцари и каменщики того периода были по большей части неграмотны, и в Средние века одно и то же имя нередко записывали по-разному. Надгробный камень, несомненно, принадлежал Вильяму де Сент-Клеру из Рослина. Его перенесли из соборной церкви святого Матфея, стоявшей на кладбище ниже нынешней часовни — сохранилось лишь два ее контрфорса. Хотя имя Вильям было обычным в семействе Сент-Клеров, датировка меча и надписи указывала на конкретного сэра Вильяма де Сент-Клера, который сражался вместе с Робертом Брюсом при Баннокберне^[1] и погиб в 1329 году, когда вез в серебряном ларце сердце Брюса в Иерусалим, дабы похоронить там. Он и сэр Джеймс Дуглас, окруженные конницей мавров в Испании, бросили ларец в ряды неприятеля, ринулись в бой против целой армии мусульман-мавров и погибли. Враги отнеслись к их мужеству с таким уважением, что вернули сердце Брюса и останки четверых рыцарей единственному уцелевшему шотландцу, сэру Вильяму Кейту, который отвез их на родную землю. Сердце Брюса похоронили в Мелрозском аббатстве, сердце Дугласа в семейной часовне, а кости Вильяма де Сент-Клера, конечно же, в Рослине. Интересно, что останки храмовников зачастую хоронили в скорченной позе, когда череп лежит на скрещенных берцовых костях, повторяя важный символ ритуалов ордена и впоследствии масонов. И если Вильям де Сент-Клер как магистр Храма был потребен подобным образом, маленький размер надгробья становится понятным.

В восточном конце часовни, под сводами, богато украшенными резными овощами, листьями и фруктами, ступени ведут в крипту, возможно, принадлежавшую часовне XI века и замку Рослин. Здесь на стенах нацарапаны архитектурные чертежи, помогавшие

каменщикам, строившим эту необычную часовню. На одном из чертежей видно, что поперечное сечение здания следует священной геометрии вписанного в круг восьмиугольника и скрещенных треугольников, которую храмовники использовали при строительстве своих церквей и замков. Считалось, что в этой крипте погребен принц Генри Сент-Клер, первый оркнейский граф, являвшийся владельцем Оркнейских и Шетландских островов, и подданным королей Норвегии и Шотландии. Считается, что под именем принца Дзихмни (Zichmni) принц Генри был героем «Книги и Карты» Дзено, описания двух братьев-венецианцев, Николо и Антонио Дзено, капитанов на службе у северного принца; Антонио вез его в 1398 году в колонизаторскую экспедицию в Северную Америку. Венеция, как наиболее влиятельный город-государство Восточного Средиземноморья, издавна поддерживала связи с крестоносцами и военными орденами. После того, как храмовники были изгнаны из Святой Земли и распущены, их поход через Атлантику для основания новой империи на Западе столь же вероятен, как поход тевтонских рыцарей для основания империи на востоке. Кстати, отец Генри Сент-Клера погиб, сражаясь в рядах этого немецкого ордена.

Если Сент-Клеры были причастны к раннему открытию Северной Америки, то и рослинская ветвь их была столь же замечательной, как полагал сэр Вальтер Скотт. Он жил в Лассвейде, к югу от города и долины Рослина — это один из вариантов написания — и прославил двадцать рыцарей Сент-Клеров, погребенных в доспехах в склепах часовни, закрытых уже почти три с половиной столетия, после того, как последний из них был похоронен там в день победы Кромвеля в битве при Данбаре^[2]. В «Песне последнего менестреля» Скотт писал о прекрасной Розабелле, плывшей ночью по бурному морю на бал в замке Сент-Клеров. Она утонула, но чудесный огонь сиял над двумя замками в долине реки Эск — Рослином и Хоторнденом. А в часовне двадцать рыцарей Сент-Клеров, погребенных в тайных склепах внизу, по слухам, все еще излучают свет во времена трагедии:

И вы сказали б, что в огне
Часовня, гае забыв печали,
Бароны древние в броне
В гробах с оружием лежали^[3].

Скотт также подтверждает тот факт, что храмовники, если не конкретно Сент-Клеры, продолжали сражаться за Шотландию после уничтожения их ордена во Франции. В его поэме о битве при Халидон-Хилле, произошедшей три года спустя после смерти сэра Вильяма де Сент-Клера, лежащего в Росслинской часовне, шотландский рыцарь-храмовник Адам де Випонт говорит с английским королем Эдуардом Третьим:

Эдуард Третий: Випонт, твой щит с крестом, но ты воюешь

С одним из христианских королей^[4].

Випонт: Король с войной в Шотландию пришел.

Шотландец я сперва, потом храмовник,

Я дал присягу родной стране до ордена еще.

Нынешнюю Росслинскую часовню построил третий Сент-Клер граф Оркнейский, которого тоже звали Вильям. С его времени, если не после битвы при Баннокберне, Сент-Клеры становятся Великими Магистрами масонов Шотландии. Он пригласил мастеров со всей Европы, чтобы выстроить часовню во славу Господа. Проект был его личным. Часовня была известна во всем мире уникальной своей символикой и смешением стилей. Храмовническая и масонская иконография со скандинавскими и кельтскими влияниями украшала это крыло предполагаемой крестообразной церкви, которая так и не была достроена. Знаменитая Колонна Подмастерья была в той же мере языческой и масонской, как и христианской. У ее основания восемь восьмиугольных змеев, держащих хвост во рту, окружали каменный ствол дерева, поддерживающий крышу. Это определенно был Иггдрасиль, дерево из скандинавской мифологии, поддерживающее небо, его в свою очередь поддерживал змей или дракон, девять раз обвившийся вокруг мира. Его также относили к Древу Жизни и к Древу Познания Добра и Зла в Райском Саду, потому что змей с хвостом во рту был не только Люцифером, но и символом тайной мудрости у катаров^[5] и храмовников. Колонна Подмастерья взята из скандинавского мифа, несмотря на четыре каменных лозы, которые обвивают его, как плющ, видимо, символизирующих четыре Евангелия.

Это не единственная символика на Колонне Подмастерья. По еврейской и арабской легенде царь Соломон построил свой храм с

помощью Шамира, червя или змея мудрости, прикосновение которого раскалывает и обтесывает камень. Книга «Второзаконие» в Ветхом Завете утверждает, что Храм строился без применения железных инструментов. В масонском предании мученик Хирам-Авий, зодчий Храма, отказался выдать секрет Шамира, и это стало одной из больших тайн масонов высоких степеней. Более того, восемь червей, змеев или Шамиров группировались восьмиугольником у основания Колонны Подмастерья. Они определяют количество концов и форму креста ордена рыцарей Храма Соломона, которые знали о Шамире, когда возводили свой Храм на месте Соломонова, прежде чем его предание и символика были принесены в Шотландию зодчим и каменщиками росслинской часовни.

Подобные наслоения христианства видны в резьбе на остальных частях часовни. Изображение человека с раной во лбу всегда ассоциировалось с легендарным Подмастерьем, который построил колонну и был убит мастером. На самом деле это Хирам-Авий, зодчий Соломонова Храма, ставший мучеником. Легенда об убитом Подмастерье была просто христианским вымыслом для завуалирования апокрифического святого, основателя ордена Соломонова Храма и всего масонства с его символами меча, мастерка, циркуля и молотка. Граф Магнус Оркнейский тоже был убит ударом по голове, но его смерть была спектаклем убийства Хирам-Авия. Он был известен храмовникам Сент-Клерам, которые захватили Оркнейские острова и повелели сделать изображение своего норвежского предшественника.

Увидеть Росслинскую часовню — значит увидеть Христа на кресте, изображенного по языческим верованиям. На сводах ее есть десятки изображений дикого лица Зеленого человека^[6], глядящего из каменной листвы. Она представляет собой чудо этой странной часовни. На всех колоннах, на всех архитравах и орнаментах все растения земли множат и пополняют бесчисленные резные изображения. Я словно бы видел третий день Творения в камне, до того, как Бог из Книги Бытия создал человека по Своему образу и подобию. Все эти буйные, определенные плоды, травы, листья имели свое определенное символическое значение в средневековой науке о лекарственных травах и эликсирах. Никто еще не начинал разбираться во всех этих значениях. Они лишь доказывают, что зодчий и проектировщик Росслинской часовни,

наследственный Великий Магистр Шотландии Вильям Сент-Клер граф Оркнейский был посвящен в каббалистические познания храмовников, в познания лечащих травами знахарей и их последователей.

Росслинская часовня не случайно стала основной для всех масонов на земле, не случайно тайны ее резных изображений и символов еще предстоит раскрыть. Когда я жил в росслинском замке, нынешний новошотландский капитул канадских рыцарей-храмовников устроил в этой часовне церемонию инвеституры. Что привело их сюда из того места, которое принц Генри Сент-Клер предположительно посещал почти шесть столетий назад? Я обнаружил первую из тайн, меч на надгробном камне с Граалем. Я не понимал, что вижу. Но попытаюсь использовать лезвие меча, чтобы взломать замок запертой двери. Что случилось с храмовниками и с их сокровищами после их роспуска? Каковы были их тайные ритуалы? Перешли они к масонам? Что означает Грааль на надгробном камне Сент-Клера? Почему именно Росслин является часовней Святого Грааля, почему преданность этому таинственному поиску записана в камне ее стен? Пытались венецианцы и принц Генри Сент-Клер колонизировать Северную Америку почти за столетие до Колумба? И что представляло собой семейство Дзено, которое доставило их туда?

2. ВЕНЕЦИЯ И ДЗЕНО

Род Дзено по-итальянски, Гено или Генуе по-латыни, был одним из старейших в Венеции. Дзено были трибунами в Новом Риме — Византии, впоследствии получившем название Константинополь; семейство это переехало в Венецию из Падуи в начале VIII века, когда на островах лагуны началось строительство города. Представители его принимали участие в выборах первого дожа. В Средние века большинство европейцев, — кельты и скандинавы, саксонцы и лангобарды, — считали себя христианами и в некотором смысле римлянами. Семейство Дзено возводило свое происхождение к двум святым, Зенону из Виченцы и Марку Зенону, казненным при Диоклетиане, а также к двум византийским императорам, Зенону и Льву. Это имя является столь же древним, как классическая философия. Грек Зенон из Александрии является автором того парадокса, что Ахилл никогда не догонит черепаху. В желании доказать римское происхождение семейство Дзено утверждало, что ведет начало от рода (gens) Фанния, потомка Энея, которого Вергилий объявил предком основателя Рима.

У венецианских Дзено были давние связи с викингами, норманнами, крестоносцами, завязавшиеся после их первых вторжений в Средиземноморье. В 911 году викинги захватили Нормандию и оставили одного из Сент-Клеров пограничным бароном для предотвращения нападения из Парижа. Сент-Клеры стали норманнами и потом участвовали в завоевании Англии. В битве при Гастингсе сражались девять Сент-Клеров. Потом норманны устремились, минуя Испанию, на юг, основали королевства на Сицилии и княжества на Ближнем Востоке. Норманны и франки представляли собой головной отряд крестоносцев, а в 1107 году норвежский король Сигурд появился со своими кораблями при осаде Сидона. Венецианская эскадра спасла этот флот викингов от поражения в битве с флотилией мусульман из Тира. В 1152 году еще один норвежский флот крестоносцев под командованием Рогнвальда, в то время Оркнейского графа, собрался в Гросзее для плавания в Святую Землю. В то время Венеция соперничала с Генуей, Пизой и

Марселем за доставку воинов и паломников в Левант. Ее первое успешное вторжение произошло во время Первого крестового похода, тогда Хайфа была взята с помощью венецианского флота. Потом Венеция играла все более успешную роль в торговле и войне с Левантом, и всегда требовала половину или третью часть военной добычи и привилегированных торговых концессий.

Венецианцы взаимодействовали с военными орденами. Девять рыцарей, ставших официальными основателями ордена Соломонова храма, были спутниками Готфрида Бульонского в Первом крестовом походе, как и один из первых рыцарей из рода Сент-Клеров. Готфрид отказался от короны Иерусалимского королевства^[7], но остался самым сильным его покровителем. Он принял титул Защитника Гроба Господня и основал небольшой орден рыцарей-монахов для защиты Храма Спасителя. Его примеру последовали Гуго де Пайен, Годфруа де Сент-Омер, провансский граф и еще шесть рыцарей, которые основали военный орден для защиты паломников в Святую Землю. Большинство этих основателей происходило из Лангедока и графства Шампань. Они получили в свое распоряжение южное крыло королевского дворца в Иерусалиме, рядом с тем местом, где стоял Храм Соломона. Потом им отдали Купол Скалы (Куббат-ас-Сахра), или мечеть Аль-Акса — мусульманскую святыню, перестроенную им в крестообразный храм, построенный по образцу Храма Гроба Господня, который они превратили в свою штаб-квартиру. Они-то и были подлинными стражами Соломонова храма, за который паломники принимали Купол Скалы.

Через шесть лет после официального создания ордена храмовников, вслед за которым был создан орден Рыцарей при госпитале святого Иоанна, или госпитальеров, венецианцы присоединились к осадившим Тир военным орденам. Пока последние не приступили к постройке собственных флотилий, Венеции и другим торговым городам Италии и Франции приходилось охранять Иерусалимское королевство от нападения Египта с моря. В 1204 году, во время Четвертого крестового похода, ошибочная политика Венеции позволила крестоносцам разграбить ее морского соперника — Византий^[8], или Константинополь. Поставленные венецианцами условия перевозки крестоносцев были настолько так суровы, что в руки их попали внушительные территории, принадлежавшие

Византийской империи — Греция, Пелопоннес и многие острова, в том числе Крит. Венецианец Томмазо Морозини был даже поставлен в патриархи Константинополя, получив власть над великим храмом Святой Софии. Это привело к господству венецианцев в Восточном Средиземноморье в XIII–XIV веках, несмотря на противодействие Генуи и мусульманских флотов.

Хотя семейство Дзено и принадлежало к числу двадцати четырех, считавшихся в Венеции «давними» или «старыми», они не обладали в городе таким могуществом, как Дандоло или Гримани. Пик его влияния пришелся на XIII–XIV века. Первый значительный член рода, Марино Дзено, был генерал-капитаном Моря и привез воинов Четвертого крестового похода в Константинополь, где, как писал автор мемуаров Жоффруа де Вильярдуэн, священных реликвий находилось столько, сколько было в остальном христианском мире. Сам Марино Дзено стал первым вице-дожем или подестой Константинополя; он носил подобавшие венецианскому дожу пурпурные башмаки и чулки, а также построил стену и крепость для защиты венецианского квартала на мысе Золотой Рог от остальной части города. Кроме того, он отвечал за отправление рыцарей на Святую Землю, конечное место их назначения. Так началась связь между семейством Дзено и рыцарскими орденами, продлившаяся более трех столетий.

На заре дипломатии семейство Дзено продолжало поставлять государству генерал-капитанов Моря, адмиралов флота, колониальных администраторов на множестве венецианских островных владений и легатов или послов. Один из членов этого семейства, Реньеро, стал дожем после того, как нанес поражение генуэзскому адмиралу, герб которого взял себе — четыре пурпурных диагональных полосы на серебряном поле, где впоследствии появился лев. Он составил первый полный венецианский морской кодекс, который защищал частное предпринимательство, а не сдерживал его, однако на судовладельцев легла большая ответственность: самим *patronus* приходилось быть капитанами в каждом торговом рейсе. Умерший в 1268 году Реньеро оставил большое состояние, часть его составляла добыча, взятая при разграблении Константинополя — которым вновь завладели греческие императоры — пошедшая на строительство фамильной церкви Крозикьери в Канареджо. Площадь Святого Марка приобрела нынешний вид во время его пребывания на посту дожа. На украшение

ее пошли мрамор и сокровища Константинополя: помимо многих священных реликвий над фасадом базилики были установлены четыре бронзовых позолоченных коня. Впоследствии семейство Дзено построило на этой площади фамильную часовню, украшенную превосходной мозаикой, изображавшей путешествие святого Марка в Египет и возвращение его останков.

В дальнейшем нажитое торговлей богатство и колониальные связи способствовали тому, что из семейства Дзено вышел один кардинал, четыре епископа, трое герцогов Крита, шесть герцогов Кандии, двенадцать прокураторов и десятки послов, особенно в страны Леванта. Морская империя Венеции сделала это семейство влиятельным и богатым, главным образом как перевозчика паломников и крестоносцев. Пьетро Дзено, прозванный Драконом, стал генерал-капитаном Христианской конфедерации, созданной для противостояния туркам, и поместил дракона на щит фамильного герба — как и принц Генри Сент-Клер. Дзено были ведущими защитниками морского могущества Венеции не только от турков и египетских мамелюков, но и от соперничавших с ней приморских городов — Генуи, Пизы и Марселя — а также от растущих флотов военных орденов, которые начинали строить свои базы на море — как храмовники Замок Пилигримов — для защиты своих торговых и банковских дел. Увы, они уже сдали Иерусалим войскам победоносного Саладина и перестали играть роль защитников паломников, идущих к святым местам. Поэтому рыцари Красного Креста обратились к морю.

Через сто лет после основания ордена Великий магистр Гийом де Шартр заставил храмовников построить Замок Пилигримов на мысе Атлит к югу от Хайфы. Эта громадная крепость включала в себя природную гавань и обнесенную стенами верфь. Она послужит принцу Генри Сент-Клеру образцом для строительства морского дворца в Керкуолле на Оркнейских островах. Эта крепость могла прокормить четыре тысячи человек благодаря своим огороженным садам и рыбоводным прудам, соляным копиям и источникам пресной воды. Ее восьмигранная церковь была сооружена по образцу Храма Гроба Господня и капитулов ранних английских соборов, — почти круглой, опирающейся на восемь концов храмовнического креста. Широкая, обращенная к Святой Земле, восточная стена крепости была

ее главной защитой, и храмовники были настолько уверены в своем могуществе на море, что оставили западную, восточную и южную стороны открытыми для атаки с утесов. Флот Пятого крестового похода, шедший в Дамьетту на Ниле, подошел к Атлиту, чтобы принять на борт храмовников. Руководитель перевозки паломников именовался *Magister Passagii*. Римский папа мог приказать храмовникам выставить двадцать галер для защиты прибрежных вод. У них были торговые и пассажирские пристани во всех больших портах Средиземноморья и в нескольких на Атлантическом побережье. Документы из архивов короля Англии Генриха Третьего свидетельствуют; что они могли свободно перевозить шерсть на своих судах между Бристолем и Ла-Рошелью во Франции. Поменяв конскую уздечку на корабельный штурвал, они стали превосходными моряками и навигаторами.

В XIII веке храмовники представляли собой внушительную силу на Средиземном море. Замок Пилигримов в течение семидесяти пяти лет служил центром торговли и банковского дела в Леванте, и лишь после падения Акры его гарнизон пришлось эвакуировать на Кипр вместе с сокровищами ордена. Храмовникам даже при их морском могуществе было трудно удержать свои оставшиеся укрепления на Святой Земле. Их крепости на суше все чаще подвергались осадам и стали непригодными для обороны. В 1267 году магистру Храма во Франции пришли отчаянные письма с требованием перевести сокровища храмовников в Святую Землю, чтобы расплатиться с наемными лучниками и рыцарями, нанятыми для противостояния мусульманам. «И ради Бога, — заканчивалось письмо, — примирите генуэзцев с венецианцами, ускорьте отправление нового крестового похода».

Однако новый крестовый поход для спасения Акры так и не начался, и последние крепости храмовников в конце века захватил Бейбарс, султан Египта, мамелюки которого получили прозвище «мусульманских храмовников». Орден отступил на Кипр и в Венецию, госпитальеры переместились на Родос, затем на Мальту, чтобы сражаться против неверных на море. Им помогали венецианцы, иногда они взаимодействовали с мусульманскими государствами, а не с итальянскими соперниками на море, но видели в военных орденах христовых воинов, хотя храмовники подверглись влиянию арабов и

заклучали договоры с исламской сектой ассасинов, чтобы сохранить свою собственность в Святой Земле.

Храмовники с самого учреждения ордена располагали связями с шотландским дворянством. Основатель ордена, Гуго де Пайен, был женат на французенке Катрин де Сен-Клер и во время вербовочной поездки по Европе привлек членов этого семейства в Шотландию для вступления в орден и основания штаб-квартиры храмовников в Балантродохе, всего в шести милях от замка Сент-Клеров в Росслине. Крестоносцы из Шотландии обычно держали путь в Святую Землю через Венецию. Они знали об искусстве мореплавания и могуществе Венецианской республики. Принц Генри Сент-Клер отправился в крестовый поход с Петром, королем Кипра, на короткое время отбившим Александрию у мусульман.

Карло Дзено, сын Пьетро Драконе, тогда ведущий капитан Венеции, отвечал за транспорт для путешествия в Египет. Его позднейший биограф сообщил о встрече Карло с шотландским принцем в Святой Земле и о его возвращении для обороны Кипра. В молодые годы Карло занимался торговлей с Востоком и дипломатией. Когда между Венецией и Генуей началась война, он сформировал флот и разграбил генуэзские колонии в Леванте. В отечественных водах война для Венеции шла неудачно, в 1380 году генуэзский флот захватил юго-западную часть лагуны у Кьоджи и блокировал венецианцев в их городе. Венецианские корабли не смогли прорвать блокаду. Тогда флот Карло Дзено вернулся с Востока с добычей и в свою очередь блокировал Геную. Он пресекал все попытки бегства, и через полгода осады и голода генуэзцы сдались. Решающим фактором в этой битве было использование новых корабельных орудий — петриер. Они изготовлялись из нескольких сваренных между собой и соединенных шестью-семью кольцами пластин. Заряжались с казенной части и стреляли маленькими каменными ядрами, больше наводившими страха, чем причинявшими вреда. Недавно четыре таких орудия были подняты у пристани Арсенала и демонстрируются в «Музео Сторико Навале»^[9]. К началу пятнадцатого века они устарели, поскольку тогда уже научились отливать орудия целиком из железа или бронзы.

Карло Дзено не только спас Венецию, «как Фурий Камилл спас Рим», но и покончил с генуэзской угрозой в Леванте. Ему присвоили

имя «Лев», которое он начертал на своем щите. Торговлю и дипломатию в Восточном Средиземноморье теперь полностью контролировали венецианцы сообща с военными орденами рыцарей, захватившими Родос и другие острова и сменившими коней на боевые корабли. Он едва не спас от плена византийского императора Иоанна и оставался значительной фигурой в политике Леванта. Его назначили прокуратором и едва не избрали дожем. Карло был одним из самых влиятельных людей своего времени в Венеции, где храмовники и тевтонские рыцари устроили штаб-квартиры. Он спас императора Мануила от Тимура с его монголами, однако не смог помочь ему избавиться от юного Сулеймана с его турками в то время, когда брат возил принца Генри Сент-Клера на поиски новой империи в Новом Свете.

У Карло Дзено было два брата, Николо и Антонио, оба они служили капитанами и колониальными чиновниками. Безупречная служба Николо государству снискала ему титул *Ser Dracope* или *Cavaliere*, его также получил и прокуратор Карло. Когда Марко Барбаро, другой венецианский патриций, писал о шестидесяти четырех благородных семействах Венеции, в статье «Дзено» он отметил, что Николо называли «богачом», и что он был капитаном галеры в битве с генуэзцами при Кьодже, в которой одержал победу его брат Карло. В других сообщениях он упомянут как один из трех синдиков, избранных в 1388 году для управления колониальным городом Тревизо. В течение четырех лет до 1400 года, когда он написал завещание, упоминания о нем в венецианских анналах отсутствуют.

Тревизо находится северо-западнее Венеции, на пути к перевалу Бреннер через Альпы. Через этот перевал шел оживленный торговый путь на север, в Ломбардию, Германию и страны южной Прибалтики. Поскольку Венеция была ведущей торговой державой того времени, немецкие торговцы валили толпами через Тревизо усваивать новые арабские цифры, двойную бухгалтерию и математические методы навигации, которые венецианцы переняли в Леванте. Немцы даже основали в Венеции факторию, Фондако Деи Тедески, чтобы облегчать торговлю и обучение ведению дел.

Далее Марко Барбаро отмечает в своей *Libro di nozze*, что Николо отправился исследовать северные моря, за ним последовал брат

Антонио. Впоследствии они создали совместное описание «путешествия среди островов южнее Полярного круга и открытий, совершенных в 1390 году — по приказу Zісно (Сент-Клера), короля Фрисланды, он (Антонио) отправился на континент Эстотиланда в Северной Америке. Антонио прожил во Фрисланде четырнадцать лет: четыре с братом Николо, десять один». В этот период поступило ложное сообщение о смерти Николо, но Антонио вернулся перед самой смертью в 1406 году в Венецию, где его брат Карло был прокуратором. Очевидно, он привез из путешествий записи и карты, которые его потомок, другой Николо Дзено, видел ребенком в фамильном дворце в Канареджо. Частично уничтоженные, эти свидетельства были опубликованы в 1558 году в Венеции как «Книга и Карта» Дзено, которая по сей день вызывает споры. Если она основана на подлинных записях, как предположил Барбаро в своем сообщении о семействе Дзено, опубликованном двадцатью двумя годами ранее, тогда Венеция и Антонио Дзено должны принять честь открытия и колонизации Северной Америки почти за столетие до Христофора Колумба из соперничающей Генуи.

Прежде чем вдаваться в подробности «Книги» Дзено, нужно навести справки. Почему два значительных венецианских капитана и администратора, братья одного из самых могущественных людей в городе, провели столько лет в северных морях? Едва ли им было нечего делать в Средиземноморье. В конце XIV века насчитывалось всего около тысячи трехсот аристократов, которые могли быть избраны в Большой Совет. Из их рядов выходили флотоводцы, администраторы и послы. Аристократы были немногочисленны и ценны: на тысячу венецианцев приходился один аристократ. Генуя все еще представляла собой угрозу на море — как и флоты мусульманских Египта и Турции тоже. Опытных колониальных правителей и дипломатов было мало. Члены семейства Дзено занимали и продолжали занимать эти должности. Кажется невероятным, чтобы Николо Дзено могли отстранить от службы Венеции всего лишь ради исследования северных морей. Без распоряжения Совета его брат Антонио не мог присоединиться к нему на Оркнейских и Шетландских островах, приведя с собой купленные на собственные деньги венецианский корабль.

Скорей всего, мы имеем здесь дело с известной государству секретной миссией, позволившей двум столь выдающимся персонам отправиться на север и долго служить шотландскому принцу. Назначение Николо Дзено в Тревизо уже наделило его опытом торговли с севером. Интерес Венеции в развитии торговли и создании союзов в Северной Атлантике подтверждается тем фактом, что в 1396 году Карло Дзено был отправлен послом во Францию, затем в Англию, пока его брат Антонио готовил шотландский флот к колонизаторской миссии на запад. Согласно «Книге» Дзено, Николо уже отплыл в экспедицию к Гренландии, начал обследование ее восточного берега и сообщил Карло о процветающей торговле соленой рыбой и мехами между норвежскими колониями в этой земле и Исландией, Шетландскими островами и Скандинавией. Он также описал флот шотландского принца, которому служил, завоевание Сент-Клером Оркнейских, Шетландских и нескольких Фарерских островов. Эти завоевания являются фактом. Одним из подтверждений правдивости большей части «Книги» Дзено является то, что она основана на письмах, которые Николо и Антонио отправляли брату Карло с Оркнейских и Шетландских островов, их точное описание малоизвестных кампаний и войн на этих островах, сообщения о которых обычно не достигали Венеции. Венецианское государство поддерживало семейство Дзено в его стремлении к торговле и влиянию в Северной Америке.

Нет никакого сомнения и в тесных связях венецианских дипломатов и семейства Дзено с военными орденами со времени их основания в Иерусалиме после Первого крестового похода до последней остановки на Мальте, где они оставались незначительной военно-морской силой. С упразднением ордена храмовников после 1307 года госпитальеры присвоили много собственности и функций этого ордена: это было сделано в штаб-квартире храмовников в Сан Джорджо ди Скьявони. Поэтому неудивительно обнаружить бородатую фигуру коронованного рыцаря в одеянии храмовника, управляющего колониальной плантацией, перерисованную венецианским печатником Вавассаторе с опубликованной в 1545 году карты мира, составленной Каспером Фопелем из Кельна. Вавассаторе напечатал свою версию тринадцать лет спустя, в один год с публикацией «Карты Дзено». Знаменательно, что фигура

коронованного рыцаря находится на месте провинции Новая Шотландия, названной Фопелем *Vascalearum Regio* по Меркатору, и Эстотиландой — Николо Дзено. Этот факт предполагает традиционное семейное знание истинной причины плавания на север в 1390 году первого Николо Дзено, за которым последовал брат Антонио.

Фигура коронованного рыцаря не появляется больше ни на одной из дошедших до нас ранних карт Северной Америки. Она остается уникальной на гравюре Вавассаторе, сделанной с карты Фопеля. Он должен был знать о карте Николо Дзено, выпущенной в том же году, так как Дзено считался одним из ведущих картографов Венеции. В этом небольшом городе все видные люди должны были знать друг друга. Какая-то причина побудила Вавассаторе поместить фигуру коронованного рыцаря именно там, где это сделал Фопель. И долгая связь семейства Дзено с крестоносцами и храмовниками указывает причину для отправления находящихся на службе у шотландского принца первых венецианских исследователей на дальний Север — на поиски расположенного на западе Нового Иерусалима.

3. РЫЦАРИ МЕЧА, МАСТЕРКА И ГРААЛЯ

Для европейских христиан Иерусалим буквальным образом представлял собой центр мира. Согласно легенде, первый человек, Адам, был похоронен на Голгофе, где впоследствии принял крестную смерть Иисус, Сын Божий. Для евреев Иерусалим тоже был центром Израиля и мира, а центром священного города считался краеугольный камень мироздания, находившийся в святой святых Соломонова храма; перед этим камнем стоял Ковчег Завета. Центром христианской вселенной считался другой камень, находящийся под куполом Храма Гроба Господня, где некогда хранился Истинный Крест. Это был мраморный столп двух футов высотой, на котором стоял сосуд с камнем, ставший еще одним источником вдохновения для романов о Граале, гностиков и алхимиков, один из которых писал: «Опиши правильный круг и получишь философский камень». Само представление о Замке Грааля восходило к идее небесного, совершенного Иерусалима, сферы, представляющей собой центр веры и бытия. Крестоносцы видели в Иерусалиме и подлинный, и иллюзорный город, — обнесенное стеной поселение в Палестине и Рай в Святой Земле. Паломники тоже стремились найти Замок Грааля.

Один из источников, повлиявших на немецкое описание Замка Грааля, был историческим, причем восточным. В средневековом романе «Младший Титу рель» Храм Грааля стоял на ониксовой Горе Спасения. Он был округлым, увенчанным золотым куполом, на котором созвездия из драгоценных камней сверкали под механическими золотым солнцем и серебряной луной. В начале VII века персидский царь Хосров Второй построил подобный дворец на святой горе Шиз, где раньше находилось круглое святилище священного огня в память о пророке Зороастре, манихейские взгляды^[10] которого повлияли на гностиков и алхимиков. Округлый дворец из драгоценных металлов и камней изображал небо, вращавшееся упряжками лошадей, которые натягивали канаты из ям внизу. Минеральные отложения из кратерного озера придавали горе

блеск оникса. Этот древний планетарий назывался «Престол Небосвода», Тахт-и-Такдис; центральный круг окружали двадцать две изысканно украшенные арки, по количеству меньших храмов, окружавших главный зал Замка Грааля в «Младшем Титуреле». К сожалению, византийский император Ираклий нанес поражение Хосрову, снес Тахт и забрал Истинный Крест, который Хосров захватил в Иерусалиме. Этот ранний крестовый поход для возвращения Истинного Креста был хорошо известен в средневековой Европе и служил темой для песен трубадуров.

В 1099 году, когда христианская армия взяла Иерусалим, фанатизм ее воинов превратил завершение Первого крестового похода в неизгладимое из памяти преступление, которое до сих пор заставляет мусульманский мир содрогаться. Иерусалим считался третьим священным городом ислама после Мекки и Медины, так как, согласно Корану, Аллах однажды ночью чудесным образом перенес пророка Мухаммеда к иерусалимской мечети Аль-Акса или Куполу Скалы, а потом — на небо, где тот встретил Христа и Моисея. Эта встреча символизировала неразрывную связь трех религий, иудаизма, христианства и ислама, под громадным сияющим куполом в Иерусалиме. Но когда крестоносцы ворвались в город, они разграбили его, перебив большинство жителей. Современник-араб писал, что население святого города было предано мечу, и франки целую неделю убивали мусульман, большей частью в мечети Аль-Акса, куда те бежали в надежде найти убежище. Другой араб-комментатор писал: «Евреи собрались в своей синагоге, и франки сожгли их заживо. Кроме того, они разрушили памятники святым и гробницу Ибрагима^[11], да пребудет с ним мир!». Крестоносцы изгнали восточных христианских священников — греков, коптов и сирийцев — из Храма Гроба Господня и подвергли их пыткам, дабы они сказали, где прячут Истинный Крест. Таким образом, земной Иерусалим был опустошен крестоносцами в оргии насилия, что едва ли можно назвать деяниями рыцарей, достигших наконец Небесного Града и Замка Грааля.

Крестоносцы также разграбили мечеть халифа Омара, построенную в память о втором преемнике пророка Мухаммеда. По иронии судьбы, Омар спас Храм Гроба Господня, когда в свое время въехал в Иерусалим на белом верблюде. Греческий патриарх повел его по святым местам христианской общины. Когда настало время

мусульманской молитвы, Омар находился в Храме Гроба Господня. Он спросил, можно ли ему разложить молитвенный коврик и помолиться; патриарх согласился. Но Омар сказал, что если он будет молиться в Храме, мусульмане превратят его в мечеть на том основании, что там молился Омар. Поэтому вышел и молился снаружи; на этом месте выстроили мечеть его имени, которую разрушили крестоносцы. Им нужно было бы научиться веротерпимости, — она станет одним из многих уроков, которые преподадут им цивилизованные противники-арабы.

Первые христианские военные ордены, основанные желтобородым Готфридом Бульонским, стали стражами Храма Гроба Господня, расположенного там, где, согласно Евангелиям, Христос воскрес из мертвых. Но их быстро вытеснили храмовники, ставшие стражами Храма Соломона, исконного центра Иерусалима, Израиля и мира. Предполагается, что на его месте находится мечеть Аль-Акса, которую храмовники превратили в свой храм. Соседний восьмигранный Купол Скалы паломники считали Храмом Соломона, кроме того, он был изображен на печати Великого магистра храмовников. На этой священной скале Гуго де Пайен и его товарищи-рыцари принесли клятву основателей ордена. Эти рыцари усвоили многие знания современной им арабской философии, науки и строительной техники, перешедшие из классической греческой мысли. В их ордене было много строителей и каменщиков, они использовали Храм и строительные инструменты в своей символике, изображениях и церемониях. Храмовники и многие масоны впоследствии сделали неоплатониками. Они верили в Единого Бога, Архитектора Мира, в которого могли верить представители всех авраамических религий, — христиане, мусульмане и иудеи. Это было основой их веры, приведшей потом к обвинениям в ереси. Храмовники, кроме того, стали впоследствии проводниками магических и оккультных знаний Ближнего Востока шотландским каменщикам и в конце концов всем франкмасонам.

Храмовники переняли из восточного мистицизма тайное знание — *гнозис*. Его священной геометрической фигурой считался восьмиугольник в круге. Купол Скалы, в котором находится священный камень Мориа, был построен исламскими архитекторами, на восьми его стенах равной длины покоится золотой купол. Это

здание храмовники охраняли в течение девяноста лет существования христианского Иерусалимского королевства в XII веке, его форма повлияла на всю архитектуру храмовников и убедила их и паломников в своем сходстве с Соломоновым храмом. Восьмигранные часовни существуют во многих пресвитериях храмовников, в частности, в Томаре, центре ордена в Португалии. Восемь правильных стен характерны для часовен, возведенных возле готических соборов XII–XIII веков. Такая же часовня находится на побережье залива Ферт-оф-Форт, в древнем шотландском аббатстве Инхкольм. Вписанный в круг восьмиугольник представлял собой план постройки Росслинской часовни, причем создатель этого плана, высокоученый Вильям Сент-Клер, граф Оркнейский, знал предания храмовников и алхимиков.

Храмовники исполняли не только функции банкиров Иерусалимского королевства, но и являлись его дипломатами в мусульманском мире. И королевство пало только тогда, когда неотесанные Великие магистры предпочли противоборство с ним. История, изложенная эмиром Усамой ибн Мункызом, дипломатом и писателем из Дамаска, показывает, насколько храмовники научились веротерпимости у соседей-мусульман. Приехав в Иерусалим, он захотел помолиться в мечети Аль-Акса, превращенной в христианскую церковь. Храмовники поставили для него рядом с мечетью маленькую часовню. Когда эмир начал молиться, некий рыцарь, только что приехавший из Европы, силой повернул его лицом на восток со словами: «Мы молимся так». Храмовники отвели новичка в сторону, но как только эмир возобновил молитву, обратясь лицом к Мекке, рыцарь повторил свою грубость. На сей раз храмовники прогнали его прочь и извинились перед эмиром такими словами: «Он здесь чужеземец: только что приехал из Европы и не видел, чтобы кто-нибудь молился, не обратясь лицом на восток». Эмир прекратил молитву, но простил своих друзей-храмовников. Другим крестоносцам он объяснил: «Мы нашли людей, которые приехали поселиться среди нас и ищут дружбы с мусульманами. Эти люди намного превосходят тех, кто недавно присоединился к ним на той земле, которую они теперь занимают».

Храмовники, хоть и зависели от своих пресвитерств в Европе в том, что касалось новых воинов и доходов, представляли собой постоянную армию в Святой Земле: несколько сотен рыцарей

удерживали Священный Город и разрозненное ожерелье замков по всей Палестине. Их существование зависело от стравливания арабских правителей или военачальников друг с другом. Любое объединение мусульманских государств против храмовников означало бы конец ордена. Особенное влияние на него оказывала шиитская секта исмаилитов-ассасинов, у которой были земли и крепости в горах возле Каспийского моря и в Сирии; она поддерживала египетских халифов-фатимидов. Ее основатель и первый вождь, Хасан ас-Сабах, был поэтом, ученым и отцом современного терроризма. Он внушал фанатичным молодым людям, чтобы они шли и убивали его врагов, обычно ценой собственной жизни. От этих команд самоубийц сохранилось слово *фидаин*^[12], которым до сих пор называют себя палестинские партизаны. Ассасины нашли в храмовниках преданных союзников в уничтожении суннитских правителей Сирии и других арабских государств, а также приверженцев некоторых тайн их организации и доктрин.

Марко Поло, проезжавший через Персию по пути в Китай, привез в Европу легенду о ассасинах. Он писал, что в укрепленной долине между двумя горами шейх, или «Старец» ассасинов разбил прекрасный сад, в котором росли все плоды мира. По саду протекали реки вина, молока и меда. Как и в раю пророка Мухаммеда, по образцу которого этот рай был создан, в нем были прекрасные дворцы, гурии, певцы, музыканты и танцоры. Видели его только те, кто должен был стать ассасином. Молодых людей, обучавшихся владеть оружием при дворе Старца, опаивали наркотиком, одурманенными их уносили в скрытый сад и предоставляли им все его улады. Несколько дней они проводили в роскоши, убежденные, что вождь отправил их в рай. Потом их снова опаивали и возвращали в привычное место, и молодые люди были готовы рисковать собственной жизнью ради вождя. «Когда захочет Старец убить кого-либо из знаменитых, — заключает Марко Поло, — или вообще кого-нибудь, выбирает он одного из своих ассасинов и шлет его туда, куда пожелает. А ему говорит, что хочет послать его в рай, и шел бы он поэтому туда-то и убил бы таких-то, а коль сам будет убит, то тотчас же попадет в рай. Кому Старец так приказывал, охотно делал все, что мог, шел и исполнял все, что ему было сказано. Кого Старец Горы решил порешить, тому не спастись»^[13].

Средневековая история о крепости и рае на земле, сходная с Замком Грааля короля-рыбака в романе Вольфрама фон Эшенбаха «Парцифаль», верна в этом отношении. Нет сомнения, что ассасины принимали наркотики, так как это слово происходит от арабского *хашишин*, то есть «принимающий гашиш». Рассказ о саде-рае, возможно, идет от вызванных наркотиком галлюцинаций. Но восточная легенда уже создала рай из плодородной долины возле главной крепости ассасинов в Аламуте, к югу от Каспийского моря. Истории об этой секте, возможно, смешаны с этим преданием и легендой о царе Шададе^[14], пытавшемся создать рай, равный раю Аллаха.

Миссионеры, обучавшиеся в Великой Луже в Каире, проповедовали доктрину, отрицающую большинство верований ортодоксального ислама. Они считали, что мусульманский закон и писания содержат тайный смысл, понятный только имамам. Учили, что существовало только семь пророков: Адам, Ной, Авраам, Моисей, Христос, Мухаммед и имам Исмаил. В порядке мироздания пророки стояли на уровне Вселенского Разума, ниже лишь Самого Бога. Последним, на седьмой ступени мироздания, стоял человек. Хотя сам Бог был непознаваем, человек мог с трудом подняться по этим ступеням к Вселенскому Разуму, на каждой из них ему будет открываться новая сторона учения. Поскольку такие взгляды были еретическими, каждому неوفиту-исмаилиту требовалось скрывать свои убеждения в соответствии с шиитским требованием секретности и внешне признавать авторитет государственной религии. В исмаилитских сочинениях обычно появлялся одержимый странник, напоминающий ищущего Грааль Персиваля. Он искал истины через злоключения и страдания, пока, наконец, имам не открывал ему истинный смысл мусульманского закона и писаний.

Такой поиск описывает Хассан ибн Саббах в своих мемуарах. Он искал духовной власти через политическую власть и изменил роль исмаилита-неофита на роль ассасина. Вместе с тем он изменил ступени посвящения. Единственные описания этих ступеней и тайн, открываемых посвящаемому, сделаны европейскими учеными, которые видели в исмаилитской иерархии просто-напросто систему промывания мозгов. По их мнению, преподавание на каждой ступени отрицало все, что преподавалось прежде. А самая большая тайна

ассасинов заключалась в утверждении, что рай и ад — одно и то же, что все поступки маловажны, и не существует ни добра, ни зла, кроме добродетели повиновения имаму. О тайнах ассасинов ничего не известно, потому что все книги об их учении и ритуалах монголы сожгли в 1256 году вместе с их библиотекой в Аламуте. Хассан сделал ударение на шиитской доктрине повиновения имаму и произвел изменения в исмаилитской иерархии. По персидскому преданию ниже самого Хассана, главного *дай*, или Великого магистра, стояли старшие *даи*, обычные *даи*, *рафики* или спутники, *ласики* или миряне и *фидаи* (ревнители), совершавшие убийства. Разделение храмовников под началом Великого магистра на великих приоров, приоров, рыцарей, эсквайров и мирских братьев очень походит на иерархию ассасинов.

Хассан в своем аскетизме, в своей целеустремленности был идеальным революционным вождем и конспиратором. Сообщалось, что он более тридцати лет безвылазно сидел в своем домике в крепости, выходил лишь дважды и дважды появлялся на крыше. Невидимость увеличивала его власть. Из своего уединения он укреплял оборонительные сооружения Аламута, очищал ряды своих последователей (даже предал смерти двух сыновей), и продолжал стратегию захвата горных позиций. Возвел свою власть до тирании над жизнью и душой. Воля Старца представляла собой волю имама, халифа и таким образом волю Бога. Склоняя гарнизоны на свою сторону и убивая местных правителей, он захватывал крепости и терроризировал суннитов, как персов, так и турок. Заговору немногих решительных, как всегда, не могли противостоять трусливые многие. По примеру самого Мухаммеда, который бежал в Медину, чтобы собрать подкрепление и отвоевать Мекку и всю Аравию, Хассан надеялся захватить весь Багдадский халифат.

Хассан, используя свою власть и наркотики, учил *фидаинов* слепому повиновению, подобно японским летчикам-камикадзе во время Второй мировой войны, они приветствовали смерть при попытке совершить убийство. В виде оружия они предпочитали кинжал, в виде места казни — двор мечети. Презирали использование яда и закулисных интриг, у них существовал кодекс воинов, а не гаремных убийц. Легенда повествует о матери *фидаина*, которая обрадовалась при вести, что ее сын погиб, пытаясь убить правителя, а когда он вернулся живым, облеклась в траур. Подобные легенды

возникали вокруг других верных фидаинов, которые закалывались или бросались на скалы под стенами парапета, чтобы продемонстрировать послушание приказам Старца.

Подобно мафии позднейших времен, ассасины предпочитали обещаниям покровительства угрозы смерти. Этот способ помог расшатать Турецкую империю и раздробить еще больше раздробленный арабский мир. Подозрения вызывали мятежи, убийство было обычным методом королевского правления. Пришедшие в Святую Землю крестоносцы встретили разделенного, дезорганизованного ассасинами противника. Возможно, Хассан не собирался помогать вторгшимся христианам; но он помог крестоносцам укрепиться в Леванте.

Основатель ордена храмовников Гуго де Пайен знал об ассасинах, создавая свою организацию. Христианские и мусульманские военные ордены знали о существовании друг друга в Сирии до 1128 года, когда был написан устав храмовников. Даже цвета, что носили эти рыцари, красные кресты на белом поле, были теми же, что у рафиков ассасинов, которые носили красные шапки и пояса и белые бурнусы. Кое-кто утверждает, что храмовники приняли ассассинские «цвета невинности и крови, чистой преданности и убийства» только потому, что их соперники-госпитальеры одевались в черное. Как бы то ни было, обязанности храмовников были буквально теми же, что у ассасинов — служить независимой силой на стороне своей веры.

Когда ассасины убили графа Триполийского, храмовники заставили их сирийскую ветвь платить ежегодную дань. А когда шиитский халифат Фатимидов в конце концов пал в Египте, ассасины в Сирии пришли в такое отчаяние, что выказали желание обратиться в христианство. Однако храмовники уже не хотели терять дохода от их дани. Они убили ассассинских послов, когда те возвращались после переговоров с иерусалимским королем. Это положило конец взаимодействию двух военных орденов, христианского и мусульманского. Столь же опрометчивые решения Великого магистра храмовников в 1187 году положили конец Иерусалимскому королевству. За три года до этого андалусский путешественник ибн Джубаир отметил полное взаимопонимание и уважение христиан и мусульман к правам друг друга вести торговлю в Палестине. Но это дело было обречено, так как блестящий курдский полководец Саладин

сумел объединить разрозненные мусульманские государства в *джихаде*, священной войне против неверных, после того, как франки устроили набеги на торговые пути в Красном море и на шедшие к Мекке караваны паломников. Он отправил на разведку войско в семь тысяч всадников с охранным свидетельством, однако на него напали храмовники с госпитальерами и оказались разбиты. Уцелевшие рыцари бранили иерусалимского короля за ведение дел с мусульманами, хотя сами занимались этим девяносто лет. Они убедили его выступить и дать бой объединенной армии Саладина.

Близ горы Рога, Хиттина христианская армия оказалась в западне без воды и была разгромлена. На сей раз Саладин отказался от политики милосердия и наказал вероломство неверных. Всех пленников из рыцарских орденов обезглавили члены мусульманского ордена суфиев. Однако по контрасту с христианами, устроившими в Иерусалиме резню мирных жителей во время Первого крестового похода, Саладин пощадил священный город. Вождь сопротивления, Балиан Ибелинский, угрожал уничтожить Иерусалим, в том числе и Купол Скалы, если защитников не отпустят под выкуп, и Саладин принял эти условия. Он даже выставил охрану в священных для христиан местах и отказался уничтожать Храм Гроба Господня в отместку за жестокость христиан при взятии Иерусалима. Мечеть Аль-Акса вновь стала мусульманской святыней после того, как ее стены опрыскали розовой водой.

Падение Иерусалима положило конец назначению ордена храмовников, так как его рыцари были стражами Храма Соломона и защитниками христианских паломников по святым местам, теперь оказавшихся в руках мусульман. Храмовникам, хотя их орден просуществовал еще сто двадцать лет, нужно было искать новую роль. Они отступили к морю и стали строить там крепости, готовясь к новому крестовому походу, чтобы отвоевать Иерусалим. Только Третий крестовый поход с королем Ричардом Первым Английским приблизился к достижению этой цели; но Саладин оказался достойным соперником самого Ричарда Львиное Сердце. Храмовники все больше и больше становились торговцами, банкирами и управляющими своих имений.

Предзнаменованием их судьбы явился очередной крестовый поход, теперь устроенный христианами против христиан во Франции. Жертв

его, *катаров*, или «чистых», назвали еретиками, как со временем назовут и храмовников. Со времени основания ордена Гуго де Пайеном храмовники были тесно связаны с дворами Шампани, Прованса и Лангедока. Авторы средневековых романов сделали их рыцарями Грааля. Покровители культуры на юге Франции, определенно самые богатые и цивилизованные в Европе XII века, поддерживали крестовые походы и гибели, содействуя им. Но короли Франции стремились подчинить себе независимые владения юга, а римские папы не доверяли растущему влиянию катарских священников, именуемых *perfecti*^[15], которые хотели реформировать веру.

И катары, и храмовники подвергались влиянию суфийских, манихейских и исламских доктрин, а также раннего христианства и каббалы. Они верили, что плоть греховна, что жизнь представляет собой восхождение к духу, а не поиски Грааля. Причиной создания человека считался Люцифер или Дьявол. Платон был прав в «Горгии», цитируя Еврипида: «Кто знает, не смерть ли жизнь, и не жизнь ли смерть?». Прав также король в поэме Генриха фон дем Тюрлина «Корона»: «Мы только кажемся живыми, на самом деле мы мертвы». *Perfecti* вели посвящаемых на стезю духа через мистический праздник под названием *manisola* и невинный поцелуй приема в веру; именуемый «утешение», *consolamentum*. Эта религия определенно была более чистой и личностной, чем католичество того времени, потому что индивид спасал душу аскетическим образом жизни. Влияние катаров очевидно в поиске Грааля и первом походе крестоносцев для завоевания священного города Иерусалима. Было трагедией, что альбигойский крестовый поход обратился против первопричины предыдущих крестовых походов.

Города и земли Лангедока были так же дочиста разграблены бедными рыцарями-наемниками, как до того Святая Земля. Как и следовало ожидать, последний замок катаров в Монсегюре сочли Замком Грааля, где *perfecti* были обеспечены духовная пища и жизнь. Считалось что чаша, которую использовали в празднике *manisola*, была тайно вынесена из Монсегюра до его падения и зарыта — еще один подлинный Грааль — в пещерах под крепостью. Хотя некоторые из храмовников участвовали в альбигойском крестовом походе, большинство уцелевших рыцарей-катаров было принято в военный

орден Соломонова храма, пронизанный восточными влияниями. Однако еще один король, Филипп Французский, обрушился на самих храмовников из-за их богатства, могущества и ереси. Новые европейские королевства могли одобрять крестовые походы для освобождения священного города Иерусалима, но не хотели терпеть тайное государство в своих государствах, какой бы священной ни представлялась его цель.

Надвигающееся падение храмовников и бегство нескольких рыцарей с их сокровищами и флотом изменили судьбу древнего, находившегося в норвежском, нормандском, шотландском подданстве семейства Сент-Клеров. Катастрофа ордена оказалась благоприятной возможностью для рослинских лордов. Они воспользуются богатствами и опытом храмовников и поведут уцелевших рыцарей в бой за независимость своей страны, за Оркнейские и Шетландские острова и даже на создание колонии в Новом Свете за океаном.

4. КРОВЬ СВЯЩЕННОГО СВЕТА

Когда один член семейства Мор (Мшге), ведшего происхождение от норманнов и викингов, принимал имя Сент-Клер, имя это толковалось как Священный Свет^[16]. В десятом веке, на латыни, это имя звучало как Sanctus Clarus; первое слово означало «Священный», второе — «Чистый» или «Сияющий». Семейство Моров контролировало часть норвежского побережья, Оркнейские острова и графство Кейтенес в Шотландии. Основателем его могущества был граф Рёгнвальд, прославленный в саге и народной памяти. Один из его сыновей, Торф Эйнар, захватил Оркнейские острова и стал отцом грозного Торфина Первого, другой сын Рогнвальда — Рольф Пешеход^[17] (по-французски Роллон) — был изгнан королем Норвегии, отправился в разбойничье плавание в Северное море и захватил большую часть Британии и Нормандию. В 911 году он заключил договор в городе Сент-Клер-сюр-Эпт с королем Карлом Простоватым, на дочери которого после обращения в христианство женился. Давая вассальную присягу, он отказался целовать ногу королю. «Ни за что, черт возьми», — сказал он и поручил это одному из своих дружинников. Тот, смеясь, подошел к королю, но не стал наклоняться, чтобы поцеловать ступню, а схватил царственную ногу сидевшего короля и поднес к своему разбойничьему рту.

Святым, давшим свое имя городу Сент-Клер-сюр-Эпт, был шотландец Гилермус или Вильям; впоследствии это имя станет излюбленным у лордов Рослина. Он жил в начале VII века в келье возле источника, вода которого излечивала глазные болезни. Целебные источники всегда ассоциировались с Сент-Клерами. Этого Сент-Клера казнили за осуждение грехов жены местного властителя. Этот источник до сих пор существует возле реки Эпт, над ним стоит статуя Сент-Клера, держащего в руках свою голову. Его почитание распространилось по всей Нормандии благодаря другим Сент-Клерам, которые обращали Францию в христианство, начиная с юга. На другом берегу Эпта двоюродные братья Моры, оставшиеся охранять границы Нормандии от нападений французов из Парижа, приняли имя Сент-Клер и построили замок с крутой башней. Его развалины до сих пор

высятся над плодородными хлебными полями, спускающимися к впадающей в Сену речушке.

Рольф стал первым герцогом Нормандии. От второй жены по имени Поппа у него был сын Вильгельм (или Гильом) Длинный Меч, распространивший власть Нормандии до островов в Ла-Манше. Он пожаловал своим родственникам Сент-Клерам земли и охотничьи угодья возле Сериси. Семейство Брюсов, которое тоже участвовало в походе его отца Рольфа с Оркнейских островов, получило земли на полуострове Контантен. Эти соседи-норманны сыграют важную роль в дальнейшей шотландской истории.

У сына Вильгельма, Ричарда, третьего нормандского герцога, был сын по имени Могер, который стал графом Корбейльским. Старший его сын Ричард стал четвертым герцогом, у него тоже был сын по имени Могер, первый принявший титул графа де Сент-Клера. Став архиепископом Руана, он получил юрисдикцию над городом Сен-Ло и землями к северу между реками Вир и Эль. В своих владениях он выстроил замок и церковь, присвоил своим постройкам имя Сент-Клер, а себе титул. Замок был разрушен во время Столетней войны, церковь восстановили в девятнадцатом веке, река Эль исчезла, превратившись в пруды для скота. Среди грязи, запустения и зарослей крапивы там еще сохраняется целебный источник.

Вальдерн был вторым сыном первого графа де Сент-Клера. С двумя братьями, Гамоном и Губертом, он выступил против того, чтобы после смерти его отца Роберта Дьявола герцогом Нормандским стал Вильгельм Незаконнорожденный. Гамон и Вальдерн погибли в битве при Валь-эс-Дюн, в которой победу одержал будущий Вильгельм Завоеватель. Считается, что Вальдерн был женат на Елене, дочери пятого нормандского герцога, и таким образом состоял в родстве с Завоевателем. Разумеется, уцелевший брат, Губерт де Сент-Клер, вернул себе расположение и с другими племянниками и родственниками отправился завоевывать Англию. В битве при Гастингсе участвовало девять Сент-Клеров, один из них увековечен Васом Джерсийским в «Романе о Ру»: «он и еще трое рыцарей атаковали отряд англов, которые отступили на холм, и вчетвером уничтожили многих». Завоеватель щедро наградил их, и они стали его помощниками в правлении Англией.

До завоевания у норманов было много контактов с древними саксами и потомками Кердика, короля Уэссекса. Один из них, Ине, основал в Гластонбери монастырь, который впоследствии стали связывать с легендой о короле Артуре и рыцарях Грааля: предполагалось, что именно сюда Иосиф Аримафейский привез чашу Тайной Вечери. У последнего короля из рода Кердика, Эдуарда Исповедника, мать была нормандкой, и его двор был пронизан нормандским влиянием. Действительно, младший сын Вальдерна, Вильям де Сент-Клер, был в детстве отправлен к английскому двору Маргарет, внучки Эдмунда Железнобокого, похороненного в Гластонбери. Ее брат Эдгар Этелинг имел больше прав на английскую корону, чем «король» Гарольд Годвин, погибший в битве при Гастингсе, или незаконнорожденный герцог Нормандии, который был лишь двоюродным братом Эдуарда Исповедника, хотя тот и избрал его своим преемником.

Маргарет, ее брат Эдгар и придворный Вильям де Сент-Клер были вынуждены провести много лет в Венгрии в качестве беженцев, спасавшихся от смуты и борьбы за английский престол. Там она приняла католичество, введенное королем Иштваном. А когда вышла замуж за Малькольма Канмора, взяла с собой в Шотландию драгоценную реликвию принявшей ее страны, частицу Истинного Креста, почерневшую от времени и хранившуюся в золотом ковчеге с драгоценными камнями — Холируд^[18]. Хранителем Холируда был назначен кравчий Вильям де Сент-Клер, прозванный «Пригожим» — благодаря поведению и внешности — «хорошо сложенный во всех членах, среднего роста, красивый лицом, светловолосый».

Муж Маргарет, Малькольм Третий, нанес поражение убийце своего отца, короля Дункана, Макбету и убил его. Союзником Малькольма был Торфин, граф Оркнейский, владелец еще девяти шотландских графств. Первая жена Малькольма, Ингебьорг, дочь Торфина, родила ему трех сыновей и принесла перемирие с могущественным владением норвежцев на севере. Второй брак с Маргарет Этелинг сделал его покровителем законного короля Англии с претензией на этот трон через детей. Маргарет, привезя частицу Святого Креста в Шотландию, как будто подтвердила божественное право носителей шотландской короны, кроме того полученного от Камня Судьбы, привезенного в королевство из Иерусалима через Ирландию.

В том мистическом, набожном веке частица Святого Креста символизировала обладание Святой Кровью Христа, а Камень Судьбы представлял собой краеугольный камень Храма Соломона и родословную царей Иудеи. Чашеносец королевы Маргарет, Вильям де Сент-Клер, стал теперь хранителем этих драгоценных реликвий. За это его семейству был пожалован как символ на щит Зубчатый Крест. Выполненные на кресте углубления в форме чаш имели три значения. Во-первых, они символизировали Грааль, чашу Тайной Вечери. Во-вторых, напоминали створки раковин, которые паломники приносили к гробнице святого Иакова в Сантьяго-де-Компостсла в Испании, являвшейся самым священным местом христианского мира до завоевания Иерусалима в Первом крестовом походе. В-третьих, напоминали об оправе Истинного Креста, носимой как знак рыцаря Грааля и хранителя этой драгоценной реликвии.

Королева Маргарет и хранитель священной частицы Креста создали еще одну мистическую ассоциацию. Неподалеку от Эдинбурга у реки Норт Эск лежат земли Рослина — тогда он еще не назывался Росслин. Они предохраняли Эдинбург от нападений с юга, возле них находилась целебный источник; считалось, что там кровь святой Екатерины Александрийской истекает из земли битумом и нефтью, «исцеляющей различные заболевания кожи». Считалось, что начало этому истечению положила сама королева Маргарет, привезя склянку крови святой из ее гробницы на горе Синай. Разумеется, королева приказала построить часовню над целебным источником, а Вильям де Сент-Клер был посвящен в рыцари и получил в пожизненное владение земли Рослина. Снова он стал хранителем святых реликвий. То, что он вел свое имя от Гилермуса Сент-Клера и владел целебным источником возле реки Эпт, могло только усилить отождествление сэра Вильяма де Сент-Клера или Гилермуса де Санкто Кларо с родом, который защищал «Святой Свет».

После убийства короля Малькольма в 1093 году его супруга Маргарет скончалась тремя днями позже в благочестивых молитвах, и трон занял брат Малькольма Дональд Бейн или Красивый, воспитанный под норвежское влияние, и прозванный «неисправимым старым кельтом». Дональд презирал норманское влияние при дворе и отразил нападение из Англии, которое устроил Дункан, сын Малькольма от первой жены, с норманнским войском. Дункан был

убит, но Эдгар, сын королевы Маргарет, нанес поражение Дональду с другой норманнской армией. Его дядя, Эдгар Этелинг, командовал отрядом шотландских рыцарей в Первом крестовом походе. Существует упоминание об участии одного из Сент-Клеров в этом походе среди сподвижников Готфрида Бульонского, но он вполне мог быть членом семейства, все еще жившего в Нормандии. Разумеется, Сент-Клеры из Рослина оставались защитниками шотландской короны, и сэр Вильям де Сент-Клер был убит во время набега из Англии. По словам позднейшего историка этого семейства, священника Хэя, сэр Вильям «устремился вперед с намерением рассеять противника, но, будучи окружен врагами, был убит их многочисленностью, при этом многие полегли кучей у него под ногами».

Сэр Вильям выказал в этом бою неистовость, которая станет причиной смерти многих его потомков в отчаянных атаках на врага. Но до гибели он женился на Дороти Данбар, дочери первого графа Марча, которая родила ему сына Генри. Замечательным наследием владельцев Рослина было то, что титул беспрерывно переходил к потомкам по мужской линии в течение семи столетий, что не имеет аналогии среди шотландского дворянства. Он добавлял веры в их назначение и прозвание — быть «хранителями Святой Крови и Святого Света». Более того, сэр Вильям выдал замуж свою сестру Агнессу за Филипа де Брюса, владельца Аннандейла, тоже из Нормандии, родом с Оркнейских островов, это еще одно связующее звено между этими двумя семействами, значительными в будущей истории.

Сэр Генри де Сент-Клер получил Рослин в «свободное наследие» с титулом барона Пентленда, прилегающего к его владениям. «Он был независимого характера, чистосердечным в словах и мыслях, весьма разумным и более склонным к войне, чем к миру, так как благодаря его выдающимся достоинствам ему доверяли командование войсками». Он принял по наследству обязанность оборонять южные границы, и существует свидетельство о пожаловании в то время земли в Ламмермурских холмах семейству Сент-Клеров. Сэр Генри женился на Розабелле, дочери графа Стратерна, она родила ему наследника, тоже названного Генри. Легенда о ее гибели в реке в будущем вдохновит

сэра Вальтера Скотта на стихи о Росслинской часовне в «Песне последнего менестреля»:

...Молитвы звучат много лет подряд
Под сводами часовни белой,
Но волны гремят и бури шумят
Над телом бедной Розабеллы^[19].

Третий владелец Рослина был членом тайного совета и одним из главных военачальников короля Давида Первого, он продолжал традицию рода Сент-Клеров как хранителей священных реликвий в Шотландии. В архиве Stella Templum Scotia, Эдинбург, сохранился бронзовый ковчег с волнистыми краями, в котором находится миниатюрное лепное изображение видения Холируда, каким его увидел король Давид, как и рыцарственный Святой Губерт, когда пострадал на охоте в лесу. Он утверждал, что вмешательство видения спасло его от смерти на рогах раненого оленя. Король начал строительство Холирудского аббатства и Холирудского дома для хранения драгоценной реликвии, привезенной из Венгрии. А члены семейства Сент-Клеров, Священного Света, стали его хранителями и впоследствии известными благотворителями августинского королевского аббатства.

При короле Давиде августинский и цистерцианский монашеские ордена основывали монастыри и аббатства по всей Шотландии. Рослин стал приютом черных монахов в церкви Святого Матфея, младшие члены семейства Сент-Клеров служили канониками в соседних аббатствах белых монахов в Ньюбэттле и Мелроузе, а также на духовных постах в Селкирке и Келсо, Данкелде и Сент-Эндрюсе, Дорнохе и Данфермлайне. В XII столетии, веке крестоносцев, война и вера шли рука об руку. И Сент-Клеры всегда помнили о своей обязанности быть защитниками, как духовной, так и светской власти. Король Давид также поддерживал храмовников и дал им первые из более шестисот имений, приобретенных ими в Шотландии. Они представляли собой опору цистерцианцев, у них был один покровитель, святой Бернар Клервоский. Как и Сент-Клеры, храмовники служили мечу и душе.

Третий владелец Рослина был отправлен послом к английскому королю Генриху Второму с требованием восстановления

Нортумберленда. Хотя миссия его не увенчалась успехом, он остался в чести у короля и женился на дочери графа Мара. Его сын и наследник получил имя Вильям, у него был сын Генри, ставший отцом еще одного Вильяма, шестого владельца Рослина. Этот Вильям стал шерифом Хаддингтона, в то время одного из крупнейших городов Шотландии, и смотрителем границы. Его назначения подтверждали давнее доверие, возникшее между монархом и семейством Сент-Клер, которое построило в Рослине замок, названный сочетанием двух кельтских слов — *Ros*, означавшим «мыс», и *lin*, «водопад», хотя впоследствии члены семейства считали, что *Ros* означает «красный» или «розовый», а слово Рослин — Христову кровь.

«Рослин в то время, — писал священник Хэй, — представлял собой большой лес, занимавший Пентлендские холмы и обширные земли вокруг, где водилось много косуль, оленей и других диких животных». Охота была развлечением королей и дворян, шестой владелец Рослина получил должность смотрителя королевских лесов или гроссмейстера-охотника Шотландии. Король Александр Второй ценил его за «красоту и прекрасное телосложение» и отправил послом во Францию. Его сын Вильям был любимцем короля Александра Третьего и получил должность хранителя наследного принца и королевской крови, которая стала почти наследственной в семействе Сент-Клеров. Впоследствии он стал шерифом всего Лотиана, потом города Линлитгоу, Эдинбурга и Дамфриса. Участвовал в посольствах во Францию и Англию, в частности в брачных переговорах от имени своих венценосных повелителей, один из которых женился на девушке из рода де Куси, состоявшего в родстве с норманнскими Сент-Клерами. Сражался против норвежского короля Хакона в победоносной битве при Ларгсе, командовал крылом шотландского войска.

По смерти короля Александра Третьего сэр Вильям де Сент-Клер был вовлечен в борьбу за трон между Джоном Балиолом и Робертом Брюсом, который счел нормандского родственника одним из своих благородных сторонников. Из-за вмешательства короля Эдуарда Первого, Молота Шотландцев, корону Шотландии получил Балиол — как английский вассал. Король Эдуард забрал священные реликвии, Холируд и так называемый Камень Судьбы, символы божественного права королей этой страны, а большая печать Шотландии была уничтожена. Эдуард потребовал присяги на верность себе и Балиолу.

Поскольку священные реликвии находились у него, сэр Вильям де Сент-Клер присягнул, но потом снова взялся за оружие. Он и его сын Генри были взяты в плен при падении замка Данбар и заключены в лондонский Тауэр, но вскоре освобождены и помогли одержать победу в большом сражении за независимость Шотландии при Рослин Мур.

Король Эдуард отправил на покорение Шотландии тридцатитысячную армию. Она разделилась на три рати по десять тысяч человек. Им противостоял один восьмитысячный полк шотландцев, его возглавляли сторонники борца и мученика за независимость сэра Вильяма Уоллеса, хотя не все были друзьями Роберта Брюса. Сэр Джон Комин происходил из семейства Балиол, но объединился с сэром Саймоном Фрейзером и сэром Вильямом де Сент-Клером и сыном для противостояния англичанам. Едва шотландцы разбили первый отряд англичан, как появился второй, также уничтоженный после долгого боя. Вот как описывает Хэй эту большую битву:

«Едва была одержана победа, появилось новое десяти тысячное войско, готовое вступить в битву, при виде его шотландцы пришли в смятение; однако благодаря убедительным призывам своих командиров вновь обрели мужество; три командира прошли через все отряды, где были убитые и раненые, перебили всех оставшихся в живых англичан и дали всем уцелевшим шотландцам оружие, чтобы они могли убивать наступающих англичан, после этого приступили к молитве, прося Бога простить их прегрешения и учесть, как справедливо их дело. Видя, что они стоят на коленях с непокрытыми головами, англичане сочли, что это просьба о пощаде; и, не ожидая сопротивления, двинулись на Дрейдена Берна, но, вопреки ожиданиям, обнаружили не друзей, а врагов; казавшиеся испуганными люди стремились к победе. Они быстро обратили англичан в бегство, хотя битва продолжалась долго, и было непонятно, кто одерживает верх».

Полегло столько людей, что лемех плуга до сих пор выворачивает из земли кости, и места на поле сражения по сей день называются Шинбоунз Филд, Хьюинг, Стинкинг Риг и Киллберн^[20]. Сэр Вильям де Сент-Клер получил в дар поле боя, чтобы защищать впоследствии, а также знатных английских пленников для получения выкупа. Один из них посоветовал перенести замок на мыс выше Норт Эска, таким

образом, он будет неприступен с двух сторон, а с северо-запада его будет защищать болото. Сэр Вильям начал строительство башни замка, достроили замок его наследники. Кроме того, «король Роберт награбил его мечом, эфес которого был украшен драгоценными камнями, бархатные ножны его позолочены; на одной стороне его находилась надпись: „Меня подарил король“, на другой: „Меня носит Сент-Клер“.

После смерти отца и варварского повешения, колесования и четвертования сэра Вильяма Уоллеса англичанами сэр Генри де Сент-Клер посвятил себя делу борьбы Роберта Брюса против притязаний Коминов, которые теперь принесли присягу верности английской короне. Роберт Брюс собственноручно заколол Джона Комина перед святым алтарем церкви серых монахов в Дамфрисе. Выйдя из церкви, он встретил своего шурина Кристофера Сетона, который убил дядю Комина, Кристофер спросил, мертв ли Комин. Один из спутников Брюса сказал, что „удостоверится“, и вернулся посмотреть, так ли это.

В одной из первых шотландских поэм, „Брюс“ Джона Барбура, повествуется о гибели Комина, заключившего с английским королем союзный договор, по какой причине Роберт Брюс убил его.

Тут он, не медля, в Дамфрис поскакал
И там Джона Комина отыскал,
В храме у алтаря Комин был.
С презреньем ему договор показал
И, вынув из ножен острый кинжал,
На месте, будто собаку, убил.

Убийство, пусть и не ритуальное, Брюс совершил в святом месте. Римский папа отлучил его от церкви, что позволяло любой стране пойти на него крестовым походом. В том же году Эдуард Первый разбил шотландские войска под Метвенном и приказал казнить Кристофера Сетона вместе с его братом, одного из братьев Брюса, а также сэра Саймона Фрейзера. Брюс вынужден был бежать, сторонники его притаились. Казалось, противиться англичанам, особенно их тяжелой кавалерии, бессмысленно. Это был век облаченных в доспехи рыцарей, противостоять их массивной атаке пехота не могла. Без новых резервов и вооружения дело шотландской независимости было обречено.

5. ПАДЕНИЕ ХРАМОВНИКОВ

Уничтожение ордена храмовников в 1307 году французским королем Филиппом Красивым при попустительстве римского папы Климента Пятого было вызвано их богатством, алчностью, надменностью и скрытностью. К XIII веку храмовники соперничали с генуэзцами, ломбардцами и евреями в качестве ведущих банкиров того времени. Ордену принадлежало более девяти тысяч поместий по всей Европе, все они были освобождены от налогов, храмовники обеспечивали безопасность хранения и перевозки золотых слитков. Казна королей Франции обычно хранилась в подвалах Тампля^[21] в Париже; сам король прятался там, когда ему угрожала толпа. Надежные векселя выдавали только храмовники. Они стали банкирами Леванта, а впоследствии и большинства королевских дворов Европы. Король Людовик Седьмой, принимая большой заем у ордена, заметил, что деньги нужно вернуть быстро, "дабы их банковский дом не был ославлен и уничтожен". Даже мусульмане хранили деньги в банке храмовников на тот случай, если превратности войны вынудят их вступить в союз с христианами. Хотя в Средние века христианам запрещалось заниматься ростовщичеством, храмовники удерживали часть денег, которые хранили или перевозили, а должник выплачивал долг с процентами. Парижский Тампль стал центром мирового денежного рынка.

Орден, изначально основанный группой из девяти рыцарей для охраны паломников в Святую Землю, приобрел такую власть и богатство, что свидетельствует о честности и осторожности его деятелей, а также о первоначальной поддержке святого Бернара Клервоского и впоследствии папы Иннокентия Третьего, который видел в них армию воинствующих христиан. Эти рыцари представляли собой ударную силу Рима, не подчинялись местным правителям, только своим избранным магистрам и папе. В их сундуки текли пожертвования от тех феодалов, которые сами не участвовали в Крестовых походах и поэтому оплачивали громадную военную машину, которую храмовники содержали в Святой Земле. Однако к

быстрой гибели храмовников привело то, что они перестали быть защитниками паломников в Палестине.

Европейским королям, основавшим национальные государства, всегда не хватало денег. Они постоянно обращались к своим банкирам — итальянцам и евреям; отказывались от уплаты долгов и изгоняли своих кредиторов. Храмовники были в этом отношении особенно уязвимы. Они потеряли Святую Землю, надменность их была почти королевской, а секретность породила клевету. Пример их пресловутой гордыни можно видеть в разговоре между королем Генрихом Третьим Английским и магистром храмовников в Лондоне. Когда король пригрозил конфисковать часть земель ордена в свою казну, поскольку рыцари не знали меры гордости и надменности, магистр ответил: "Что ты говоришь, король? Как могут твои уста произносить столь неприятные и глупые слова? Пока будешь справедливостью, ты будешь править, но если нарушишь, перестанешь быть королем". Имелось в виду, что храмовники могут низложить короля.

Гордыня или *superbia*, в Средние века считалась самым тяжким грехом. К ней храмовники добавляли тайные ритуалы и дипломатию, что усиливало зависть и ненависть со стороны правителей и народа. В них видели и бедных рыцарей христианства, и богатых заговорщиков против государственного и общественного благосостояния. Когда французский король Филипп Красивый арестовал более шестисот из трех тысяч храмовников в 1307 году, судя по документам инквизиции, их допросы с пытками вызвали признания, подтверждающие средневековые предрассудки, но они были результатом применения силы и боли. Вырванные пыткой показания не были правдивыми.

Хотя правила приема в орден были тайными, существовал Устав Храма. Секретные правила храмовников и привели их к гибели, хотя орден едва ли мог существовать как гордая, знающая свое дело военная каста без специальных обрядов, отличающих его от других военных орденов, — таких, как госпитальеры и тевтонские рыцари. Прием в члены был тайным, совершался под покровом тьмы в охраняемом здании капитула. Устав был известен полностью только высшим руководителям. Мы знаем его лишь в копиях, где просто описывается состав ордена, обязанности и церемонии каждого ранга. Однако из-за секретности и того, что оригинальная рукопись устава

была утеряна, противники храмовников постоянно предполагали существование отдельного, секретного устава, одобряющего богохульство и сексуальную распущенность. Противники обвиняли храмовников в том, что они заставляли принимаемых плевать на крест и становиться мужеложцами; но, скорее всего, храмовники заставляли новициатов трепетать перед крестом и перед рыцарями, а не презирать их. В одном раннем экземпляре устава упоминается о случае содомии среди храмовников в одном из замков на Святой Земле. Вся группа была распущена, виновные казнены.

В бесстрастном отчете о ритуале приема приводятся следующие подробности. Магистр трижды спрашивал собравшихся рыцарей, если возражения против приема данного человека в орден; самому новициату говорили о "великих трудностях ордена и о заповедях милосердия". Его спрашивали, женат ли он или обручен, есть ли у него долги или скрытая болезнь, другие обеты или другой магистр. Если новициат отвечал на эти вопросы удовлетворительно, он становился перед магистром на колени и просил принять его "в рабы Дома". Магистр отвечал, что от него потребуется многое, и что прекрасные лошади и красивая одежда храмовников представляют собой лишь "внешнюю оболочку" их жизни.

"Тебе неведомы наши суровые заповеди; ты сам себе хозяин, и тебе трудно стать рабом другого человека. Ты почти никогда не будешь делать того, что хочется; если захочешь оставаться на этой стороне моря, тебя пошлют на другую; если захочешь быть в Акре, тебя отправят в Триполи, Антиохию или Армению, или в Апулию, на Сицилию, в Ломбардию, Францию, Бургундию, Англию или в другие земли, где у нас есть Дама и собственность. И если захочешь спать, тебя заставят бодрствовать; захочешь бодрствовать, тебе прикажут отправляться в постель".

Потом новициата предупреждали, что он должен становиться членом ордена не ради собственной выгоды, а для того, чтобы отказаться от грехов мира, служить Господу, быть бедным, совершать покаяние и спасать душу. Новициат давал клятву повиноваться магистру во всем, жить всю жизнь без личной собственности, следовать обычаям Дома, принимать участие в отвоевании Святой Земли, оставаться всю жизнь в ордене "в силе и в слабости, к лучшему или к худшему", и не допускать, чтобы христианин был ограблен.

Когда новициат клялся Богом и Девой Марией соблюдать все эти правила, магистр принимал его в орден, набрасывал на него мантию и обещал ему "хлеб и воду, рубище, много страданий и невзгод". После этого капеллан читал псалом "Как хорошо и как приятно жить братьям вместе!"^[22], а рыцари произносили молитву "Отче наш". После такой церемонии у новичка не оставалось иллюзий — он вступил в орден, который требовал полного послушания до конца дней.

Гийо де Провен, монах, принадлежавший ко многим орденам и осудивший свое время как "подлое и грязное", свидетельствовал о честности храмовников, ставил их выше всех других религиозных орденов. Он считал их жаждавшими смерти, аскетичными рыцарями, которыми можно восхищаться, но не присоединяться к ним.

Гораздо лучше быть трусливым и живым,
Чем мертвым и прославленным за смелость.
Орден храмовников мне хорошо известен,
Он доблестен, тверд в вере, превосходит,
Но жизнью дорожу и не вступлю в него.

Однако те, кого с рождения готовили в рыцари, кто не имел возможности жениться или унаследовать земли, зачастую предпочитали возвыситься до управления замком храмовников в Леванте или в Испании, а не существовать на подачки феодала в Европе. Заслуги в бою и в организации вели к повышению в иерархии ордена. Феодалный титул редко играл роль при выборе Великого Магистра, хотя возрастающее богатство и могущество ордена соблазняли честолюбивых и алчных людей попытаться его возглавить.

Последний Великий магистр, Жак де Моле, не принадлежал к таким людям. Опытный в ведении войны, невежественный в дипломатии, он стал жертвой собственной ограниченности. Как и многие другие французские храмовники, Жак де Моле признался под пытками в ереси и скверне. Да, храмовники предавались содомскому греху, и были принуждены целовать уста, пупок и анус посвящавшего их. Да, новициатов заставляли плевать на распятие. Да, храмовники поклонялись дьяволу Бафомету, которого символизировал украшенный драгоценными камнями череп или деревянный фаллос. Еще они поклонялись дьяволу в виде идола с кошачьей головой в присутствии юных девственниц и дьяволиц. Тридцать шесть парижских

храмовников через несколько дней после ареста умерли под пытками, остальные же признавались во всевозможных садистских и сексуальных фантазиях того времени. Храмовников сделали козлами отпущения главным образом за утрату Святой Земли; их обвинили в продаже мусульманам того, что они защищали с оружием в руках.

Это было единственное обвинение, выдвинутое против храмовников, которое имело под собой какое-то основание. За долгие годы они стали политиками от христианства, более готовыми приспособливаться к мусульманским правилам и обычаям в собственных интересах, чем нападать с мечом на все исламское. Эта политика в сочетании с тем, что они умели говорить по-арабски и, в отличие от рыцарей других христианских орденов, носили длинные бороды на мусульманский манер, что играло на руку их хулителям. Противники храмовников не забыли, что первым домом Ордена была мечеть, построенная на месте Соломонова Храма в Иерусалиме. Прибывшему мусульманскому посланцу позволяли молиться там Аллаху, обратясь лицом к Мекке, хотя мечеть была превращена в христианскую церковь. Храмовники сами зачастую говорили о том, что Дева Мария, которая была их покровительницей, упоминается в Коране. Они знали тайные учения Востока; их комплекс молитв, постов и бичевания за грехи был достаточно суровым, чтобы удовлетворить самых строгих мусульман; и они знали, что их положение в Леванте останется прочным лишь до тех пор, пока у них есть союзники-арабы, и арабский мир остается разделенным. Когда храмовников обвиняли в поклонении Бафомету, в действительности их, скорее всего, обвиняли в ведении дел с последователями Мухаммеда.

Сколь бесстыдными и нелепыми ни были большинство обвинений против храмовников, орден оказался не защищенным от нападков со стороны светского государства благодаря собственной гордости, независимости и секретности. Случаи содомского греха и оплевывания распятия, возможно, иногда действительно имели место в некоторых храмах. Однако в целом храмовники пострадали потому, что европейские короли хотели централизовать свои государства. Иерусалимское королевство и храмовники стали жертвами революционных королей, занявших своими странами, а не объединением христианского мира. У храмовников имелись имения по

всей Европе, во многих доходы были выше, чем у феодалов. В ноябре 1307 года, когда римский папа Климент Пятый приказал европейским королям арестовать всех храмовников на их территориях, лишь Денис Португальский и отлученный от церкви Роберт Брюс Шотландский не воспользовались возможностью присвоить такое богатство. Хотя имущество храмовников в конце концов перешло к госпитальерам, из рук королей выскользнуло очень немного; и госпитальеры благоразумно отказались от крупных владений, так как это могло привести их к конфликту со светской властью.

Жак де Моле, который погубил свой орден приказом сдаться и делать признания, кончил тем, что взял свои показания назад и стал отрицать все дурное, что сказал об ордене. В 1314 году, когда его вывели на помост перед собором Парижской Богоматери, чтобы зачитать приговор, он заявил: "Признаюсь, что действительно виновен в постыдном поведении. Но это постыдное поведение заключается в том, что я лгал. Лгал, признавая отвратительные обвинения против моего ордена. Я заявляю, я должен заявить, что орден невиновен. Его чистота и праведность никогда не осквернялись. Честно говоря, я показывал обратное, но делал это из страха перед ужасными пытками". На другой день Жака де Моле сожгли заживо.

Так окончил существование орден храмовников как реальная сила, став жертвой алчности королей, собственной гордости и богатства. Как вопрошал современный поэт:

Собратья, магистры храма,
Богатая, гордая знать.
Где они? Что с ними случилось?
То была грозная рать,
Они лишь приобретали, не думали отдавать...

В конце концов им пришлось отдавать, чтобы утолить алчность королей, власть которых была верховной, неограниченной.

БЕГСТВО ХРАМОВНИКОВ

Хотя арест и убийство Жака де Моле королем Филиппом прошли столь же успешно, как расправа Гитлера с Рёмом и его штурмовиками, не сохранилось никаких сведений о том, что король нашел в Париже казну храмовников, а также архивы ордена и его флот, который

базировался главным образом в Ла-Рошели, Бретань. Многие свидетельства и некоторые предания указывают на то, что казну и большую часть архивов вывезли на судах храмовники, бежавшие в Португалию, на западное и восточное побережья Шотландии, где их радушно приняли. Получивший предупреждение де Моле приказал изъять многие архивы и сжечь. Одним из признаний, вырванных у французских рыцарей-храмовников инквизицией и записанных полатыни, являются показания Иоанна де Шалона из Пуатье. Он утверждал, что Жерар де Вильер, настоятель ордена, подчинявшийся казначею, Гуго де Перо, заранее узнал о будущих массовых арестах и бежал из Парижа с пятьюдесятью рыцарями, которым приказал выйти в море на восемнадцати галерах ордена. Добавил, что еще один рыцарь, Гуго де Шалон, бежал "со всеми сокровищами казначея, брата Гуго де Перо" — *cum toto thesauro fratris Hugonis de Peraudo*. До него никто из знавших об этом рыцарей не смел в том признаться. Разумеется, Жерар де Вильер и Гуго де Шалон избежали первых арестов и были схвачены лишь несколько дней спустя. Все, что они взяли с собой, уже исчезло.

Рыцари, которым удалось бежать морем, отправились в Шотландию и Португалию, высадились на сушу возле Назаре и оттуда отправились в свою главную крепость, в Томар. Там храмовников приняли особенно хорошо благодаря их опыту в мореплавании. В Леванте они на своих парусных судах первыми стали использовать компас, треугольный парус, который переняли у арабских дау, и рулевых. Само слово, которое использовали для названия судна, *барка* или *барк*, представляет собой сокращенное арабское слово *барака*. И новые карты атлантического побережья Европы, Средиземноморья и Северной Африки, разительно отличавшиеся от птолемеевских карт, которыми раньше пользовались европейцы, очевидно, вели происхождение от торгового опыта храмовников и знания арабской картографии, поскольку впервые они появились вскоре после подавления ордена, так как рыцари Храма скрывали их от торговых соперников. Что бы храмовники-беженцы ни увезли с собой, они объединились в прежний орден под другим названием, Рыцари Христа. Суда переименованного ордена ходили под восьмиконечным красным крестом храмовников. Рыцарем Христа был Васко да Гама,

совершивший плавание в Индию, обогнув Африку; а принц Генрих Мореплаватель^[23] стал его Великим магистром.

В европейских странах храмовники слились с госпитальерами или покинули орден и ушли в подполье. Однако в Германии они присоединились к тевтонским рыцарям, которые пытались создать империю на Востоке, и приняли слегка иные ритуалы. Орден тевтонских рыцарей (или Братство Тевтонской церкви святой Марии Иерусалимской) был основан в 1191 году как полевой госпиталь при осаде Акры. Эти рыцари представляли собой остатки германского контингента в Третьем крестовом походе, Иерусалима они так и не достигли. Их устав был скопирован с устава храмовников; штаб-квартира их в Святой Земле находилась в замке Монфор-Штаркенберг.

Сто лет спустя после основания ордена, когда Акра пала, тевтонские рыцари перенесли штаб-квартиру в Венецию. Это был знаменательный выбор. Венеция находилась на полпути между Левантом и сухопутными торговыми путями из Германии и Пруссии, где рыцари уже создавали империю. В сентябре 1309 года Великий магистр Зигфрид фон Фейхтванген перенес центр ордена в Мариенбург в Пруссии. У рыцарей не было власти в Венеции, вероятность нового крестового похода была невысокой, перспективы у них были на востоке, на пограничной полосе с Россией, и они не хотели разделить судьбу храмовников во Франции. В Германии они были бы защищены как военная сила государства и епископы крестового похода для покорения и обращения в христианство языческой Литвы. С двенадцатью округами в Священной Римской империи, простиравшейся от Эльзаса до Австрии и Саксонии, и завоеванием Ливонии, орден представлял собой светскую силу.

Тевтонские рыцари были и мореплавателями. Их поддержка была необходима купцам Ганзейского союза, имевшего торговые посты на Оркнейских и Шетландских островах. Товары, которые не отправляли по большим рекам, таким, как Висла, на восток, или по сухопутным торговым путям через Альпы в Венецию, везли на небольших торговых судах в Северное море, а там в Шотландию и Фландрию, Англию и Францию. Приносила выгоду также торговля мехами и соленой рыбой с норвежскими колониями в Исландии и Гренландии. Семейство Сент-Клеров поддерживало связи с тевтонскими рыцарями и храмовниками со времени крестовых походов. У него были также

торговые связи с Балтикой. Неудивительно, что отец принца Генри Сент-Клера, который стал первым из шотландцев графом Оркнейским и Шетландским, погиб на службе у тевтонских рыцарей в их крестовом походе на восток. Неудивительно и то, что его сын последовал их примеру, пытаясь основать военно-духовную империю на Западе.

Цистерцианцы, как и храмовники, оказали большое влияние на развитие Тевтонского ордена. Цистерцианские миссионеры активно действовали в языческой Литве с середины двенадцатого века. Римский папа Александр Третий организовал против язычников-славян крестовый поход, но он окончился неудачей. После него был создан орден меченосцев для защиты немецких колоний на Востоке. Вскоре он слился с тевтонским, на устав и строительную технику которого цистерцианцы повлияли через храмовников. Хотя вторжение в Россию было остановлено победой Александра Невского на льду Чудского озера, тевтонские рыцари сосредоточились на завоевании Пруссии и восточной Прибалтики.

С падением храмовников и переносом своей штаб-квартиры из Венеции в Мариенбург тевтонские рыцари укрепили свою империю. В Пруссии и Литве местные жители были обращены в христианство мечом и умелым управлением рыцарей из своих замков. Как заметил английский философ и монах Роджер Бэкон, рыцари Тевтонского ордена, обращавшие язычников в христианство, хотели сделать из них рабов. Сопrotивление христианским рыцарям оказывалось против "угнетения, а не доводов высшей религии".

Особенно значительным в этом немецком военном ордене был культ Девы Марии. Молитвы Ей читались ежедневно, в церкви большого замка ордена в Мариенбурге было выложено золотом Ее мозаичное изображение высотой в двадцать футов. Это течение возникло в Северной Европе под влиянием приобретенных на Востоке верований храмовников, хотя их устав провозглашал Мадонну началом и концом их религии. Роза внутри розового креста в чаше на храмовническом надгробии сэра Вильяма де Сент-Клера в Росслине указывает, что культ Девы Марии достиг и Шотландии. Ее высшим символом как Царицы Небесной была роза с листьями, Роза центра мира. Дева Мария была также живым Граалем, так как Она выносила и произвела на свет Тело и Кровь Ее Сына, подобно тому, как резьба на

чаще служит лоном Розового Креста. Кроме того, надгробье показывает, что храмовники после их падения вошли в оставшиеся военные ордена госпитальеров и тевтонских рыцарей с их иными символами и культом мистической Розы.

Большинство французских храмовников, уверенных в том, что они будут радушно приняты участвовавшими в крестовых походах Сент-Клерами и соседними землевладельцами в Мидлотииане, возле их главной пресвитерии в Балантродохе — теперь названном деревней Храма, — отправилось в Шотландию, возможно, с казной и сохранившимися архивами парижского Тампля. Согласно одному преданию французских масонов, документы и деньги были доставлены на девяти судах на остров Мэй в заливе Ферт-оф-Форт возле Рослина. Другие полагают, что суда отправились в Ирландию, а затем на Внешние Гебридские острова. Когда власти ворвались в пресвитерии ирландских храмовников, то обнаружили, что вся церковная утварь исчезла, а Роберт Брюс получил новые партии оружия перед сражением при Баннокберне — к неудовольствию английского короля Эдуарда Второго. Действительно, при недавних изысканиях в графстве Аргайллшир, возле озера Лох-О, при килмартинской церкви обнаружены могилы храмовников. На одном надгробии изображены ступени Соломонова Храма, ведущие к увитому листвой кресту рядом с мечом крестоносцев, — как в Рослине на надгробье Вильяма де Сент-Клера. У разрушенной часовни Килнейра, к востоку от Лох-О, есть остатки древней круглой церкви и каменное надгробье с храмовническим крестом, как и в соседнем Килмайл Глассари. А возле замка Свен есть разрушенная часовня Килмори, там вырезан еще один крест храмовников рядом с плывущим судном, много большим военной галеры и каменщицким угольником — который находят только на ранних могилах мирян этого ордена. Однако восемь других надгробий храмовников, обнаруженных в Керри возле Эдинбурга и в Уэсткерке возле Кал-росса в Файфе наводит на мысль, что большинство бежавших в Шотландию храмовников приплыло в залив Ферт-оф-Форт, а не на Внешние Гебридские острова.

В это время отлученный от церкви Роберт Брюс удерживал часть Шотландии, сражался против армии и союзников английского короля Эдуарда Второго, который приказал арестовать всех храмовников в

Шотландии и содержать их в заточении. Арестованы были только двое, причем оба прибыли из Англии. Вскоре, после того, как они показали, что их коллеги бежали за море, обоих отпустили. Любопытно, что один английский храмовник на допросе заявил, что его собраты бежали в Шотландию, где предписание английского короля осуществлялось лишь частично, а не в Прибалтику к тевтонским рыцарям.

Роберт Брюс, король норманско-шотландского происхождения, отлученный от церкви за убийство Джона Комина, за один день разбил три английские армии возле Рослина с помощью Сент-Клеров, но впоследствии признал верховную власть Англии и римскую церковь. После его отступничества третий шотландский патриот и предводитель партизанской войны Вильям Уоллес был взят в плен англичанами и подвергнут мучительной казни. Роберт Брюс короновался на Сконском троне — ложный Сконский камень отправил в Англию король Эдуард Первый после победы над Вильямом Уоллесом в битве при Фолкирке. Эдуарду помогали два ведущих храмовника, магистр Англии и настоятель Шотландии. Перед битвой уэльские лучники Эдуарда находились в Балантродохе, основной базе храмовников, и отправились в Фолкирк под командованием храмовников. Победа была одержана в результате кавалерийской атаки, возглавляемой этими двумя ведущими храмовниками, правда, оба они были убиты. Однако теперь, через три месяца после сожжения на костре Жака де Моле, Брюс нанес поражение королю Эдуарду Второму и его армии при Баннокберне.

Битва началась у замка Стирлинг в день святого Иоанна, это знаменательная дата для военных орденов. Армия Брюса численно была, как минимум, втрое меньше английской, у него было шесть тысяч человек, у англичан двадцать тысяч. Особенно ощущался недостаток конных рыцарей. У англичан их было три тысячи, шотландцы смогли собрать только пятьсот плохо вооруженных всадников. Сведения о сражении скудны и фрагментарны. Но они свидетельствуют о двух странных событиях. Конные воины из резерва, который удерживал Брюс, атаковали английских лучников. А когда обе армии сражались в полном составе, появился свежий отряд всадников с развевающимися знаменами и обратил англичан в бегство. Хотя одна из шотландских легенд утверждает, что то были крестьяне на

малорослых лошадях, размахивающие простынями, дубинами и вилами, такая толпа никак не могла нагнать страху на английского короля и его пятьсот рыцарей. Очевидно, англичане узнали храмовников и их боевое знамя, *Beauseant*. В годовщину Баннокбернского сражения современные шотландские храмовники до сих пор воздают почести своим предшественникам, которые сражались в той битве и пали за свободу Шотландии.

При Баннокберне на стороне Брюса сражались трое Сент-Клеров. Одним из них был епископ Данкелдский, который на другой год разгромил в Файфе высадившегося с кораблей противника. "Многие англичане, — пишет священник Хэй, — не успевшие добежать до лодок, были изрублены в куски. Другие, пытаясь спастись вплавь, утонули в море. Третьи, добравшиеся до переполненных лодок, либо падали в воду и шли ко дну, либо становились жертвами врагов, которые били их с берега. Несколько перегруженных лодок потонуло".

Другой сражавшийся при Баннокберне Сент-Клер, владелец Росслина, поставил в Арброте в 1320 году подпись под Декларацией Независимости Шотландии с ее вызывающим заявлением: "Пока хотя бы сотня из нас остается в живых, мы ни за что и ни в коей мере не подчинимся Англии. Мы сражаемся не ради славы, богатства или чести, но только ради свободы, которую достойный человек теряет лишь вместе с жизнью". Третьим Сент-Клером в Баннокбернской битве был сэр Вильям, павший впоследствии вместе с другими шотландскими рыцарями в атаке на мусульман в Испании, когда они везли сердце Брюса для похорон в Иерусалиме. Ему принадлежит изображение Грааля и храмовническое надгробие в Росслинской часовне. Если бежавшие храмовники поступили на службу Брюсу до Баннокберна, Вильям де Сент-Клер имел полное право стать их вождем. Свидетельством тому является резное изображение на его надгробье погребения Магистра военного ордена.

Кто бы ни обратил в бегство английских рыцарей, победа при Баннокберне утвердила свободу Шотландии и Роберта Брюса на троне. Сент-Клеры немедленно получили привилегии, земельное пожалование и епископство. Дело в том, что часть флота храмовников, очевидно, приплыла из Франции в залив Ферт-оф-Форт. В центре обширных владений храмовников, протянувшихся от Росслинского замка до имения Сетон возле Муссельбурга, находился Балантродох,

который теперь называют просто Темпл^[24]. Помещение ордена и церковь были выстроены в середине XII века между двумя замками Сент-Клеров на земле, находящейся под их юрисдикцией как шерифов Мидлотиана. Разрушенное кладбище все еще полно надгробий храмовников и масонов с символами обрядов тех и других. Хотя Роберт Брюс через полгода после победы подтвердил грамотой все владения госпитальеров в Шотландии, о храмовниках он не упомянул совсем, как и об их участии в битве при Баннокберне. Однако в двух грамотах некий Сетон представлен как Магистр госпитальеров, председательствующий на "Суде храмовников", через тридцать два года после победы над англичанами.

Суды и владения храмовников продолжали существовать в Шотландии около двух столетий, некоторые существуют до сих пор. Хотя госпитальерам дали власть над их объявленными вне закона соперниками, они так и не поглотили их. Лишь в 1488 году дошедшая до нас грамота шотландского короля Иакова Четвертого подтвердила союз храмовников и госпитальеров и земельные пожалования обоим орденам: "Богу и святому Госпиталю Иерусалимскому, и братьям его, воинству Соломона Храма" (*Deo et Sancto Hospitali de Jerusalem et fratribus ejusdem Militiae Templi Solomonis*). Рыцари Храма в Шотландии оставались группой, скрывшейся под мантиями рыцарей святого Иоанна и управлялись из замка Сент-Клеров, ныне известного как Рослин, где шли широкая реконструкция и фортификация, словно это семейство получило внезапный приток денег и строителей.

Шотландские рыцари-храмовники до сих пор торжественно отмечают Присягу Верности, принятую через три года после битвы при Баннокберне и подтвержденную в 1991 году на празднестве в честь мучеников Храма в Торфихене, лотианской штаб-квартире соперников-госпитальеров, которых храмовники благодарят за создание "особой природы выживания ордена храмовников на родной земле Шотландии в XIV и XV веках". Присяга Верности приводится в современном тексте, но не измененная в своей сути; она недвусмысленно свидетельствует о сохранении ордена Робертом Брюсом:

"Поскольку древнее королевство Шотландия пришло на помощь и приняло братьев из наиболее древнего и благородного ордена рыцарей Иерусалимского Храма, когда многие их владения были отняты, и

множество гнусных злодеяний было совершено против них лично, рыцари ордена приносят присягу.

Рыцари ордена обязуются оберегать и защищать права, свободы и привилегии независимого королевства Шотландия. Затем они заявляют, что будут защищать, не щадя жизни, королевский Господней волей Дом Шотландии.

Рыцари будут противиться всеми силами попыткам всякого лица или группы лиц, когда бы и как бы она ни была предпринята, захватить древнее королевство Шотландия или какую-то его часть.

Поскольку мы, рыцари, страшимся опасностей для наших бессмертных душ, подтверждаем вышесказанное своей рыцарской честью и клянемся в этом перед Богом".

Приняв решение, в конце концов, заключить мир с церковью, чтобы против Шотландии не был объявлен крестовый поход, как против еретиков-катаров Лангедока на юге Франции, Роберт Брюс потребовал, чтобы храмовники стали тайной организацией, которая породила впоследствии братства масонов. По старому масонскому преданию, Брюс основал королевский орден Шотландии в награду за мужество храмовников при Баннокберне и назначил Сент-Клеров наследственными Великими магистрами. Верховным Великим магистром был король Шотландии, и это звание до сих пор остается королевским, так как королевский орден существует по сей день в своей тайной силе. Хотя он не объединился с храмовниками, многие видные храмовники стали членами королевского ордена, в том числе их Великий магистр в Шотландии. Это служит дополнительным объяснением похорон сэра Вильяма де Сент-Клера в 1328 году на храмовнический манер.

Кроме того, считается, что Роберт Брюс возвысил килвяннингский орден Наследия (или Святилища) до статуса Королевской Большой Ложи Наследия, первой масонской ложи Шотландии, расположенной возле древнего аббатства в Эршире, неподалеку от Килмарнока. Полагают, что первую кидвиннингскую ложу основал король Давид Первый, щедрый благотворитель храмовников, которые определенно оказывают влияние на все масонские символы и ритуалы по сей день. Любопытно, что право убежища в более, чем шестистах владениях храмовников в Шотландии сохранялось даже для должников до девятнадцатого века. Кэнонгейтская масонская ложа в Эдинбурге тоже

приняла имя первой ложи в Килвиннинге, а впоследствии росслинских Сент-Клеров, которые ею руководили. Однако в Средние века, как утверждал граф Росслин в своей недавней книге о фамильной часовне, "росслинские бароны устраивали свои главные ежегодные собрания в Килвиннинге. Духовные братства — бенедиктинский орден в Данфермлайне, цистерцианский, у которого были монастыри в Ньюхолле, Карлопсе и в других местах — нанимали много работников, в XIII и XIV веках под их началом работало немало искусных строителей, архитекторов, ремесленников, однако на смену этим братствам пришли масоны, они были сплочены клятвами и обычаями и оказали большое влияние на церковную архитектуру во всей Европе".

Это масонское предание подтвердил Ларминий: он принял пост Великого магистра храмовников во Франции и исключил из числа рыцарей Храма новый шотландский орден как "дезертиров Храма" (*Templi Desertores*). Авторитетная в этом вопросе женщина, сама член масонской ложи, писала в 1912 году, что "предание, связывающее Килвиннинг с храмовниками, устойчиво и постоянно дает о себе знать... Очевидно, поскольку оно объясняет союз меча и мастерка, его хорошо знают на высоких ступенях". Менее очевидны имена храмовников, которые, по масонскому преданию, бежали в Шотландию. Считается, что один из них, Пьер д'Омон, бывший настоятель в Оверни, впоследствии стал Верховным магистром храмовников в Шотландии и присвоил им название Вольных каменщиков, приняв символику архитектуры. Это предание ложно. Настоятелем в Оверни был Имбер Бланк, он бежал в Англию, был арестован, потом освобожден. Более того, среди храмовников было много каменщиков, они строили замки и церкви в Святой Земле и прекрасно знали символику своей архитектуры.

Надгробие сэра Вильяма де Сент-Клера указывает на другого магистра храмовников в Шотландии после сражения при Баннокберне, однако строительство в XV столетии Росслинской часовни Вильямом Сент-Клером, ставшим впоследствии графом, указывает на превращение рыцарственных наследников аристократичных храмовников в демократичных масонов. Росслинские Сент-Клеры были наследственными Великими магистрами гильдий и орденов, впоследствии масонов, в Шотландии в течение почти пятисот лет, до

конца XVIII века. Через них знание о средневековых тайных обществах перешло в масонское движение. Об этом переходе говорят меч и Грааль на надгробье в Рослине.

6. ПОИСКИ НАДГРОБИЙ

Второе храмовническое надгробие с изображением Грааля я обнаружил в доме коммендатора^[25] в Мелроузском аббатстве. Этот первый в Шотландии цистерцианский монастырь, от которого сохранились лишь темно-красные развалины, был построен через семь лет после того, как Гуго де Пайен приехал в эту страну в 1129 году, чтобы основать центр храмовников в Балантродохе. Он располагался на южной оконечности полосы земли, тянущейся на север к Эдинбургу, на ней находились две монастырские гостиницы августинцев, на холмах в Сутре и на побережье возле Сен-Жермена, пресвитерия храмовников и земли Балантродоха, еще один большой цистерцианский монастырь возле Далкейтла в Ньюбэттле, земли Сент-Клеров вокруг Рослина и земли Сетонов у моря в восточном Лотиане. Как явствует из местных архивов оба шотландских семейства Сент-Клеров еще в 1207 году основали соборные церкви согласно монашескому августинскому уставу, а также женский монастырь ордена святого Бернара Клервоского, возглавлявшего цистерцианцев. Оба семейства сохраняли прочные связи с военными и монашескими орденами, оба были тверды в боях за независимость Шотландии и в поддержке Роберта Брюса.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что в Мелроузе оказалось еще одно храмовническое надгробие с Граалем. Оно меньше сент-клеровского в Рослине, и Грааль на нем выглядит иначе. В чаше находился маленький восьмиконечный крест с королевскими лилиями внутри большого восьмиконечного, украшенного листьями креста. Рядом с ножкой чаши длинный кинжал обращен острием вниз, к основанию, тоже выполненному в виде ступеней Соломонова Храма. Имени покойного рыцаря на камне не было. Поблизости находились другие фрагменты надгробий храмовников: процветшие кресты в круге, орнамент в виде пятилепестковой розы, символ Девы Марии. На другом орнаменте была вырезана раковина моллюска, эмблема паломничества в Сантьяго-де-Компостелла в Испании. На одной диаграмме были изображены три подпружные восьмиугольные арки в ответвлениях центрального свода аббатства, символизирующие

Троицу. Это было напоминанием о практике храмовников "использовать восьмиугольник", чтобы раскрыть тайны ритуалов и архитектуры ордена. А монашеский свинцовый символ из аббатства представлял собой ребус, обыгрывавший слово "Мелроуз". На масонском молотке (*mallet* или *mel*) находилась роза (*rose*). На внешней стене часовни тоже было вырезано изображение масона с молотком.

Связь между храмовниками и цистерцианцами как архитекторами и каменщиками того века тоже выражена в аббатстве, где в середине XV века архитектор по имени Джон Мороу оставил свой след на притолоке двери к винтовой лестнице — щит с двумя скрещенными циркулями и геральдической лилией. Это изображение было окружено надписью: "SA YE CVMPAS GAYS EVYN ABOVTE S VA TROVTH AND LAVTE SALL DO BVT DIVTE BE HALDE Q IOHNE MORVO". Эта масонская истина означает: *"Как циркуль ровно идет вокруг, так, несомненно, должны идти верность и истина. Надейся до конца, рек Джон Мороу"*. Мороу оставил еще одну надпись, гласящую, что он руководил работами на строительстве шести больших церквей в Шотландии и молился Богу, Деве Марии и святому Иоанну о помощи. Деву Марию и святого Иоанна чтили и военные ордена как покровителей святых мест. Обилие резьбы по камню на разрушенной часовне в Мелроузе, маки, розы, голова мавра, маски дьявола и зеленых людей, тоже наводит на мысль о влиянии Мороу на его современника графа Вильяма Сент-Клера, построившего Росслинскую часовню, украшенную большим количеством орнаментов. Вне всякого сомнения, ходившие в крестовые походы Сент-Клеры и цистерцианцы поддерживали друг с другом тесную связь.

"Хроника Мелроуза", главный монашеский документ о средневековой Шотландии, велась около ста лет с конца XII века. Но самая интересная запись относится к вскрытию могилы второго аббата, Уолтеофа, мощи которого названы чудотворными. Коца свинцовый гроб открыли, тело оказалось нетронутым разложением, возможно, потому, что было забальзамировано. Он был младшим сыном королевы Матильды и находился в родстве с Сент-Клерами через отца, Саймона Сенлиса, графа Хантингдонского и Нортхемптонского. Техника бальзамирования пришла в Шотландию с Ближнего Востока через крестоносцев.

Это подтверждается эксгумацией еще одного Сент-Клера в 1799 году в церкви Святого Иоанна Крестителя в Дэнбери, графство Эссекс. В храме сохранились три деревянных статуи рыцарей-крестоносцев, две из них представляют Сент-Клеров, — так записано в городских архивах. Масонские знаки на стенах и цветочный крест храмовников на каменной плите пола, идентичный двум крестам на полу Сетонской соборной церкви, подтверждает связь с военными орденами. Свидетель эксгумации написал в журнал "Gentleman's Magazine" о вскрытии гроба, где "лежало тело рыцаря-храмовника, представленное статуей Роберта де Сент-Клера", который скончался в начале XIV века — после его смерти имя Сент-Клеров исчезло из архивов Дэнбери. Тело "крепкого юноши" плавало в жидкости, напоминающей вкусом "кетчуп и испанские маринованные оливки". Сохранилось оно так же хорошо, как тело Вальтеофа^[26].

Существуют и другие подтверждения техники бальзамирования, использовавшейся в то время в Мелроузе. Табличка на низкой стене возле развалин гласит: "МНОГИЕ ПОЛАГАЮТ, ЧТО ЗДЕСЬ ПОГРЕБЕНО В СВИНЦОВОМ ГРОБУ НАБАЛЬЗАМИРОВАННОЕ СЕРДЦЕ КОРОЛЯ РОБЕРТА БРЮСА". Это вполне может быть то самое Сердце Брюса, которое лежащий под надгробием с Граалем в Росслинской часовне Вильям де Сент-Клер вез, когда погиб в Андалусии, бросившись впереди сэра Джеймса Дугласа и других шотландских рыцарей в гущу мавров. Эта неистовость уже проявлялась в скандинавских и нормандских Сент-Клерах, она заставляла их бросаться навстречу почти неминуемой гибели. Храмовникам была присуща эта неудержимость в бою — стремление погибнуть в священной войне, пожертвовать грешной плотью ради жизни духа. Как страстно утверждает поэма Вильяма Эйтона "Сердце Брюса":

Засверкали клинки, затрубила труба,
В туче стрел и свет солнца исчез.
Мы, пришпорив коней, понеслись на врага.
Взяли копьё наперевес.

Мавров дикого вида немало легло,
Мы безудержно мчались вперед!
Их пред нами как будто бы ветром несло,
Но коварен был этот отход.

Мусульмане внезапно нас взяли в кольцо,
В гущу рати своей заманив,
Сорок тысяч нам злобно глядело в лицо,
Нас же горстка была супротив.

Ни просвета не видели мы в их стене,
Так густа была мавров тех рать.
Но шотландцам, сверкая клинками мечей,
Удавалось врага отражать.

"В их толпу пробивайтесь! — лорд Дуглас вскричал, —
В их толпу, мои братья, смелей!
Сэр Вильям Сент-Клер в схватке доблестно пал,
Не бросать же его на земле!"

Но все гуще теснилась злых мавров орда,
Осыпали нас стрелы дождем,
Только враг, сознавая, что кровь не вода,
Не решался идти напролом.

"Прими Бог твою душу, — сэр Джеймс произнес, —
Мой Сент-Клер, всегда рвавшийся в бой!
Вынесу твое тело в шотландский обоз
Или лягу сам рядом с тобой!"

Тут он встал в стременах грозным, доблестным львом,
Всех вокруг затмевая собой,
Драгоценное сердце в ларце золотом
Высоко поднял над головой.

Бросил этот ларец прямо в гущу врагов
И при этом только сказал:
"Первым будь, благородное сердце, таков
Твой обычай исконно бывал!"...

Отнесем на корабль мы павших в бою,
На Шотландию курс мы возьмем
И схороним обоих в родимом краю,
Где наш Роберт Брюс был королем.

Набальзамированное сердце сэра Джеймса Дугласа было заключено в свинцово-серебряный гроб и покоится в полу Часовни Дугласов рядом с громадной статуей сэра Джеймса. Напротив стоит каменная фигура его правнука, четвертого графа Дугласа, мужа Беатрисы Сент-Клер, ставшей матерью еще четырех шотландских графов. Еще одно разбитое храмовническое надгробие в часовне подтверждает связь Дугласов с военным орденом и с семейством Сент-Клеров: и тот, и другое были твердыми сторонниками Роберта Брюса. Сердце Вильяма де Сент-Клера не сохранилось, но кости его привезли из Испании и погребли под храмовническим надгробием в Росслине. А в соседней Старой Пентлендской часовне с кладбищем, которую построил и обеспечивал постоянным доходом сэр Вильям де Сент-Клер, теперь заброшенной и оскверненной, в XIX веке были также описаны два надгробия, которые "лежат на земле, на каждом изображен крест крестоносцев и меч, надписи почти стерты". На надгробиях сохранились украшенные листьями храмовнические кресты, вырезанные в кругах, под ними ступени в Храм Соломона или перевернутое основание кубка, на обоих мечи, а измерительная трость находится лишь на одном надгробье слева. Связи между крестоносцами и Сент-Клерами, храмовниками и цистерцианцами, военными и монашескими орденами очевидны по всей местности от Мелроузского аббатства до залива Ферт-оф-Форт.

Причиной того, что сэр Вильям де Сент-Клер приобрел земли на Пентленд-хиллз, простиравшиеся от Старой Пентлендской часовни до Керри на Уотер-оф-Лейт, сохраняется в легенде и поэме, также свидетельствующих о его безрассудстве и преданности Роберту Брюсу. Шотландский король охотился в холмах на ускользавшего от преследователей белого оленя, с ним был сэр Вильям с двумя гончими, звали их Помогай и Хватай (Хелп и Холд). Он прозакладывал свою голову, что его собаки убьют оленя до того, как животное переплывет через ручей. Король принял пари, поставив против его головы все королевские земли на Пентленд-хиллз и Вересковой пустоши. Сэр Вильям обратился с молитвой к Христу, Деве Марии и святой

Екатерине, прося прощения за свое безрассудство, и спустил собак на оленя. Олень доплыл до середины ручья, и, казалось, все пропало, но Хватай схватил зверя в воде, Помогай вытащил на берег, и сэр Вильям подъехал к своим собакам по берегу на коне и убил оленя. Так сэр Вильям де Сент-Клер из Рослина получил во владение условленные земли и построил свою часовню и церковь Святой Екатерины в Хопсе. Его риск воспет в балладе, где король Роберт Брюс принимает пари, говоря:

... "Но ничем не рискнуть — ничего не обрести.
Уговор у нас будет такой:
Коль собаки упустят оленя, то днесь
Распроцаться тебе с головой".

"Будь по-твоему! — смелый Сент-Клер отвечал. —
Слуги, псов и охотничий рог. Оседлайте гнедую". —
На ней он нередко скакал
По полям и лесам без дорог.

"Что ж, пари так пари! Ату, Хватай, ату, Помогай!
За оленем в погоню скорей.
Мы решили, что я или жизни лишусь,
Иль земля эта станет моей".

А теперь давай, спешься, смелый Сент-Клер,
Олень ищет спасенья в ручье.

"Ну, хватай-ка,
Хватай! Помогай, Помогай!".
И оленя погнали к земле...
Сент-Клер отважный в Испании спит,
Он и Дуглас покинули свет,
Когда прорубались сквозь вражьи ряды
За ларцом с сердцем Брюса вослед.

Но Хватая и Помогая, как говорят,
Можно зреть на церковной стене,
А потомки Сент-Клера годы подряд
Держат лучших гончих в стране.

Затем поиски повели меня из Мелроуза в Сутру, в монастырский дом призрения августинцев в Ламмермурских холмах. Сохранившиеся цилиндрические своды здания церкви окружали сугробы. Этот *Domus Soltre* построил в двенадцатом веке король Малькольм Четвертый как дом призрения для путешественников и паломников, бедных людей, которых храмовники должны были защищать. Его больницу и лекарственный сад сейчас изучают с целью выяснить, какие лекарства из растений использовались в Средние века, какими болезнями страдали люди в то время, какими были уход и процедуры. При Баннокберне было пролито столько крови, что земля до сих пор считается заразной. Образцы, собранные учеными в хирургических перчатках, свидетельствуют о "БИОЛОГИЧЕСКОЙ ОПАСНОСТИ". Чума и сибирская язва до сих пор могут поразить людей на этой зараженной земле, лежащей на средневековой дороге из Лондона в Эдинбург, которой англичане пользовались для вторжений в Шотландию и которую защищали Сент-Клеры в Росслине.

Второе место после Сент-Клеров в связях с монашескими и военными орденами занимали Сетоны. Соборная церковь Сетонов примыкает к разрушенной монастырской гостинице Сен-Жерменов, однако при недавних раскопках в церковном дворе обнаружена школа. Эта незаконченная церковь строилась в форме креста, как и в Росслине; большинство соборных церквей Шотландии построено так, по образцу Церкви Гроба Господня. Однако в Сетоне чтимый храмовниками восьмиугольник был добавлен в конце восточной апсиды за алтарем, чтобы дополнить восьмиугольный свод крыши над скрещиванием церкви, как и в Мелроузе. На плитах пола изображены два украшенных листьями креста, указывающих на восток. На розетке вырезаны три головы храмовников в восточных головных уборах. На купели находится зубчатый крест Сент-Клеров, так как Кэтрин Сент-Клер вышла замуж за первого лорда Сетона и оплачивала строительство часовни, которая возводилась одновременно с росслинской.

Недавно храмовники Шотландии устроили церемонию, чтобы отметить помощь семейства Сетонов ордену и сохранению шотландской независимости. Особенно вспоминали Кристофера, Александра и Джона, сторонников Роберта Брюса, — англичане пытались повесить и четвертовали их. Впоследствии Брюс построил

Хрустальную церковь на Гэллоус-хилле в Дамфрисе, где Кристофер Сетон встретил мучительную смерть. Его сын Александр накануне Баннокбернского сражения покинул английские войска, сообщил об их численности Роберту Брюсу и принял участие в победоносной атаке Вильяма де Сент-Клера и храмовников. Он поставил подпись под Декларацией Независимости в Арброте вместе с владельцем Росслина и погиб в битве при Кингхорне через два года после того, как Вильям де Сент-Клер был убит в Испании. После официального упразднения ордена храмовников Сетоны продолжали председательствовать на судах храмовников в Балантродохе, хотя официально носили звание магистров ордена госпитальеров. Они были двуликим семейством, двойственно относились к власти, которая дала ордену святого Иоанна контроль над орденом Храма Соломона, хотя иоанниты не прибрали к рукам невидимую особую собственность другой организации.

Кроме того, я обнаружил в Корсторфине, неподалеку от Эдинбурга, соборную церковь с могилами храмовников и Сент-Клеров и с сокрытым Граалем. Сэр Адам Форрестер построил часовню за пятьдесят лет до новой росслинской, его сын Джон встроил ее в соборную церковь одновременно с часовнями в Росслине и в Сетоне. Джон женился на Джоанне, дочери принца Генри Сент-Клера, графа Оркнейского и путешественника в Северную Америку. Он до сих пор покоится рядом с женой под надгробьем в часовне, на резном изображении она в длинном платье с каменными складками, держит в руках Библию. Под ее ногами вырезан герб Сент-Клеров, корабль и зубчатый крест, и герб Форрестеров — три охотничьих рога. У противоположной стены церкви установлен громадное храмовническое надгробье с украшенным королевскими лилиями крестом в круге и стеблем, идущим к ступеням Соломонова Храма; рядом вырезан меч крестоносцев. На другом надгробии у двери священника вырезано имя капеллана — Роберт Хериот, он скончался в 1443 году. Единственное украшение на нем — чаша Грааля, она напоминает два соприкасающиеся вершинами треугольника один над другим, в нее падает мир в форме шара. Этот Грааль использовался в последующие века как образец для серебряного потира. В Корсторфине такие потиры используют до сих пор.

Тремя соборными церквями, которые окружают Эдинбург с запада, юга и востока, управляли черные монахи, августинцы. Они были

главным образом учительным братством, брали десятину с полей, а цистерцианцы были первыми фермерами и строителями, создавали аббатства и плантации в диких местностях. В Шотландии черных и нищенствующих монахов считали английскими шпионами, доносящими о шотландском судоходстве в заливе Ферт-оф-Форт. Епископ Карлайла определенно служил шпионом английскому королю Эдуарду Первому. Молоту Шотландцев. Он просил августинцев сообщать ему о передвижениях шотландских войск на севере. А когда английский рыцарь забрал золото и серебро из больницы августинцев в Сутре, епископ заставил его через суд в Лондоне вернуть их.

Вторгшиеся английские войска сжигали цистерцианские аббатства в Мелроузе и Ньюбэттле, но не трогали владений августинцев. Для принца Генри Сен-Клера было бедствием, что черные монахи сообщали о его успехах на Оркнейских и Шетландских островах и о его колонизаторской экспедиции в Новый Свет. Одна английская поисковая экспедиция ждала его возвращения из Северной Америки, чтобы убить этого могущественного повелителя Северных морей.

Однако цистерцианцы были фермерами и торговцами, их тесная связь с храмовниками учила рыцарей, как наилучшим образом использовать подаренные им земли. В Мелроузе на Грейт Дрейн стояли мельницы, ньюбэттлские монахи добывали в Траненте уголь и экспортировали его во Францию. А в Керри, юго-западнее Эдинбурга на Уотер-оф-Лейт, на вьючной тропе из Рослина через Пентленд-хиллз, храмовники построили промышленную базу, где использовали водную энергию для помола муки и дробления железной и серебряной руд из Хилдерстонского карьера возле Линлитгоу. И в Керри я обнаружил первые храмовнические надгробия в Шотландии, которые связывали орден с гильдиями каменщиков, сходные с недавно обнаруженным надгробием на кладбище Замка Пилигримов в Святой Земле: рядом с крестом храмовников там были вырезаны наугольник и молоток.

Возле георгианской церкви в Керри вдоль дорожки уложены недавно откопанные разбитые надгробия с резьбой. На двух из них изображен храмовнический Грааль, оканчивающийся ступенями Соломонова Храма. У одного из них странная, красивая чаша из двух кругов с отверстием между ними, словно Христова кровь стекала прямо в полую ножку Грааля. По одну его сторону вырезан

шотландский кинжал, по другую рыцарский меч с круглой головкой эфеса и квадратной гардой. В другой чаше звезда с пятью кругами внутри, символ Девы Марии, на камне изображен только один меч с треугольным яблоком и загнутой вниз гардой. На двух других разбитых надгробиях присутствуют восьмиконечные храмовнические кресты с кругом на верхнем конце, на одном вырезаны по обе стороны ножки чаши Грааля молоток и циркуль.

В церкви есть еще одно надгробие храмовника с вырезанными в камне мечом и крестом, но по обе стороны двери находятся два примитивных надгробных камня, очевидно, мирских братьев или сквайров, присоединившихся к ордену в Керри. На обоих грубые храмовнические кресты с зубчатыми кругами на верхнем конце, а также видны эфесы, торчащие из стебля, идущего вдоль камня к удлиненному основанию с надписями. На обоих слева вырезаны ножницы, но лишь на одном вырезан справа шотландский кинжал. Инструменты наводят на мысль о работе с шерстью или на строительстве, но кинжал — на мысль и о военной роли. Однако надгробья в Керри неопровержимо доказывают связь между храмовниками и ремесленными гильдиями в Шотландии до официального упразднения ордена, и его превращение в масонов через Сетонов и особенно росслинских Сент-Клеров.

Грамоты Ньюбэттлского аббатства с начала XII по XVI век подчеркивают тесные связи между монахами-цистерцианцами, храмовниками и двумя лотианскими семействами рыцарей. Одна серия грамот свидетельствует, что наследственные пекари шотландских королей отдали свои земли в Инверли росслинским Сент-Клерам. Другие земельные грамоты подписаны Вильямом и Генри де Сент-Клерами и Александром и Ричардом Сетонами. Еще одна грамота передает Вильяму де Сент-Клеру "всю мою землю, которая называется Землей Храма" (*totam terram meam que vocatur Tempilland*), это показывает, что росслинское семейство получило собственность храмовников в Балантродохе после официального упразднения этого военного ордена. Шесть предыдущих грамот касались сделок между цистерцианскими монахами в Ньюбэттле и храмовниками в их штаб-квартире в Балантродохе. Более поздние грамоты соборной церкви в Мидлотиане гласят, что росслинская церковь святого Матфея существовала с XII по XVI века как учебная организация черных

монахов, земельные владения которых находились к северу от кладбища и к западу от замка.

В этих грамотах вульгарная латынь заменена речью жителей Шотландской низменности. В это время граф Вильям Сент-Клер, перестроивший Росслинскую часовню, поручил выполнить самые ранние из дошедших до нас переводы с французского на разговорный шотландский "Книги сражений", "Книги о рыцарском ордене" и "Книги о правлении принцев". Как признает переводчик Гилберт де Хэй, в прошлом камергер короля Франции, перевод был сделан по заказу "нашего сеньора и могущественного принца, достойного лорда Вильяма, графа Оркнейского и Кейнтского, лорда Синклера, канцлера Шотландии в своем замке в Росклине". Там ясно говорится, что "Бог сам установил рыцарский орден и почтил его, орден почтил Бога, и все люди стали почитать орден". Сохранившиеся документы подтверждают тесные связи между монахами и воинами цистерцианского ордена и двумя могущественными лотианскими семействами, очень близкими в географии и истории.

В течение трех столетий между правлением шотландских королей Вильгельма Льва и Иакова Второго Сент-Клеры, или Де Санкто Кларос по-латыни, подписали пятнадцать грамот и земельных пожалований, касавшихся Мелроузского аббатства. Имена их писались по-разному: DE S, DE SCO, DE SCO CLER, DE SCO CLARO, SANTCLER. Один был виконтом Эдинбургским, один епископом Глазго, один пастором, двое были архидиаконами Мелроузского аббатства при их родственнике Сент-Уолтеофе в XII веке. В документах обычно содержалась просьба к Богу благословить "Пресвятую Деву Мелроузскую и местных монахов". Генри, отец того Вильяма де Сент-Клера, что лежит под надгробьем с Граалем, тоже способствовал победе в битве при Баннокберне вместе с братом, воинствующим епископом Данкелдским, и подписал в Мелроузе три грамоты за короля Роберта Брюса и также Декларацию Независимости в Арброте. Последняя грамота, подписанная этим семейством перед тем, как Мелроузское аббатство было уничтожено в ходе Реформации, носит имя Вильяма Сент-Клера, строителя Росслинской часовни, и Вильяма Сетона, строителя крестообразной соборной церкви в месте, которое до сих пор носит его имя. Мелроузские грамоты еще раз подтверждают тесную связь между королями Шотландии,

росслинскими Сент-Клерами, Сетонами и цистерцианскими монахами. Монашеский орден, члены которого носили белые рясы, и военный орден, члены которого носили белые мантии с красными крестами, были основаны в одном веке, им покровительствовал один святой, Бернар Клервоский. В определенном смысле храмовники были военной силой цистерцианцев. Но те и другие были архитекторами и строителями. Их примером и ритуалами руководствовались древние ремесленные гильдии Шотландии.

Мой поиск храмовнических надгробий окончился на другом берегу залива Ферг-оф-Форт, в Файфе. В Уэсткерке, возле развалин цистерцианского аббатства в Калроссе, среди лугов и пшеничных полей находятся кладбище и часовня без крыши. Кладбище заполняют масонские надгробья, как в Керри, Кор-сторфине и Темпле с их символами черепа, скрещенных костей и песочными часами, а также орудиями профессии, отвесом, молотком, деревянной кувалдой и циркулем. Но в Уэсткерке похоронены корабельные плотники, поэтому на надгробьях изображены парусные суда, рубанки и молотки. Их происхождение демонстрируется оригинальным способом. Три храмовнических надгробия были использованы как притолоки для дверей разрушенной часовни. А рядом с мечами и стеблями цветочных крестов, идущих к ступеням Храма Соломона, вырезаны в камне молоток, циркуль и измерительная трость.

В четырех церквях у залива Ферг-оф-Форт храмовнические надгробия, иногда с инструментами каменщиков, находятся рядом с надгробиями позднейших масонов Шотландии, зачастую с вырезанными в камне изображениями тех же инструментов. Символы средневекового военного ордена перешли к цехам, гильдиям и масонским орденам.

В старом цистерцианском аббатстве Калросса восьмиугольный свод здания капитула такой же, как Мелроузе. Белые монахи активно занимались обменом шерсти и соли на балтийский лес. Торговый дом сэра Джорджа Брюса в Калроссе называется "Дворец", он очарователен, так как на его стенах изображены знаки гильдий кузнецов и корабельных плотников, они были в обшитой панелями комнате с картинами, изображающими Храм и Суд Соломона. Как и в Уэсткерке, там видна прямая связь между военным орденом Соломонова Храма и позднейшими масонскими ложами Шотландии. В

часовне Марии Магдалины в Каугейте в Эдинбурге есть витражи XV века, где изображены кузнецы со своими эмблемами и Соломонов Храм. Связь между храмовниками и масонами представлена в красках и в стекле. И благодаря наследственным Великим магистрам цехов, гильдий и орденов Шотландии, росслинским Сент-Клерам, замкнутые, аристократичные рыцари превратились в международных, демократичных масонов.

7. НА ПУТИ К ГРААЛЮ

Росслинская часовня представляет собой Третий день Творения, воплощенный в камне. Она как бы является восстановленным Соломоновым Храмом, и на роскошных фризах ее между изображений растений, листьев и цветов можно видеть десятки маленьких Храмов Соломона. Кроме того, она является Часовней Грааля, и Рыцари Грааля, погребены под ее сводами. В стремлении расшифровать эту тайну мне пришлось отыскивать, чем считался Грааль до того, как я нашел его в Росслине. Миф о Граале также ведет происхождение со времен крестоносцев.

Только в конце XII века церковь открыла для паствы вознесение даров. Священное таинство оказалось открытым. Все могли увидеть Чашу, или Грааль. Тогда это стало частью духовного пробуждения западной части христианского мира. То было время открытий, иногда повторных, в науке, математике, философии... время основания монастырей и военных орденов, рыцарства и куртуазной любви, строительства готических соборов и стремления к Иерусалиму, стремления построить священный, райский город на земле. И взыскание крестоносцами Иерусалима породило взыскание рыцарями Грааля. Так сказать, военизированное паломничество в поисках Святого Духа, Гроба Господня и мира и изобилия на земле, вдохновленное представлением о рае.

Только безгрешный рыцарь мог отыскать Грааль, являвший свои дары взыскующим его в замке на Горе Спасения. Путь к Граалю лежал через злоключения и поединки, испытания и невзгоды. Сперва рыцарь должен был сесть на Сидение Опасное — соответствующее месту, оставленному Иудой на Тайной Вечере. Грешный проваливался сквозь землю, безупречный — мог отправляться на поиски Грааля. Его добродетель подтверждала гностическое верование в то, что Иуда также был святым, ибо без его предательства и самоубийства Христос не был бы распят. Полумонахи-полувоины, рыцари военных орденов считали себя рыцарями Грааля. И в самом деле храмовников называют его хранителями в двух средневековых романах.

Сам Грааль менял форму и сущность. В Лангедоке, на языке трубадуров Прованса, это слово писалось как *graal*. Одно из первых упоминаний о Граале появилось в 1204 году, в хронике французского монаха Гелинанда. Он писал, что Грааль представлял собой чашу, из которой Господь пил на Тайной Вечере с учениками. Однако Грааль являлся в видении британскому отшельнику пятьюстами годами раньше. Слово *graal* происходит от латинского и французского *gradalis* или *gradate*: этими словами назывался широкий и вогнутый золотой или серебряный сосуд, из которого богатые люди ели деликатесы. В форме *greal*, *grazal* или *grial* это слово до сих пор в пиренейских и альпийских диалектах означает чашу или миску из дерева, тины или фаянса. Образование этого слова от *grais* или *gres* — гончарные изделия, или *grille* — изделие из железа, маловероятно. Слово *Grail*, однако, напоминает по звучанию *Grace*, милосердие, и в относящемся к XIII веку романе "Мерлин" это было отмечено с предельной ясностью.

Et ces gens claiment cel vaissel
dont ils ont celle grace — Graal.

И эти люди называют сей сосуд,
Который дарует им милости, — Граалем.

Автором самого раннего из сохранившихся средневековых повествований о Граале, короле Артуре и рыцарях Круглого Стола был Кретьен де Труа, французский священник и поэт; родился он примерно в 1135 году, когда Иерусалим все еще находился в руках крестоносцев. Ему покровительствовали графиня Мария Шампанская, дочь французского короля Людовика Седьмого и Элеоноры Аквитанской, впоследствии вышедшей замуж за английского короля Генриха Второго. Есть сведения, что мать и дочь председательствовали на Суде Любви, требовавшем от рыцарей соблюдения целомудренного отношения к женщинам, соответствующего рыцарям Круглого с гола. Графиня Мария насаждала в Шампани культуру куртуазной любви и рыцарства. Но когда ее муж граф Генрих отправился в Святую Землю и умер через неделю после возвращения в Труа, она прекратила общественную жизнь и отказалась выйти замуж за нового покровителя, почитавшего ее поэта Кретьена. Этим покровителем был вдовец Филипп Эльзасский, граф Фландрский, исполнявший

обязанности Регента Франции. Первая жена его была двоюродной сестрой Марии, племянницей Элеоноры Аквитанской. Он также участвовал в двух экспедициях на Святую Землю, последний раз в 1191 году, в Третьем крестовом походе. Умер он от чумы, так и не отвоевав Иерусалим у мусульманской армии Саладина.

Кретьен посвятил свой последний незаконченный роман "Сказание о Граале, или Персеваль" графу Филиппу Фландрскому, отец которого даже построил в Брюгге Капеллу Святой Крови Христа — эту реликвию он получил в награду за доблесть, проявленную во Втором крестовом походе. Другими источниками Кретьена были позднеантичные мифы, повествующие о чаше ("кратере"), в которой было замешано все живое; Евангелия и французский героический эпос, в частности "Песнь о Роланде"; кельтские легенды. При дворе Шампани были популярны бретонские барды с их историями о Бране и Талиесине, о говорящих отрубленных головах, неистоци-том котле Дагды и роге изобилия, о Финне, Луге и Кухулине, о Тристане, короле Артуре и Персевале. Существовала еще французская стихотворная версия хроники Гальфрида Монмутского "История королей Британии" с рассказами о короле Артуре. При шампанском дворе было много крестоносцев, он подвергся сильному влиянию суфийских верований и таинственных доктрин Ближнего Востока, а также манихейских и пуристских взглядов катаров в Провансе — о вечном противоборстве Бога и дьявола, переходе от жизни растленной плоти к подлинной жизни духа, невинном поцелуе приема в сонм праведных, который возглавляют непогрешимые "совершенные", *perfects* Но Кретьен де Труа утверждал, что лишь переложил на стихи утерянную книгу, которую дал ему его покровитель граф Филипп.

Он все пытался, снова и вновь,
Рифмой воспеть Священную кровь.
Внемлют стиху короли и даль,
Песня сия про Святой Грааль.

В его романе Персеваль — неотесанный простак, которому надлежит обучиться рыцарским манерам. Когда он впервые видит Грааль в замке раненого Короля-рыбака, его неумение задать нужный вопрос и исцелить короля свидетельствует об отсутствии вежества. Бедро Короля ранено копьем и рана эта неисцелима; этим же такого

копьем слепой римский центурион Лонгин пронзил бок Христа, и хлынувшие в глаза воина из раны Спасителя кровь и вода вернули ему зрение. Это Священное Копье, которое священник из Прованса обнаружил при осаде Антиохии, стало оправданием Первого крестового похода. Копье Персеваля превратило владения короля в пустыню, но оно могло исцелить его и превратить пустыню в рай.

Грааль представлялся то изделием из золота с драгоценными камнями, то достаточно большим блюдом, чтобы на нем уместилась рыба — символ христианской веры, — то настолько маленьким, чтобы вместить одну облатку Христова тела, являющуюся единственной пищей раненого Короля-Рыбака. Как и в чуде с хлебами и рыбами, Грааль мог подать бесконечное количество еды и питья, а также служил источником молодости. В последних версиях Грааль превратился в чашу Тайной Вечери, в которую Иосиф Аримафейский собрал кровь из ран Христа. Иосиф привез Грааль в Британию вместе со словом Христа и оставил священную реликвию в Гластонбери; впоследствии она перешла к королю Артуру и рыцарям Круглого Стола. Еще одна прозаическая валлийская версия истории Персеваля, озаглавленная "Передур", обращается к кельтской легенде и мученичеству Иоанна Крестителя. Теперь Грааль становится блюдом, на котором плавает в крови отрубленная голова. Также обстоит дело и в *Lancelot Grail*, прозаическом изложении повести о Граале, текст которого был явлен автору в чудесной форме.

Здесь — повесть о Твоем Нисхождении,
Здесь начинается Книга Сангрсаля,
Здесь начинаются ужасы,
Здесь начинаются чудеса.

Однако наиболее увлекательную форму Грааль и повесть о нем получают в "Парцифале" Вольфрама фон Эшенбаха. Вольфрам был немецким рыцарем-трубадуром и утверждал, что Кретьен де Труа искажил повесть, заимствованную у провансальского священника по имени Киот, возможно, у Гийота де Провенса, сторонника храмовников. Но потом Вольфрам заявил, что подлинный источник повести о Граале — восточный. Ее написал еврейский астроном Флегетанис на иностранном, скорее всего арабском, языке — в Толедо, при владычестве мавров. Он называет Граалем зеленый камень,

упавший с неба после битвы Люцифера с ангелами, это сближает его с исламским Черным камнем в центре Мекки, метеоритом, который, как считается, упал с неба и стал средством общения с Богом. По преданию, Черный камень был принесен ангелом Гавриилом из рая Адаму после его раскаяния и положил начало Каабе. Ибн Малик тоже повествует о видении пророка Мухаммеда, в котором он поднялся на небо и увидел золотой кубок, "такой яркий, что он освещал все семь небес...". Голос объявил: "О, Мухаммед, Всевышний Бог создал этот кубок для твоего просвещения". И Черный камень, и кубок играют важную роль в исламской вере.

В "Парцифале" Вольфрам фон Эшенбах даже дает своему совершенному рыцарю-христианину единокровного брата-полукровку Фейрефица, родившегося в Леванте. Подтекст длинного романа — примирение христиан с мусульманами и уважение к ним, перемена в сущности Грааля: теперь это упавший с небес камень. "Парцифаль" начинается в определения отсутствия веры как черноты, а христианской души как белой:

Иные люди, как сороки:
Равно белы и чернобоки,
И в душах этих божьих чад
Перемешались рай и ад...
Но тот, в ком веры вовсе нет,
Избрал один лишь черный цвет,
А не утративший надежды
Рядится в белые одежды,
И к праведникам он примкнет... [\[27\]](#)

Эшенбах, кроме того, подчеркивает скрытый смысл своего текста: "Но всяк ли мой пример поймет? Нет, строки, что сейчас прочли вы, для глупых слишком торопливы, чтобы в сознании удержать".

В "Парцифале" Гамурет из Анжу, младший сын короля, поступает на службу к мусульманину, Баруку Багдадскому. Облаченный в мантию, "зеленую, как изумрудная ваза", он защищает город черной мусульманской королевы, одерживает победы над шотландскими, норвежскими, французскими крестоносцами. Потом женится на этой королеве, возвращается в Европу и оставляет жену с сыном по имени Фейрефиц, который "был столь же черен, как и бел, пятнистой

наделенный кожей... под стать сорокам черно-белый, и белолиц, и чернолиц". Фейрефиц вырастает и становится превосходным рыцарем. Гамурет в Европе женится на Герцелойде, затем возвращается сражаться на стороне Барука в Александрии, где его предательски убивают, плеснув бараньей кровью на шлем. "Металл тотчас же мягче губки стал", и Гамурет гибнет от удара копьем. Другие крестносцы, служащие мусульманским правителям, хоронят анжуйского рыцаря под изумрудным крестом, который предоставляет Барук, а у покинутой Герцелойды рождается Парцифаль.

Как и в романе Кретьена де Труа, Парцифаль начинает рыцарское служение как глупец, невежа, грабитель. И когда Король-Рыбак по имени Анфортас, страдающий от неисцелимой раны, который "жил тем, что умирал", направляет его в Замок Грааля, он немеет при виде окружающих чудес. Оруженосец пронесит окровавленное священное копьё по большому залу перед собравшимися рыцарями Грааля, а королева вносит на бархатной подушечке камень Грааль.

И перед залом потрясенным
Возник на бархате зеленом
Светлейших радостей исток,
Он же и корень, и росток,
Райский дар, преизбыток блаженства
Воплощение совершенства
Вожденнейший камень Грааль.

Парцифаль не знает, что королева Грааля — его двоюродная сестра. Начинается трапеза, Грааль кормит всех рыцарей и женщин в замке.

Грааль в своей великой силе
Мог дать, чего б вы ни просили,
Вмиг угостив вас (это было чудом)
Любым горячим иль холодным блюдом,
Заморским или местным
Известным исстари и неизвестным,
Любою птицей или дичью —
Предела нет его величью.

Парцифаль получает в дар волшебный меч, эфес его вырезан из рубина. Но он не спрашивает об окровавленном копье, о щедром

Граале или неизлечимой ране Анфортаса. Простак, он просыпается наутро в безлюдном замке и едет в лагерь короля Артура, где волшебница Кундри упрекает его в том, что он не задал Анфортасу вопроса, который исцелил бы его. Он узнает, что его единокровный брат-мусульманин Фейрефиц собирается жениться на королеве Грааля в замке Мунсальвеш. Парцифаль вновь отправляется на поиски Грааля и убивает рыцаря, который охраняет замок. Он обижен на Бога, который поставил его в глупое положение. Но встречает живущего в пещере отшельника Треврицента; тот открывает ему происхождение Грааля и сущность его защитников.

Здесь рыцари Грааля напрямую называются "храмовниками", *Templeisen*, они носят белые мантии с красными крестами, как рыцари Храма. У храмовников, разумеется, было много связей с так называемыми "мусульманскими храмовниками", суфиями, а некоторые их тайные обряды вели происхождение из восточного мистицизма, особенно из веры в беспрекословное повиновение наставнику и чистоту. Этот немецкий роман проповедует религиозную терпимость между христианством и исламом, особенно в тех случаях, когда крестоносец мог править мусульманской страной, или мусульманин — христианами. Когда Парцифаль наконец задает Королю-Рыбаку нужный вопрос, исцеляет его и сам становится королем Грааля, Фейрефиц принимает крещение и женится на королеве замка; впоследствии у нее рождается сын, который станет пресвитером Иоанном, легендарным христианским правителем Востока. При крещении Фейрефица на Граале появляется надпись:

Кому наказ Господень дан
Стать королем одной из стран,
Не может спрошен быть народом,
Как звать его, и кто он родом,
А кто вопроса не избежит,
Тому немедля надлежит
Отречься от княженья...

Эта идея полубожественного правления на земле группы таинственных, давших монашеский обет рыцарей-храмовников подтверждает связи между идеей Грааля, крестоносцами и военными орденами, испытывавшими влияние ислама по причине взаимного

уважения, порожденного долгими дипломатическими связями и частыми войнами за Святую Землю и Иерусалим. Рыцари Грааля были наследниками классической и восточной, кельтской и христианской традиций. И весьма многозначительно то, что Вольфрам фон Эшенбах писал о рыцарях Грааля:

Там все священо!
Святого Мунсальвеша стены
Храмовники иль тамплиеры
И ночью стерегут, и днем:
Святой Грааль хранится в нем!..
Грааль — это камень особой породы:
Lapis Exilis — перевода
На наш язык пока что нет...
Исполнен к людям доброты,
Грааль сохраняет их черты
До самой старости младыми,
Вот только делает седыми
С теченьем лет их волоса —
Знать, здесь бессильны чудеса.

Вольфрам фон Эшенбах дал описание Грааля как камня, который спустили на землю ангелы, которые вернулись на небо из-за грехов человечества. В Великую пятницу на камень спускается голубь и кладет на него облатку — тело и кровь Христовы.

Облаткою Грааль насыщается,
И сила его не истощается.
Не могут исчерпаться никогда
Ни его питье, ни его еда,
Ни сокровища недр,
Ни сокровища вод,
Ни что на суше, в реке или в море живет.
Несметны у Грааля богатства...

Этот ниспавший камень, дающий еду, питье и вечную молодость, назвал *lapis exilis* и алхимик Арнольд де Вилланова. У него это Философский Камень, а не Грааль. Это не изумруд, он ничем не примечателен. Поэтому комментаторы стали искать в "Парцифале"

алхимию и предположили, что автор имел в виду *lapis elixir*, "дающий жизнь камень" или Философский Камень. Вне всякого сомнения, Вольфрам фон Эшенбах испытал влияние восточных и катарских верований. Считается, что еврейский философ Флегетанис, которого он называет открывателем Грааля и потомком царя Соломона, был Табитом бен Кора, жившим в Багдаде в конце IX века и переводившим с греческого на арабский легендарную "Изумрудную Скрижаль" Гермеса Трисмегиста, полумистического основателя алхимии. Ставший источником для Вольфрама, Киот или Гийот де Провенс, предположительно жил в Иерусалиме при дворе Фридриха Барбароссы и был посвящен в тайны храмовников, в том числе в их связь с гностиками и ассасинами, мусульманской сектой, основанной Старцем Горы, игравшим почти столь же значительную роль в восточной мифологии, как царь Соломон и его Храм. Считается, что храмовники были стражами Грааля и Храма Соломона. Знаменательно, что Соломонов Храм стоял на скале, *lapis*, в центре мира, и в нем хранился Ковчег Завета, источник христианской веры. Краеугольный камень, "отвергнутый строителями", был другим символом Христа. И на этом *lapis*, или камне была основана христианская церковь.

Кроме того, существовало легендарное сокровище Соломона, оно было увезено в Рим после падения Иерусалима, затем захвачено вестготами. Мусульмане, взяв Толедо, разыскивали стол Соломона, который мог накормить всех, кто садился на него, и был сделан из громадного изумруда, священного камня алхимиков. Считалось, что этот стол спрятан в горах Испании, в замке Грааля. Считалось также, что Карл Великий приказал сделать копию стола Соломона, сложив воедино три круга из драгоценных камней и металла, установленных на золотые ножки; этот вариант Круглого Стола короля Артура предназначался для него самого и его двенадцати рыцарей. В Коране упоминается еще один стол, который Христос низвел с небес, чтобы накормить Себя и апостолов, но этот божественный дар исчез из-за грехов человечества.

Храмовники названы хранителями Грааля и в анонимном романе *Perlesvaus*, но там они крестоносцы, сражающиеся против язычников-мусульман. Грааль — чаша с кровью Христа, а не мистический камень, что могло означать "сосуд Гермеса", *vas Hermetis*, или Философский Камень алхимиков, способный преобразовывать все в духовную

гармонию. В этом романе нет ни мира, ни компромисса с мусульманами. Его автор-француз утверждал, что *Perlesvaus* основан на книге, написанной по-латыни монахом из Гластонбери; но подробное описание оружия, доспехов и военной стратегии, а также восхваление рыцарей Грааля, охраняющих свою священную тайну в мантиях с вышитыми красными крестами, наводит на мысль, что он был членом ордена храмовников. Грааль был описан как чаша Тайной Вечери, которую привез в Британию Иосиф Аримафейский; но это была его пятая, окончательная форма: таким увидел его король Артур после преподанного ему отшельниками причастии. Окровавленное копьё стало копьем Лонгина, которое пронзило бок распятого Христа, и было обнаружено крестonosцами в Антиохии. Упоминается и окровавленный меч, которым обезглавили Иоанна Крестителя, почитавшегося рыцарями-монахами. Описание замка Грааля сделано с помощью трансцендентной фразеологии. Автор называл его и Эдемом, и Замком Радости, и Замком Душ, словно раем на земле.

Устоявшаяся версия рассказа о Граале, *Queste del Saint Graal*, очевидно, была написана монахом-цистерцианцем, возможно, для английского короля Генриха Второго, в правление которого могила короля Артура была официально найдена в Гластонбери. Этот монашеский орден всегда общался с рыцарями-храмовниками и испанскими рыцарями ордена Калатравы. Автор предпочел Персевалю Галахада в качестве безгрешного человека, способного найти Грааль. Любопытно, что ему пришлось доказать свое происхождение от царя Соломона, чтобы получить мистический сломанный меч Давида, который позволит ему добиться цели — ведь храмовники были рыцарями Соломонова Храма. Как писала Эмма Юнг в "Легенде о Граале", "в *Queste* многие восточные мотивы, такие, как легенда о Соломоне, сочетаются с кельтскими". Грааль, оказавшийся при дворе короля Артура перед Троицыным днем, представлял собой неистощимый рог изобилия. Круглый Стол рыцарей назван третьим по значению столом в мире, первым был прямоугольный стол Тайной Вечери, вторым — прямоугольный стол Грааля Иосифа Аримафейского. После громового удара и вспышки яркого света появился Грааль, накрытый белым бархатом и плывущий по воздуху. "Зал наполнился восхитительным благоуханием. Когда Грааль облетел стол, перед каждым оказалась та еда, какой ему хотелось".

Впоследствии он стал потиром с кровью Спасителя. Эта аллегория имеет более христианский характер, чем кельтская.

В романе о Граале "Смерть Артура" сэр Томас Мэлори рассказал о корабле Соломона, его плавучем Храме. На корабле находилась кровать, сделанная из посаженного Евой дерева. Когда Соломон спал на ней, ему явился ангел и сказал, что корабль представляет собой "лишь веру и мудрость". Эта аллегория служит косвенным упоминанием рыцарей ордена Соломона, единственных, у которых хватило веры и мудрости переплыть моря в поисках Грааля. Царь Соломон и ангел из его видения были носителями тайного знания христианской веры.

Однако в легендах о Граале ощущалось сильное кельтское влияние, особенно там, где речь шла о "потустороннем мире", куда отправлялись павшие герои — Артур на остров Авалон. Бран на Счастливые острова на западе, а не в Мунсальвеш или на Гору Спасения, где стоял Замок Грааля. Такие же чудеса, как в этом замке Короля-Рыбака происходили и в замке божественного Луга, где хранились сокровища кельтских богов, в том числе и окровавленное копье — оно было и у валлийского рыцаря Грааля Передура; бездонный источник напитков, неистощимый котел, неодолимый меч и камень, упавший с небес, как в "Парцифале" — Камень Судьбы или Сконский камень, на котором венчались ирландские и шотландские короли, пока англичане не забрали его копию для коронации королей Великобритании в Вестминстерском аббатстве.

По традиции считалось, что этот священный камень служил подголовьем Иакову^[28] или был Камнем Завета. Он доказывал происхождения королей Шотландии от царей Иудеи и Израиля, от Дома Давидова. Считается, что в Вефиле Иаков установил свое Подголовье или Столп и помазал его елеем^[29]. Бог заключил с ним Завет в том, что его потомки будут править Израилем, пока Израиль будет признавать Господа Бога. Подголовье, или Столп было свидетелем этого священного договора. По легенде, во время преследований евреев Навуходносором святой пророк Оллам Фодла, или Иеремия, перенес Подголовье Иакова в Тару, его сопровождала принцесса Тефи, дочь царя Иудеи Седекии. Она вышла замуж за Эохайда Первого, ардата или верховного короля Ирландии. Так священный камень из Иудеи стал коронационным камнем верховных

королей острова; впоследствии Ферпос Мор, первый король Аргайла, переправил этот священный камень в Шотландию, дабы подтвердить свое происхождение от Дома Давидова миропомазанием и коронацией. Предполагаемое тождество Сконского камня и камня перед иерусалимским Ковчегом Завета является еще одним подтверждением необходимости жрецам-царям и впоследствии христианским национальным королям доказывать свою легитимность и божественное право на власть с помощью самого священного камня своей веры. И в Шотландии, как в "Парцифале", храмовники были традиционными стражами этого священного камня, наряду с росслинскими Сент-Клерами, хранителями священных реликвий.

В средневековом романе "Передур" Грааль связан с кельтским культом головы, которая считалась истинным средоточием души. В языческой мифе блаженный и божественный герой Бран похоронен за стенами Лондона, дабы охранять луга и поля и защищать урожай и людей от болезней. Зеленые люди, вырезанные в позднеготических часовнях, таких, как Росслинская, изображены в виде фантастических голов, смеющихся посреди каменной листвы. На судилищах во Франции храмовников обвиняли в поклонении идолу в виде отрубленной головы, который должен был защищать их, делать богатыми, а земли зелеными.

Однако священная голова не была головой дьявола по имени Бафомет. Ею была голова Христа, отпечаток которой остался на платке святой Вероники, который она дала Иисусу, чтобы утереть лицо, когда Он нёс крест, или след, оставленный ликом Господа на плащанице, в которой Он был похоронен. И если храмовники считались стражами подлинного Грааля, плащаница была драгоценным хранилищем этой реликвии. Голова Христа на святом платке или плащанице именовалась Мандилионом — образом Спаса Нерукотворного. Он попал в руки византийцев при осаде Эдессы в 943 году. По преданию, это был плат, которым Иисус утер лицо, оставив на нем Свое изображение, и оно исцелило больного царя Эдессы Авгаря. Плат привез туда после распятия один из апостолов. Хотя мусульмане владели Эдессой несколько столетий, они отдали эту реликвию христианам в качестве выкупа, и те увезли ее в Константинополь. Два источника утверждают, что существовало два Мандилиона — льняной плат с изображением

головой Христа и святая плащаница, которая хранилась сложенной таким образом, что был виден только лик.

В 1204 году, за три года до того, как крестоносцы захватили Константинополь, ризничий фаросской часовни Николас Месаритес предостерегал врагов византийского императора, чтобы они не трогали ее (у Гомера "Фарос" означает скорее покров, а не маяк). "В этой часовне, — писал Месаритес, — Христос воскресает снова, и плащаница с пеленами — несомненное тому доказательство... Они до сих пор пахнут миррой и невредимы с тех пор, как покрывали обнаженное и умащенное благовониями тело Всемогущего". Один из крестоносцев, Робер де Клари, видел плащаницу или плат в константинопольской влахернской церкви Святой Марии. Там "хранилась плащаница, которой Господь наш был обернут, ее разворачивали каждую Великую пятницу, и черты нашего Господа были отчетливо видны".

Крестоносцы, вне всякого сомнения, считали, что в Константинополе священных реликвий больше, чем в остальном христианском мире. Путем долгих ухищрений и подкупов король Франции Людовик Девятый Святой добился того, что византийский Терновый Венец в запечатанном ларце был выкуплен у Венеции^[30] и впоследствии помещен в раку в Париже при строительстве часовни Сен-Шапель. Даже когда реликварий собора Святого Марка в 1231 году был охвачен пожаром, самые священные реликвии — фрагмент Истинного Креста, склянка с кровью Иисуса, голова Иоанна Крестителя — чудесным образом уцелели. Пожар не уничтожил веру, а укрепил ее.

Когда де Клари обнаружил в Константинополе самую драгоценную из всех реликвий, священную плащаницу или плат, он добавил подробностей к возможному описанию Грааля. Константинопольский Мандилион представлял собой ткань, пропитанную кровью и водой, жидкостями, истекшими из тела Христа. В церкви Святой Марии ткань с изображением Его лика хранилась в драгоценном сосуде "из золота, висевшем посреди церкви на толстых серебряных цепях". Такоеместилище Его крови и черт могло представляться храмовникам Граалем. Святая плащаница определенно оказалась у них после разграбления Константинополя в Четвертом крестовом походе.

Великий магистр ордена Жак де Моле был сожжен заживо в 1314 году вместе с другим храмовником, Жоффруа де Шарнэ, приором Нормандии. Поколение спустя другой Жоффруа де Шарнэ оказался обладателем плащаницы, для которой выстроил храм в Лирэ, неподалеку от Труа в Шампани. Поскольку Кретьен де Труа написал первый роман о Граале, дело вполне могло обстоять именно так. Любопытно, что обнаруженный недавно в храме Комбе неподалеку от Шефтсбери Мандилион похож на бородатую голову Христа на Туринской плащанице, и с помощью радиоуглеродного анализа датируется примерно 1280 годом, временем существования там общины храмовников. Очевидно, копии Нерукотворного образа существовали в общинах храмовников, и послужили поводом для обвинения в якобы языческом почитании головы. Это обвинение против храмовников на судебных процессах во Франции исходило из преклонения перед этим изображением в центрах их влияния.

Любопытно также, что Мандилион с изображением бородатой головы Христа на плате святой Вероники имеется и в Росслинской часовне. Подле него храмовнические и масонские знаки на изображении воина с бородой — Понтия Пилата, умывающего руки возле своих стражей — рыцарей в доспехах, вооруженных алебардами. Эти британские иконы подтверждают предание о храмовниках как о хранителях Грааля и роль Сент-Клеров как хранителей священных реликвий Шотландии с тех пор, как первый из них, приехавший сюда, был виночерпием королевы и хранителем Холируда.

На недавно обнаруженном надгробии Вильяма де Сент-Клера эти связи иллюстрируются высеченным в камне изображением. На нем не только вырезаны Грааль и розовый крест, но основание чаши изображено в виде ступеней Соломонова Храма. В позднем романе *Queste del Saint Graal* значительность легенды о Соломоне с его волшебной чашей подчеркивается происхождением безупречного рыцаря Грааля, а в текстах романов "Парцифаль" и "Перлесваус" утверждалось, что хранителями Грааля были храмовники. Викторианский автор работы "Розенкрейцеры, их ритуалы и тайны" пишет об этом определенно. "Чаша на надгробии рыцаря или над дверью замка является знаком рыцарей-храмовников, покровителем которых был святой Иоанн Богослов. "Чаша", то есть причащение плотью и кровью Христовой, была запретной для мирян, дозволялась

только священникам в соответствии с указом папы Иннокентия Третьего, сторонника храмовников, который разрешил использовать чашу во время мессы, но устроил крестовый поход против христиан-катаров с их восточными верованиями.

В чаше на надгробии сэра Вильяма де Сент-Клера в Рослине находится восьмиконечный розовый крест с цветком в центре, символизирующим Христову кровь. Это изображение данного символа считается одним из самых ранних, и восходит к откровениям гностиков или тайным Евангелиям, известным рыцарям ордена Соломонова Храма, а затем братству розенкрейцеров, которые считали сердце Иисуса храмом, в котором сосредоточена жизнь мира, а также розой и чашей, что сразу наводит на мысль о связи между храмовниками и катарами до уничтожения последних в альбигойском крестовом походе. Катары придерживались гностических убеждений, и на них оказали большое влияние трубадуры Лангедока, и в особенности оригинальный "Роман о Розе", а впоследствии романы о Граале. В них храмовники с красными крестами на мантиях фигурировали как хранители секрета розы внутри чаши.

Грааль на надгробье Сент-Клера подкрепляет предположение о том, что Грааль по сю пору находится в Рослинской часовне — в Колонне Подмастерья, специально построенной, чтобы поместить его в ней. Если реликвии храмовников попали в Рослин, потир или чаша среди них могла быть названа Граалем и оставлена для сохранности у Сент-Клеров. У нынешних рыцарей Храма в Шотландии хранится украшенный драгоценными камнями средневековый потир, возможно, из сокровищ храмовников, отправленных в залив Ферт-оф-Форт. Сент-Клеров, как хранителей Холируда, вполне могли счесть достойными хранителями Святого Грааля.

Предполагается, что в Британии существуют и другие подлинные Граали. В Нантеосе в Северном Уэльсе находятся остатки деревянной чаши, истергой губами верующих: Рихард Вагнер видел ее перед тем, как приступил к написанию оперы "Парсифаль", основой сюжета которой послужил роман Вольфрама фон Эшенбаха. Найденная в Гластонбери бронзовая чаша хранится в Тонтоне; другая, найденная там же благодаря откровению, находится в частных руках. Существует и чудотворный кубок святой Елизаветы Венгерской, отец которой покровительствовал фон Эшенбаху; в числе предков ее значится

королева Маргарет, привезшая Холируд в Шотландию. Но самым интересным среди подлинных Граалей является изумрудная чаша, захваченная в 1101 году генуэзцами после осады Кесарии. Этот взятый в Святой Земле трофей именовался *Sacro Catino* и Святым Граалем; но когда Наполеон, захватив Геную, отправил чашу на обследование в Париж, оказалось, что она из сделана из зеленого стекла. В конце концов, как давно утверждали авторы романов о Граале, последний относится к духовной сфере. Поиск его представляет индивидуальный крестовый поход для обретения душой святости, а также мира и достатка на земле. И все же часовня Грааля предназначена для его рыцарей в доспехах. Имя этих рыцарей — Сент-Клеры, название часовни — Росслинская.

ПОИСКИ ГРААЛЯ

Росслинская часовня представляет собой не просто головоломку, устроенную внутри загадки, являющейся частью еще большей тайны. Скорее она является творением, находящимся внутри храма, данного в откровении. Ее зодчий, сэр Вильям Сент-Клер, граф Оркнейский, был иллюминатом. Он изучал магические науки позднего Средневековья. И как писал фамильный биограф, сэр Вильям был "более культурным и образованным, чем большинство аристократов, которые считали изучение им разных дисциплин неподобающим его сану и нечестивым занятием". Уровень этого человека ясен из замысловатого проекта часовни и из манускрипта "Roslyn-Hay", самой значительной книги, сохранившейся из его библиотеки и представляющей собой самое раннее из дошедших шотландских прозаических произведений, перевод записок Рене Анжуйского о сражениях, рыцарских орденах и правлении принцев. В разные периоды жизни Рене носил титул герцога, не только Анжуйского, но и Лотарингского и Калабрийского, а также был королем Венгрии, Неаполя, Сицилии, Арагона, Валенсии и даже Иерусалима. Он явился проводником в Росслин восточных, гностических и каббалистических учений, которые распространялись из Флоренции семейством Медичи по всей Европе.

Переплетенные в кожу дубовые крышки манускрипта подписаны именем *Patricius Lowes* — Ловисы, отец и сын, жили в деревне Рослин среди строителей часовни и работали переплетчиками у Вильяма Сент-Клера. Переплет украшают тридцать три дорогие металлические

печати, возможно, из Кельна. Помимо имени владельца на одной из печатей дважды повторяются три других — JHESUS — MARIA — JOHANNES. Добавление имени святого Иоанна к именам Иисуса и Марии необычно, но этого святого чтити и гностики, и храмовники. Та же редкая связь наблюдается в надписи архитектора Джона Мороу в Мелроузе ком аббатстве, которое перестраивалось одновременно с Росслинской часовней: JHESUS — MARI — SWEET SANCT JOHN. Еще одна характерная черта переплетов — использование слов Agnus Dei, "Агнец Божий", наряду со священной монограммой Христа — I. H. S.^[31] На стенах Росслинской часовни тоже вырезана печать храмовников с изображением Агнца Божьего. Печати эмблем двенадцати апостолов расположены в угольнике, заполняя его, восемь из них повторяются. Святой Иоанн представлен редким рисунком змея мудрости гностиков и чашей или Граалем, трое других символизируются изображениями строительных инструментов: святой Петр — пилы, святой Иаков-Младший — чекана, святой Матфей — топора. Фигуры этих троих апостолов вместе с упомянутыми инструментами находятся в южном приделе Росслинской часовни, рядом со святым Иудой с угольником и святым Варфоломеем с орудием его казни — ножом для свежевания. Святой Иоанн Евангелист изображен там с чашей или Граалем, но без змея премудрости, вырезанного на основании Колонны Подмастерья.

Другие мистические символы отпечатаны на переплете древнего манускрипта и повторяются в Росслинской часовне. Там есть четверо Евангелистов. Есть покрытый листвою жезл Моисея, еще одна эмблема храмовников. Есть роза и розетка, посвященные Деве Марии и почитаемые храмовниками. И что совершенно необычно, есть изображение льва, который сражается с драконом, стоя на задних лапах — на самом верху одной из колонн часовни. Очевидно, Вильям Сент-Клер пользовался своей обширной библиотекой, чтобы наладить изготовление книг в Росслине и чтобы найти в них образцы изображений для новой часовни.

Помимо манускрипта "Rossllyn-Hay" в Национальной библиотеке Шотландии до сих пор хранится несколько значительных манускриптов и книг с пометками Сент-Клеров. В том числе раннеирландский Росслинский молитвенник, очевидно попавший туда после неудачного вторжения Эдуарда Брюса в Ирландию в 1315 году.

Написанный ирландским монахом в XII веке, он усеян примечаниями принца Генри Сент-Клера, деда того Вильяма, который перестроил фамильную часовню. Одна из надписей по-латыни гласит: "Кто писал после написанного?" Писал он сам. Так, он написал о бегстве трех сестер: "Тот, кто любил Х, отверг этот мир". Его дух стремился к небу: "Я устремлен... к тебе, мой Бог, возвышающий мой дух". Эти добавления к молитвеннику объясняют, почему он был крестоносцем, носившим прозвище "Генри Праведный". Заметки об устремленности к миру горнему, и предположение о том, что Дух его способен достичь Бога без участия церкви или Троицы свидетельствуют о его открытости храмовническим или гностическим учениям.

Из ранней сент-клеровской библиотеки сохранились также "Хроника Уинтоуна". "Жизни епископов Данкелда", "Бег времени" и сборник *Regiam Maiestatem*, труд в тысячу страниц, заказанный Вильямом Сент-Клером, включающий в себя все разнообразие законов, клятв, статутов. В нем имеются разделы, относящиеся к уставам и обычаям моряков и гильдий Шотландии. Они были важны для графа Оркнейского, нуждавшегося во флоте для утверждения своей власти на море, а также наследственного Великого Магистра цехов, гильдий и орденов Шотландии, обязанного улаживать их споры на ежегодном суде в Килвиннинге.

В Бодлейанской библиотеке Оксфордского университета находится еще одно произведение того же самого времени, происходящее из Росслина с примечаниями Сент-Клеров, иногда сделанными на гаэльском языке. В ней изображен герб Сент-Клеров, зубчатый крест, а также корабль графов Оркнейских с одной мачтой и распущенным парусом. Это "Книга Троила", содержащая поэтические жалобы Марса и Венеры, книгу о Черном рыцаре и *The Kingis Quair*^[32], что доказывает, что зодчий Росслинской часовни был знаком с романами о Граале и тайной мудростью Средних веков.

К сожалению, большинство остальных томов, принадлежавших Вильяму Сент-Клеру, погибло при нападениях на Росслинский замок. Сгорело столько документов, что епископу Оркнейскому пришлось в 1446 году писать королю Норвегии подтверждение "генеалогии Вильяма Сент-Клера, графа Ор-кадии" и поддержку его законных притязаний на Оркнейские острова. Этот документ перевел с латинского на шотландский помощник игумена Томас Гилд, монах-

цистерцианец из Ньюбэттлского аббатства, находящегося неподалеку от Росслина. Необходимость сочинения подобного запроса была обусловлена гибелью библиотеки Росслинского замка. Каноники монастыря святого Колумбы^[33] в Инхкольме и историк семейства Сент-Клеров священник Хэй свидетельствовали о трех разграблениях росслинской библиотеки между XV и XVII веками, причем одно из них совершили солдаты-пуритане генерала Монка, а другое — эдинбургская чернь. Как писал епископ Оркнейский, грамоты, правовые документы, счетные книги "были уничтожены огнем, испорчены и похищены во время военных действий и вторжений врагов".

Портретов просвещенного Вильяма графа Оркнейского не сохранилось. Однако в находящейся неподалеку корсторфинской церкви находится статуя его родственника сэра Джона Форрестера, который перестраивал свою церковь в одно время с реконструкцией Росслинской часовни. Черты лица Форрестера стерло время, однако расшитая перевязь меча и пышные доспехи свидетельствуют о позднем Средневековье. На щите под его изваянием изображены три горна Форрестеров — изначально лесничих (*forrester*) королей Шотландии, — а также зубчатый крест и сент-клеровский корабль графа Оркнейского. Форрестер был потомком Джин Сент-Клер, дочери принца Генри, графа Оркнейского, пытавшегося колонизировать Америку почти за столетие до Колумба: как будет показано, одним из подтверждений этого является единственная в своем роде древняя маячная башня в Корсторфине. Надгробие Джин Сент-Клер находится в этой церкви рядом с каменной статуей ее мужа, сэра Джона Форрестера, его украшает изваяние покойной в украшенном вышивкой чепце и с Библией в руках.

Напротив находится вделанная в стену могильная плита храмовника, другая аналогичная плита расположена у двери для входа священника — одна из двух в Шотландии с изображением чаши, или Грааля. Как мы видели, что там похоронен Роберт Хериот, священник из Гогара, умерший в 1443 году. Заслуживает внимания, что самые ранние арабские граффити, высеченные в Шотландии в XV веке, расположены возле этого надгробия с Граалем: арабы были ведущими врачами и алхимиками того века. Другое надгробие с чашей, которую священник держит в руке, находится в Сэдделе, древнем

цистерцианском аббатстве. Как и корсторфайнская церковь, оно подтверждает связь между культом Грааля, цистерцианцами и Санкто Кларо, семейством Священного Света.

В созданной Вильямом Сент-Клером Росслинской часовне есть и более очевидные Граали. На выпуклом орнаменте обращенного к югу второго с севера придела высечено изображение Богоматери с Младенцем, а также троих волхвов, несущих дары Иисусу. Рядом с ними на покрытом скатертью столе стоят три чаши, или Грааля, а под ними в камне расцветает роза, символ Девы Марии.

Подобный символизм характерен для всей часовни. Особенно часто в резных орнаментах встречается изображение Соломонова Храма. На двух столпах и башнях его переплетаются зеленые растения. Они наводят на мысль, что Росслинская часовня в целом представляет собой не просто возобновленный Храм Соломона, но и сад при Храме — Сад Библии и Эдема. В попытке понять склад удивительного ума ученого Вильяма Сент-Клера и план его часовни, следует иметь в виду, что в Средние века существовала разновидность книг, именовавшихся "Цветниками" или *Розариями*. Снабженные иллюстрациями, зачастую изображавшими цветы, как в Росслинском молитвеннике, они связываются с поиском веры и мудрости, а также с почитанием Девы Марии. Один из средневековых врачей и философов, Арнольд из Виллановы, назвал свою оригинальную энциклопедию *Rosarium Philosophorum*. Согласно средневековым воззрениям, Третий день Творения всего живого и священные архитектурные чертежи носили символический характер. Узоры зеленой листвы и формы обтесанных камней в равной степени являлись плодом работы Божественного разума.

Планирование и сооружение Росслинской часовни растянулись на пятьдесят лет, и за это время Вильям Сент-Клер успел состариться. Во время недавнего визита в Росслин мастер-масон Нью-Йоркского масонского храма указал, что временной промежуток, прошедший от замысла до закладки фундамента, а тем более завершения строительства, оказался слишком большим для сооружения подобного масштаба. От идей до набросков, а потом до архитектурных планов, — некоторые из них до сих пор можно видеть на стенах крипты Росслинской часовни; от разработки мистической темы в иконах до точного размещения изображений внутри и снаружи здания; от

доставки материалов и подбора умелых каменщиков до взаимодействия с цехами и гильдиями, — то есть между замыслом и его воплощением, — прошла долгая жизнь.

Покровитель и заказчик часовни редко принимал настолько полное участие в ее сооружении. Как писал священник Хэй об Вильяме Сент-Клере:

"Ему пришло на ум построить для богослужения храм самой изящной работы. Дабы здание было возведено во всей красе и великолепии, он призвал мастеров из других краев и чужеземных королевств... Чтобы оно было необычайным, он сперва поручил сделать чертежи на привезенных из Прибалтики досках, после чего велел плотникам обработать доски по чертежам, а потом дал их в виде образца каменщикам, дабы те могли вырезать то же самое в камне".

Влияние других краев и чужеземных королевств на Росслинскую часовню представлено в зале религиозного искусства XV века в новом крыле Лондонской Национальной галереи. Там находится запрестольный образ из церкви рыцарей Святого Иоанна, которые приняли в свои ряды храмовников в Кельне. Он является даром королевы Виктории, сделанным по просьбе ее мужа-немца, принца-консорта Альберта, тоща Верховного магистра масонов Британии. Образ написал Стивен Лохнар в 1445 году, когда Вильям Сент-Клер начал перестраивать соборную церковь Святого Матфея. На нем изображен святой Матфей, держащий Евангелие, у его ног находятся ангел и святая Екатерина Александрийская, в то время покровительница семейства Сент-Клеров. Возле нее лежат обломки колеса, на котором ее пытали, она держит громадный меч, которым ее обезглавили. Третья фигура на этом образе — святой Иоанн Богослов, которого чтили храмовники и госпитальеры. Он держит шестиугольную золотую чашу, или Грааль, из которой поднимает голову змий премудрости; у ног Иоанна сидит орел. На заднем плане изображены святой Иероним, Григорий Великий, а также жертвователю с восьмиконечным крестом.

Рядом с этим запрестольным образом располагается изображение святой Вероники, несущей плат с ликом Христа, похожим на находившийся у храмовников в Комбе, но оно также было написано в Кельне в XV столетии. Напротив можно видеть панно из Верденского

аббатства возле Кельна, где изображен рыцарственный святой Губерт, молящийся перед оленем с крестом между рогов, — свидетелем этого видения был и король Шотландии Давид. Рядом висит часть запрестольного образа с изображением трех волхвов, каждый из них протягивает золотой Грааль Младенцу Христу, как вырезано на стене в Росслине.

В этой галерее, экспонаты которой происходят из одного города средневековой Германии, можно ознакомиться с той символикой, которую воспроизвел просвещенный строитель Росслинской часовни; мы видим здесь евангелиста Матфея, покровительницу Сент-Клеров с отсекшим ей голову мечом; святого Иоанна Богослова, держащего в чаше гностического змия мудрости; рыцаря, стоящего на коленях перед раненым оленем, представляющим Христа; священный плат или Мандилион с головой Иисуса; трое мудрецов с Востока, преподносящих Младенцу Христу золотые Граали. Эти образы показывают, как широко распространились влияние и тайны последнего из монашеских и военных орденов Европы перед Реформацией. И они, безусловно, коснулись венца средневекового шотландского искусства и веры — Росслинской часовни.

Постройка этой часовни в качестве Соломонова Храма и Часовни Святого Грааля стала апофеозом Вильяма Сент-Клера. Хотя Росслинской часовне предстояло стать восточной апсидой большой крестообразной соборной церкви, она являла совершенство замысла сама по себе. Поперечное сечение здания свидетельствует о том, что в основе проекта ее лежали вписанные в круг восьмиугольник, шестиугольник и треугольники — несколько основных геометрических фигур церковного строительства и алхимии того времени. Исследование форм, использованных Джордано Бруно в своих алхимических работах, повторяет архитектурный план Росслинской часовни и является еще одним показателем восточных и гностических влияний на ее создателя.

Восемь змеев на основании Колонны Подмастерья служат еще одним свидетельством гностического влияния. Как писал раннехристианский автор "Свидетельства об истине": "Змей был мудрее всех живших в раю животных., но Творец проклял змея и назвал дьяволом", за то, что он наделил Адама и Еву знанием добра и зла, как если они были боги. После этого, согласно учению гностиков, их потребовалось изгнать из Рая, — чтобы не съели плодов с Древа Жизни и не жили вечно. Колонна Подмастерья и роскошно украшенный столб в южной части придела Богоматери символизируют эти два дерева Эдемского сада — Древо Жизни и Древо Познания. Они символизируют магическое знание, тайное понимание космоса, данное змеем человечеству.

Кроме того, эти два столба знаменуют собой Иахин и Воаз, два столпа, стоявшие перед Соломоновым Храмом, который чтили храмовники и масоны. Змеи оберегают Шамира, червя мудрости, прикосновение которого раскалывало и обтесывало камень. В Книге Второзакония, в Ветхом Завете подтверждается еврейская и арабская легенда, утверждавшая, что царь Соломон построил свой Храм, не используя железных орудий. Согласно масонскому преданию, именно тайну Шамира отказался открыть мученически погибший зодчий Соломонова Храма Хирам Авий, и она остается одной из Великих Тайн масонов высших степеней посвящения. Один из древних ритуалов свидетельствует о "чудесных свойствах благородного насекомого Шамир, вырезавшего и отделявавшего всю утварь и

священные сосуды в Храме Соломона... чудесном создании, способном обтесывать камни".

Шамир нарисован в "Росслинском молитвеннике", находившемся в библиотеке трех Сент-Клеров графов Оркнейских, в том числе и зодчего Росслинской часовни. Более того, гербом принца Генри Оркнейского служил дракон, или змий мудрости. На нем присутствовал Великий Змей норвежских легенд с короной принца Оркнейского над рыцарским шлемом и серебряный щит Сент-Клеров с черным зубчатым крестом. Герб этот предполагал, что обладатели его являются носителями древней мудрости, и повторился в оформлении Колонны Подмастерья.

Поиск тайн Творения символизировался в Средние века поиском нового Храма и Сада Соломона, а также Замка и Часовни Грааля. Средневековый роман Вольфрама фон Эшенбаха "Парцифаль" стал другим источником вдохновения для Вильяма Сент-Клера. И он оставил под крышей часовни доказательство того, что она является Часовней Грааля. Крыша сама по себе представляла собой уникальное для Шотландии сооружение — цилиндрический свод, встроенный в камень. Часовня буквальным образом изображала собой камень, упавший с неба, — *lapis exilis* из "Парцифаля", названный Граалем.

Глянув вверх, я увидел, что потолок разделен на пять секций, тянущихся с востока на запад. На первых четырех цветы Творения открывались во всей своей красе, особенно роза Девы Марии. На западе последний участок свода был усеян небесными звездами. В южной стороне вставало дающее свет и жизнь солнце, за ним была изображена голова Иисуса Христа, затем Голубь Святого Духа, спускающийся с облаткой в клюве. Но что говорил отшельник Персевалю, или Парцифалю, искавшему Грааль?

Грааль, о коем повествую,
Из-под заоблачных высот
Белоснежного голубя на землю ждет.
По заведенному порядку
На камень дивную облатку
Небесный голубь сей кладет.
Так повторяется из года в год...

Облаткою Грааль насыщается
И сила его не истощается.
Не могут исчерпаться никогда
Ни его питье, ни его еда,
Ни сокровища недр, ни сокровища вод,
Ни что на суше, в реке или в море живет.
Несметны у Грааля богатства...

Под голубем с облаткой был вырезан в камне символ Грааля. Он походил формой на чашу в форме полумесяца, эмблемы ислама, веры единокровного брата Парцифаля, мусульманского рыцаря Фейрефица. Из нее волнами изливалась Божья благодать и щедрость. Застывший в камне с зелеными небесными водорослями за ним, этот Грааль словно бы заполнил растениями и животными лес и воды, вырезанные в камне в этой Часовне Третьего дня Творения. Когда я увидел Грааль среди звезд вверху, разгадал тайну этого священного места, в ушах у меня зазвучали слова доктора Фауста из трагедии Кристофера Марло:

Вон кровь Христа, смотри, струится в небе!
Лишь капля, нет, хотя б всего полкапли
Мне душу бы спасли, о, мой Христос!.. ^[34]

И, разумеется, я вспомнил слова другой поэмы, баллады сэра Вальтера Скотта из "Песни последнего менестреля". Вальтер Скотт жил в Лэссуэйде в долине реки Эск и изучал прошлое Росслина. В балладе о прекрасной Розабелле, которая утонула в заливе Ферт-оф-Форт, переплывая его в шторм из другого замка Сент-Клеров в Рейвенскрейге, он, по сути дела, утверждает, что двадцать рыцарей Сент-Клеров были погребены в полных доспехах в крипте Росслинской часовни. Его утверждение, что они и часовня светились во времена трагедии, очевидно, было связано с норвежской традицией сжигать военачальников в боевом наряде вместе с кораблем, а также завещание основателя часовни похоронить себя и хоронить его наследников как рыцарей Грааля, вечно живых в поиске Господней благодати. Как писал Вальтер Скотт:

И вы сказали б, что в огне
Часовня, где забыв печали,
Бароны древние в броне
В гробах с оружием лежали.
Казалось, что пылал придел,
Колонны и алтарь горели,
Узор листвы в мерцанье тлел
На фризе и на капители.

И отблеск пламени дрожал
На сводах, как во мгле пещеры:
Конец внезапный угрожал
Кому-то из семьи Сент-Клера

В часовне той бароны спят,
Закончив жизни подвиг смелый,
Но бездны моря не хотят
Отдать прекрасной Розабеллы.

Молитвы звучат много лет подряд
Под сводами часовни бедой,
Но волны гремят, и бури шумят
Над телом бедной Розабеллы^[35].

Мои поиски Грааля в Росслинской часовне включали в себя поиск погребенных рыцарей, а также опровержение легенды о том, что украшенная драгоценными камнями чаша замурована в Колонне Подмастерья. Таково было впечатление двух писателей-мистиков, Вальтера Йоганнеса Стейна и Тренора Рейвенскрофта, которые считали, что часовня представляет собой Апокалипсис в камне, и что копия Колонны Подмастерья находится на рыночной площади города Синтра в Португалии. Рейвенскрофт сделал попытку просканировать Колонну с помощью новейшего радиолокационного устройства, которое использовалось на американской атомной подводной лодке. Когда граф Росслин отказался дать разрешение на подобное исследование, жена Рейвенскрофта в знак протеста приковала себя цепями к Колонне. Однако мне позволили привезти "Граундскан" — новейший радарный аппарат, предназначенный для нужд современной археологии, чтобы обследовать всю часовню. Этот аппарат способен

обнаруживать металлические предметы под слоем камня. В Колонне Подмастерья не обнаружилось никаких признаков золотой или серебряной чаши.

Исследование крипты дало другой результат. Под часовней обнаружили большие пустоты. Импульсы радара обнаружили также металл, возможно, доспехи погребенных рыцарей. Особый интерес вызвал большой объект, проявившийся в приделе Богоматери, он наводил на мысль о нахождении там металлического святилища, возможно, Черной Девы, с которой до сих пор связаны многие священные места на маршруте паломников к святому Иакову Компостельскому; оканчивался этот маршрут, в частности, у Рослинской часовни, где об этом до сих пор свидетельствует вырезанная из камня створка раковины^[36].

Дальнейшее исследование показало, что под нынешним кладбищем находится фундамент большой крестообразной церкви. Существующая часовня представляла собой лишь восточный придел большого строения, которое собирались возвести в форме пространственного креста. В подвалах замка оказались потайные помещения, хотя вышло, что две недавно обнаруженные винтовые лестницы не имеют особого значения. У подножия их не было зарегистрировано отражений от металла, указывавших на существование зарытых сокровищ тамплиеров; тем не менее, следует провести более тщательное исследование.

Проблема заключалась в том, как спуститься в подвалы. "Граундскан" обнаружил две лестницы под каменными плитами пола. С большим трудом нам удалось поднять один ряд плит, под которыми и в самом деле обнаружили три каменные ступени, спускавшиеся в подвал вниз. Я первым влез в потайное помещение. Оно оказалось небольшим и занимало пространство между основаниями двух колонн. Его перекрывал каменный свод, однако путь к основным подземным помещениям перекрывала толстая стена каменной кладки. Перед нею лежали пропитанные водой доски от трех гробов. Порывшись в мусоре под развалившимися гробами, я обнаружил человеческие кости, части двух черепов, две ржавых ручки гроба георгианской поры, точильный брусок — и Грааль. Да, Грааль, поскольку у него много форм. Простую дубовую чашу, оставленную каменщиком после еды, вместе с бруском для заточки инструментов. Таким, очевидно, и

был подлинный Грааль Тайной Вечери — божественное в своей простоте деревянное блюдо, которое Иисус Христос передал своим беднякам-апостолам. Они исполняли Его дело, были ловцами человеков, были первыми строителями величественного здания христианской церкви. И простая чаша рядового мастерового, очевидно, сохранившаяся с позднего Средневековья, так как эта часовня возводилась как Часовня Грааля, исполняла функции последнего не хуже любого другого предмета, служа вместилищем Божьей щедрости на земле, всего, что мы едим для поддержания духа.

Мы подняли плиты пола над второй лестницей, которая могла вести в усыпальницу, но обнаружили под ней лишь толстый слой земли и песка. "Граундскан" к нашему разочарованию не смог показать глубину залегания подвалов или толщину слоя засыпки. Мы решили вызвать бурильщиков, чтобы те пробурили отверстия до свода нижних подвалов. Далее можно было вставить в отверстие трубу и опустить туда промышленный эндоскоп, представляющий собой камеру величиной с мизинец, гибкую, как шея змеи, и способную увидеть все освещенные лазерным лучом предметы. Она способна опускаться на десятиметровую глубину и передавать цветное изображение на расположенный на поверхности монитор.

Заложив скважину в центре часовни до глубины в десять футов, мы шли через слой гравия, и только тут натолкнулись на свод нижнего подвала. Он состоял из цельного камня и был толщиной в три фута. Наконец бур проник в пустоту... и застрял. Вытащить его никак не удавалось. Моему мысленному взору уже представлялась рыцарская рука в кольчужной перчатке, удерживавшая бур. Наше вторжение в вековой покой, бесспорно, должно было возмутить их. Но, проработав ночь и день, мы извлекли бур, и попытались вставить в скважину трубу, чтобы опустить через нее эндоскоп и заснять покоящихся внизу рыцарей в доспехах.

Так нам казалось. Однако поиск рыцарей Грааля оказался немногим легче, чем поиск самого Грааля. Мы снова и снова пытались протолкнуть трубу в отверстие. И снова и снова какой-нибудь высунувшийся камешек преграждал ей путь. Мы проделали новое отверстие в своде, опять с трудом вытащили бур. И снова вставили трубу, на сей раз с эндоскопом внутри. Но когда он почти достиг каменного свода, мы увидели на мониторе лишь пыль и обломки,

забившие конец трубы, не давая нам увидеть тайны, лежащей под Росслинской часовней.

После недели трудов мы сдались. Подвалы Часовни Грааля сохранили в тайне свои усыпальницы. Рыцари рода Сент-Клеров не пожелали, чтобы их тревожили в могилах. Пожалуй, так и должно быть. Их погребения оказались недоступными для незваных гостей. И покой их сохранится до Судного дня, когда каменные плиты разверзнутся.

Тем не менее, часовня остается творением, находящимся внутри храма, данного в откровении. Я обнаружил Грааль, вырезанный в камне на надгробье одного из Сент-Клеров. И Грааль изливал со звездной тверди свода Господни милосердие и щедрость, в то время как дарованное Им зеленое изобилие буйно выросло в каменной резьбе стен. Ибо взыскание Грааля — есть поиск Божией благодати. Найти Грааль нельзя, его можно только искать. Однако я нашел его символы, вырезанные на камнях Рослина и в других местах, сохранивших средневековые могилы шотландских крестоносцев. Я видел много Граалей. И часовня, созданная гением графа Вильяма Сент-Клера, оказалась Часовней Грааля, построенной в честь вечного стремления нашего духа к небесам.

8. ЗЕЛЕННЫЕ ЛЮДИ И МЕДИЦИНА

Блажен трикраты, кто не ведая ошибки,
Читал Природы таинства и свитки.

Так писал Эндрю Марвелл о себе в исследовании зеленого мира. Но это описание подходит и Вильяму Сент-Клеру, графу Оркнейскому, многочисленные указания которого каменщикам превратили Росслинскую часовню в третий день Творения, Эдемский сад, Храм Соломона, а также в аптекарский сад Средневековья. Зеленый человек, бог природы и возрождения, до сих пор глядит с каждого фриза Часовни между каменных листьев и растений, венков и цветов. Он выпускает в свой рот и выпускает из него стебли и усики, лукаво посматривает на вошедшего и неслышно кричит, беззвучно насмехаясь над церемонным миром. Эндрю Марвелл видел себя Зеленым человеком, Покровителем лесов. И в просвещенность Вильяма Сент-Клера входило признание этого языческого духа природы.

Листвой дубравы лёг вокруг ковер,
Червяк меж листьев ищет свой простор.
И плющ ползет знакомою тропой,
Меня коснувшись и обвив собой.
Под сводом дивной Кущи лёг мой путь на лад,
Как будто этой Рощи я Прелат.

Зодчий, воздвигший Росслинскую часовню, имел как норвежских, так и шотландских предков. Благодаря родству и наследственному владению Оркнейскими и Шетландскими островами он был подвержен влиянию скандинавской культуры, которая проникала в готические соборы Европы с древними культами плодородия. Зеленый человек ассоциировался с несколькими архетипами, в частности, со змеем или драконом мудрости и возрождения; священным Древом Жизни, поддерживающим небо; и циклом жизни и смерти растительности. Знаменитая Колонна Подмастерья в Росслинской часовне служит напоминанием о скандинавском мифе. Ее основание

окружают восемь держащих в пасти хвост змеев, напоминая о Мировом змие, который опоясывает землю девять раз, скрепляя корни Иггдрасиля, ясеня нордических легенд, высящегося между преисподней и небесными богами. Глава богов, великий Один, провисел на нем в бурю девять дней и ночей, чтобы узнать тайны премудрости творения у отрубленной головы другого бога, Мимира, которая безумолчно бормочет, сохраняя свою жизнь травами и ключевой водой — головы первосущего Зеленого человека.

Таковыми масками земной, родящей силы украшали только храмы цивилизаций Средиземноморья и Северо-Западной Европы. В послужившем "затравкой" Шартрском готическом соборе их сохранилось несколько, — в частности, на портале южного входа. Там три Зеленых человека потребляют и выпускают изо рта листья дуба, винограда и аканта. Все деревья и растения имели в Средние века свою символику. Дуб ассоциировался с языческим прошлым, друидами и их священными рощами, лесной культурой, предшествовавшей римским вторжениям. Виноград был скорее связан с Вакхом и его празднествами, чем с Кровью Христа в потире. Акант же считался растением возрождения, соединявшим в себе лесное дерево и окультуренную лозу. Каждое из растений и листьев, находящихся возле губ семидесяти с лишним Зеленых людей, вырезанных в камне внутри и снаружи Рослинской часовни, имеет свое значение и смысл. В раскрытии этих секретов кроется средневековое толкование Райского сада и Древа Жизни. Рослинскую часовню можно назвать окаменевшим гербарием. Она открывает нам аптечный сад монахов Позднего средневековья, почти забытый в эпоху Возрождения.

РАЙСКИЙ САД

Слово "парадиз" или "рай" первоначально означало просто-напросто сад, обнесенный стеной. Когда Ксенофонт впервые вложил соответствующее древнегреческое слово *paradeisos* в уста Сократа, он заставлял афинского мудреца хвалить царя персов за любовь к развлекательному саду, "который заполнен всеми прекрасными растениями, которые приносит земля, и среди них он проводит большую часть времени". Это слово происходит от персидского *pairi*, или "вокруг" и *daeza* или "стена". Его перевели на латынь как

paradisus, и оно впервые появилось в среднеанглийском языке в 1175 году в библейской фразе: "И насадил Господь Бог рай в Едеме на востоке" (Быт. 2: 8). К тому времени, когда Чосер писал "Рассказ Франклина", это слово обычно означало "цветущий сад":

И юный май раскрасил нежно сад
Своим дождем, несущим аромат.
Людскими же руками так прелестно
Сад разукрашен был, что на небесный
Он походил своею красотой^[37].

Возле средневековых церквей создавался рай — огражденный сад для молитв и размышлений. В цистерцианском ордене каждый белый монах получил свой маленький рай — точнее, садовый участок для возделывания. Разумеется, христиане путали это новое слово "рай" с Эдемским садом, как и мусульмане с Садам Аллаха, в котором Коран сулил место всем, кто погиб, сражаясь за веру. "И помимо двух — еще два сада темно-зеленые. В них — два источника, бьющие водой. В них плоды, и пальмы, и гранаты. В них — добротные, прекрасные, черноокие, скрытые в шатрах" (Коран 55: 62–72; перевод И.Ю. Крачковского). Собственно говоря, идея Райского Сада восходит к первому городу-государству в Месопотамии, Уруку с его "Эпосом о Гильгамеше", который входит в каменный сад богов, где "сердолик плоды приносит, гроздьями увешан, на вид приятен. Лазурит растет листвою, плодоносит тоже, на вид забавен"^[38].

Будучи в пленении в Вавилоне с его знаменитыми висячими садами, евреи тоже узнали о Саде или Рае, или Эдеме и дали ему еврейское название *pardes*. По талмудическому преданию, Сад был блаженной частью преисподней, где праведные ждали воскресения, и масличный лист, который голубь принес Ною в ковчег, был из Эдемского сада, который уцелел во время потопа. Евреи считали гору Мориа в Иерусалиме священным местом, на котором был построен храм Соломона, вавилоняне полагали свои ступенчатые зиккураты священными, христиане чтит библейские "высоты" — вершины, на которых, возможно, находились висячие сады Рая.

Во всех основных религиях, ведущих происхождение с Ближнего Востока, существовала вера в божественный Сад. В нем росли два Древа — Жизни и Познания Добра и Зла. В нем была гора Спасения,

из него вытекали четыре реки, делившие землю на четыре части. Блаженный Августин даже называл Христа Древом Жизни, в то время как другие святые уподоблялись плодовым деревьям, а четыре Евангелия — четыре рекам Эдема.

Тем не менее, первый Парадиз, или Райский Сад был разбит Киром Великим в Пасаргадах в Персии, став образцом для всех последующих райских садов. Когда Александр Македонский преследовал персидского царя Дария, имя тезки которого упомянуто в Рослине, он посетил могилу Кира в роще и с прискорбием прочел его эпитафию:

Я Кир, царь, Ахеменид.
О человек, кто бы ты ни был,
Откуда бы ни пришел,
Ибо я знаю, что ты придешь —
Я Кир, тот, что даровал царство персам.
Не оспаривай у меня
То единственное, что у меня еще осталось:
Ничтожную горсть земли,
Что покрывает мое тело^[39].

Подлинным его памятником был Райский Сад, плоды, цветы и травы, которые он выращивал там. Аристотель, учитель Александра Македонского, поручил своему ученику Теофрасту написать о новых видах растений, привезенных с Востока. Теофраст унаследовал травяной сад Аристотеля и написал два труда, "История растений" и "Причины растений". Эти книги были очень важны для ученых Средневековья. Собственно говоря, первый гербарий был высечен на рельефе в египетском храме Амона более чем за тысячу лет до Теофраста. В этом оригинальном перечне растений изображены голубой василек, красный мак и мандрагора с желтыми плодами — три наиболее популярные египетские растения, наряду с лотосом и папирусом. Деревья представлены финиковой пальмой с виноградной лозой и инжиром, а в более древнем храмовом саду в Дейр-эль-Бахари росли три ряда по семь платанов и тамарисков, посаженных вдоль дорожек.

При недавних раскопках мусорной кучи в Саккаре^[40] был обнаружен лечебный сад Древнего Египта, находившийся в ведении жрецов храма. Для изготовления лекарств использовались акация,

алоэ, анисовое семя, абрикосы, семена тмина, касторовое масло, кедровые орешки, цикорий, хризантемы, кориандр, лен, конопля, белена, мята, мирт, мирра, маслины, лук, мак, морской лук, полынь и масло ромашки, которое выдавливали для бальзамирования фараонов — его секрет копты передали храмовникам для сохранения тел убитых.

Однако священные лекарственные сады фараонов были неизвестны древним грекам, которые поместили свои Райские Сады в Аркадии для живых и на Елисейских Полях для мертвых. Они ценили главным образом два из вывезенных Александром с Востока растения — шафран и розу. Но за ними последовали многие другие пряности и травы, которым предстояло в Средние века стать лекарствами. В исламских Райских Садах деревья, плоды и травы имели метафорические значения, как и применение в медицине — миндаль означал глаз, айва и яблоко были связаны с подбородком, гранат и лимон — с женскими грудями, роза со щекой, лист платана с кистью руки, финиковая пальма с фигурой, мандрагора с пушком на коже.

В использовании средневекового гербария для превращения Росслинской часовни в окаменевший Эдемский Сад на Вильяма Сент-Клера оказала особое влияние книга *Lilium* шотландского врача Бернарда из Гордона, находившегося под сильным влиянием арабской медицины. Вильям Сент-Клер создавал резной в камне Райский сад — отчасти персидский, или исламский, отчасти библейский. Росслинская часовня стоит на холме или на Горе Спасения. Ее две витые колонны представляют собой Древо Жизни и Древо Познания Добра и Зла. Среди ее изображений значится история Книги Бытия с изгнанием Адама и Евы из рая, а также ангел с огненным мечом и еще один с финиковой пальмой. Однако нигде в Библии нет описания плодов, цветов и трав Эдема. Но есть описание садов царя Соломона, который радовался, разбивая их. Две витых колонны за алтарем представляли собой Иахин и Воаз, столпы Соломонова Храма, а также два эдемских дерева. По легенде, которую поддержал сэр Джон Мандевиль в своей "Книге путешествий", умирающий Адам отправил своего сына Сифа в рай попросить у ангела с огненным мечом веточку с Древа Жизни. Из этой веточки, посаженной на могиле Адама, выросли кедры, которые рубил Хирам для строительства Соломонова Храма; впоследствии из такого кедра был сделан Крест Иисуса.

Кедр представлен в Росслинской часовне наряду с другими библейскими деревьями, упомянутыми в Песни Песней, — финиковой пальмой, виноградными лозами, гранатами и инжиром, миндалем, оливами, орехами, яблонями. На фризах часовни мы находим не только множество трав из средневекового лекарственного сада, но и многие восточные целебные кусты, в том числе и из сада Соломона — "хна и нард, нард и шафран, аир и корица, мирра и алой со всякими лучшими ароматами" (Песн. 4: 14).

К этому перечню можно добавить из Библии анемоны и анис, камыш и кориандр, тмин и укроп, ирис и лен, мальву и мяту, Цветок Воскресения и Иерихонскую розу^[41], руту и полынь. Среди овощей, прославленных в Священном Писании, были бобы и огурцы, чеснок и тыква, порей и чечевица, горчица и лук. Священными сами по себе считались финиковая пальма, в которой иногда видели Древо Жизни, акация (или Неопалимая Купина) и ясень, лавр и шелковица, каштан и кипарис, вяз и ель, мирт и дуб, клен и ива.

Более экзотичными были алоэ и эбеновое дерево, можжевельник, фисташка, олива, сандаловое дерево и тамариск с Ближнего Востока. Многие из этих реальных и символических растений из христианской версии Соломонова Сада можно найти на каменных стенах Росслинской часовни, хотя головы Зеленых людей, зачастую выглядывающие из листвы, свидетельствуют о более древней традиции языческого Севера Европы.

Обнесенная стеной Росслинская часовня походила на обнесенный стеной сад, "потайное место, включающее в себя тайны Ветхого и Нового Заветов". Так считал Вильям Сент-Клер, когда просил каменщиков вырезать по камню на внутренних стенах цветы и растения. Он был не так строг, как средневековый историк Рабан Мавр, который в посвященной саду главе своей книги о Вселенной исключил из монашеского рая все не упомянутые в Библии растения. Для него сад был Церковью, которая приносила плоды Святого Духа и питалась священными целебными источниками, пока не превратится в новый Эдем. Но в Росслине большинство резных изображений, — если не все, — иллюстрируют какую-то часть христианской веры. Каменная лилия в часовне символизирует чистоту Девы Марии, и она часто изображалась на фресках с сюжетами Благовещения и Успения. Ирис или флер-де-лис, геральдическая лилия, представляла собой

символ, принятый королями Франции и Сент-Клерами — она символизировала происхождение Христа из царского рода Давида и, возможно, происхождение от него же Капетингов и семейства Sancto Слаго с его французской кровью. Трехлистные земляника и клевер напоминали зрителю о Троице. У каждой травы и растения был свой тайный смысл. Подобно средневековому аптекарскому саду или гербарию, Росслинская часовня представляла собой комментарий к Библии, выраженный через обнесенный стеной и вырезанный в камне сад.

Наиболее значительной является часть свода с розами подле небесной тверди с символами Часовни Грааля, являющая еще одно свидетельство влияния ислама на христианство через крестоносцев. В восточных Райских Садах роза считалась цветком любви. Розовое масло было самым дорогим из благовоний. Лучший таджикский врач Авиценна рекомендовал сирийскую розу для изготовления розовой воды и лекарственных смесей. Азербайджанский поэт Низами рассказал о поединке между двумя соперничавшими врачами: тот, кто использовал яд, был посрамлен другим, принявшим противоядие, но оказавшимся до того растленным, что его погубил аромат обыкновенной розы. Такую же смерть приписывали знаменитому пражскому раввину, Льву бен Бецалелю, создавшему глиняное чудовище — Голема: смерть пришла к нему в розовых лепестках, так как могла одолеть его только этим ароматом.

Знаменитую аптекарскую розу Средневековья вывез из Леванта Тибо Трубадур, король Наваррский и граф Шампанский — из крестового похода, который возглавлял в середине XIII века. Появление *Rosa gallica officinalis* привело к возникновению выгодной торговли розовыми лепестками из Шампани в течение шестисот лет и дало великолепный цветок для герба Ланкастеров и Йорков. Один йоркский монах писал в 1368 году, что "красная роза — герб Англии, она растет в этой стране с незапамятных времен".

Королева Елизавета Первая дерзнула сделать своим королевским символом *rosa sine spine*, розу без шипов, которая была символом Девы Марии. Поэт Седулий писал в V веке:

Прекрасная роза без шипов
Цветет во всей красе.
Это Мария, новая Дева,
Она происходит из рода Евы
И давным-давно искупила грех
Той первой Девы.

Согласно средневековым представлениям, Христос считался непорочным Адамом, а Дева Мария — новой Евой.

Они продолжали жить в раю, который представлял собой обнесенный стеной розовый сад. Основатель цистерцианского ордена и святитель храмовников, святой Бернар Клервоский, утверждал, что пять лепестков розы символизируют пять ран Христа и пять добродетелей Девы Марии, включая сюда ее застенчивость и скромность. Первое знаменитое средневековое лэ трубадуров называлось "Роман о Розе". В нем розовый сад находится внутри увенчанных парапетами стен замка, и рыцари дарят розы дамам в знак куртуазной, непорочной любви. Большие окна-розы Шартра и Йорка демонстрируют преобладание этой формы в сознании того времени. В XV веке образ Таинственной Розы был так влиятелен, что породил культ Девы Марии, Матери Божественного Младенца, и вызвал появление четок^[42]. В кармелитском женском монастыре Святой Терезы в Авиле в Испании четки делали из превращенных в массу растертых розовых лепестков. А на крыше Рослинской часовни розы на каменном небе демонстрируют преклонение Вильяма Сент-Клера перед Девой Марией, почитания которой держались его предки, поддерживающие связи с храмовниками и тевтонскими рыцарями.

АПТЕЧНЫЙ САД

Теофраст из Эреса, рассматривая характеристики пятисот видов растений, которые оставил ему Аристотель, составил их классификацию, остававшуюся неизменной в течение почти двух тысяч лет — до тех пор пока микроскопы позволили глубже проникнуть в структуру растений. Теофраст вывел их из сферы суеверий и магии. Для него цветок представлял собой листья или волоски, окружающие орган, который должен развиться в плод или семена. Оставленные им превосходные описания выдержали испытание временем. К примеру, он сравнивал толстую часть стебля

священного лотоса с человеческим пальцем, дыхательные пути этого растения медовым сотом, пластинку листа с фессалийской шляпой, размер его цветка с крупным маком; цвет его уподоблял розе, цветоложе — осиному гнезду, плоды — бобам. Эти сравнения оказались точными и долговечными.

То, что Теофраст сделал для ботаники, Гиппократ из Коса сделал для медицины. До появления его сочинений в Древней Греции больных лечили жрецы в храмах, оставлявшие их выздоровление на волю бога врачевания Асклепия. Гиппократ отделил медицину от религии, разработал научные методы лечения. Он верил только в факты, полученные из наблюдений и ведущие к верным диагнозам. "Жизнь коротка, искусство вечно, — писал он. — Причина мимолетна, опыт обманчив, суждение затруднительно". Эта практичность подвигла Гиппократа классифицировать болезни по симптомам и рекомендовать различные способы лечения, большинство которых базировалось на использовании растительных лекарств. Как и в случае с Теофрастом, выполненные Гиппократом описания болезней не улучшались в течение двух тысячелетий. "Одно дело знать, — указывал он, — но только верить, что знаешь, — совершенно другое". Первый тезис представлял собой науку, второй невежество. Гиппократ широко использовал современные ему познания в ботанике. Из четырехсот использованных им ингредиентов половина до сих пор используется в гомеопатии, начиная от базилика и переступня и кончая вербеной и ивой.

Когда римляне покорили Грецию, ее ботаника и медицина перешли в менее скрупулезную и оригинальную языковую среду. Плиний Старший с его многотомной "Естественной историей" стал наставником садоводов Средневековья, и его книга после изобретения книгопечатания за триста пятьдесят лет выдержала двести изданий. Его энциклопедия была в равной мере путеводителем как по античной науке, так и по ее ошибкам. Кроме того, Плиний создал латинскую ботаническую терминологию — около двухсот введенных им терминов до сих пор употребляются примерно в том же смысле, какой в них вкладывал он. Однако слово "ботаника" происходит от греческого *botane* — трава, его ввел в обиход последователь Плиния, Исидор Севильский, написавший еще одну средневековую энциклопедию.

Гален, врач императора Марка Аврелия, противоречил сочинениям Гиппократу, полагаясь на собственные исследования, однако его труды в переводе арабских врачей стали настольной книгой для врачей Средневековой Европы. Он описывал удачные случаи лечения, но умалчивал о частых неудачах. Проводил эксперименты, но затуманивал их результаты размышлениями. Довел теорию Гиппократу о "соках" в организме человека до крайности и тем самым извратил позднейшую медицинскую практику. Поскольку вскрытия были запрещены, его нелепые заявления о функционировании органов считались неофициальной истиной. Его злоупотребление лекарствами также стало порочным наследием — как и фармакопея, оставленная Диоскоридом. Однако, как Плиний в ботанике, Гален оставил латинскую терминологию в медицине и средневековой фармации, которая используется до сих пор.

С началом Раннего средневековья греческая медицинская практика перешла во Вторую Рим, в Константинополь, а оттуда в исламский мир. В течение четырехсот лет после VIII века арабские мыслители обогащали греческие познания в области ботаники и медицины. В Восточном халифате обогащали науку Ар-Рази или Разес, экспериментировавший на животных зороастриец Али Аббас и Авиценна. В Западном халифате, в Кордове, ее совершенствовали своими трудами Абу-ль-Касим (Альбуказис), Аль-Газали (Альгальзель), Абу Марван Ибн Зухр (Авензоар), хирург и оппонент Галена, и Моисей Маймонид, еврейский философ и врач. Еврейские врачи, изучавшие исламскую медицину, открыли в Европе первую светскую медицинскую школу в Салерно. После завоевания просвещенными норманнами Сицилии и создания переводов греческих и арабских книг на латынь, сделанных Константином Африканским из монастыря Монте-Кассино, греческая и исламская ученость осветила мрак раннехристианской Европы. По иронии судьбы, хотя спасение науки шло с Ближнего Востока, крестоносцы атаковали именно страны-источники своих новых знаний. Невежество и вера наступали на культуру и другую веру. Но в Испании, где мавры обосновались в Кордове, Севилье и Толедо, и в норманнском королевстве Сицилия греческие и арабские ученые продолжали нести познания Востока в болото Запада.

Школа в Салерно выпустила первый в Европе труд по медицине и по травам — "Салернский кодекс здоровья", *Regimen Sanitaiis Salemitum*, который выдержал двести сорок изданий в стихах и прозе. Один экземпляр его переписал Магнус Мак-Куллох для лорда Боргвика, соседа сэра Вильяма Сент-Клера во время строительства Росслинской часовни. Как рекомендовал перевод сэра Джона Харрингтона, сделанный в 1608 году под заглавием "Английский доктор или школа в Салерно":

А если подкрадутся к тебе *Хвори*,
Не вздумай терпеть их себе на горе.
Тебе помогут три врача: *Покой*,
Диета. *Жизнерадостный настрой*.

Там были и практические советы о противоядиях:

Вот шесть лекарств, которые вам надо
Употреблять как средства против яда:
То *груша*, *редька*, *рута* и *чеснок*.
Который жгучестью своей жесток,
Орех, *капуста*. Но еще пока
Лекарства нету лучше *чеснока*.
Кто ест его, тот может не страшиться
Ни отравиться и ни заразиться.

Однако после разграбления Салернской школы в конце XII века на смену ей пришли новые медицинские школы в Неаполе, Палермо, Болонье, Падуе и в Монпелье. Благодаря им медицинская литература ислама начала исцелять суеверия латинского Запада. Вновь был открыт Аристотель через перевод на арабский, сделанный Ибн Рушдом (Аверроэсом), и его методы наблюдения и экспериментирования перешли к ученому XIII века Роджеру Бэкону, который начал сам исследовать явления, не пользуясь мудростью христианских священников. Энциклопедия Альберта Великого с разделами *De Animalibus* и *De Vegetabilibus et Plantis* ("О животных" и "Об овощах и растениях") основана на философии Аристотеля и на личном исследовании. Эти крупнейшие научные труды тринадцатого века были написаны уже после того, как крестоносцев изгнали из Святой Земли. Однако они вернулись в Европу с исламскими

познаниями и мастерством, включая процесс бальзамирования тел рыцарей или расчленения их и кипячения, чтобы обнажить череп и кости для погребения дома. Хотя эта практика была запрещена в 1300 году папской буллой, она не помешала вернуть останки сэра Вильяма де Сент-Клера после его гибели в испанском крестовом походе для погребения в Росслинской Часовне, и сердце Брюса, похороненное в Мелроузе.

Медицинская школа в Монпелье на юге Франции была основным центром арабской медицины, хотя ее самый знаменитый ученый, мистик Раймонд Луллий стал зачинщиком крестовых походов против ереси. Он был учителем Арнольда де Вильянова, собрание сочинений которого (*Opera Omnia*) стало почти столь же влиятельным, как энциклопедия Альберта Великого. Наиболее значительным для Шотландии был его современник, профессор школы в Монпелье Бернар де Гордон, знаток арабской медицины, книга которого "Лилия медицины", *Liliitm Medicinae*, содержащая раздел "О кодексе здоровья" (*De Regimine Sanitatis*), была завершена в тот год, когда храмовники впали в немилость. Ее перевели с латыни на французский, еврейский и гэльский языки. Рукопись его работы "Книга о целителях" остается в Эдинбурге и служит источником сведений для монахов-августинцев, у которых была больница в Сутре, и для соборной церкви в Росслине. Следует отметить, что Чосер в прологе к "Кентерберийским рассказам" признает влияние Бернара де Гордона и многих исламских врачей, включая Али Аббаса и Разеса, Авиценны и Аверроэса:

Прекрасно знал болезни он истоки:
Горяч иль холоден, мокр иль сух
Больного нрав, а значит, и недуг...
Ученостью и знаньем был богат он.
Он Эскулапа знал и Гиппократа,
Диоскорида, Цельса, Гильбертина,
Знал Руфа, Аверройса, Константина,
Дамаскина, Али и Галиена,
Знал Авиценну, также Гагисдена^[43].

Больных лечили странствующие еврейские врачи; если их не было, больницами средневековья служили монастыри, им помогали военные ордена, особенно рыцари святого Иоанна и тевтонского ордена. Забота

о больных всегда была долгом священных орденов. До Карла Великого существовали аптечные сады при женских монастырях, наподобие того, что разбила святая Радегунда, когда оставила распутный двор Меровингов, поэт Венантий Фортунат хвалил ее за созданный ею зеленый покой. Капитулярий о поместьях (*Capitulare de Villis*) Карла Великого, где упомянуты семьдесят четыре полезных растения и шестнадцать разновидностей деревьев, росших в императорском саду, стал новым образцом для монашеских лечебных и плодовых садов и огородов. В саду монастыря Святого Галла культивировали тридцать четыре травы, в том числе мяту перечную, мяту болотную, любисток и пижму. Валафрид Страбон в это же время выращивал в своем *Hortulus*, или "Садике" помимо них еще пять растений, репейник и буковицу, шандру, персики и полынь — и три разновидности цветов, фиалки, лилии и особенно любимые им розы. Он писал о них:

"Они лучше и приятнее всех других растений и справедливо именуется цветком цветов. Да, розы и лилии, символизирующие чистоту без грязного труда, без тепла любви, лишь со сладостным ароматом, который распространяется дальше, чем аромат га соперниц — роз, но если их смять, они издают зловоние. Поэтому розы и лилии цветы для нашей церкви, одна означает кровь мученика, другая символ в его руке. Собирай их, о, дева: розы символизируют войну, лилии мир; и думай о Цветке отрасли корня Иессеева^[44]. Он говорил о лилиях, и благословенных деяниях Его славной жизни, но Его смерть окрасила розы".

В XII веке святая Хильдегарда Бингенская в своем труде *Physic a* ("О свойствах Божьих творений различной природа") перечисляет несколько сотен растений и около ста деревьев для лекарственных садов. А Александр Некхем, сайренсестерский аббат, скончавшийся в 1217 году, подробно останавливался на монашеском садоводстве в своей работе "О природах вещей" (*De Naturis Rerum*):

"Сад нужно украсить розами, лилиями, гелиотропом, фиалками и мандрагорой; потом нужны петрушка, пижма, сладкий укроп, полынь, кориандр, шалфей, савойская капуста, иссоп, мята, рута, бадьян, сельдерей, постенница, салат-латук, кресс-салат, пионы. Нужно также засадить грядки луком, чесноком, тыквами и луком-шалотом; огурцы, мак, нарциссы, акант облагораживают сад.

Должны быть там и свекла, пролеска, лебеда, щавель и мальвы. Анис, горчица, белый перец и полынь будут хороши в небольшом саду".

Важен был и латук, на который Венера положила тело Адониса, и который ела Геба перед тем, как стать кравчей богов.

При раскопках мусорной кучи возле древней августинской больницы в Сутре на Ламмермурских холмах было обнаружено семьдесят девять разновидностей пыльцы или спор. Большая часть создавших их растений упомянута в *Капитулярии* Карла Великого и в работе аббата Некхема, который оказывал большое влияние на садоводство Сутры, как и таинственный Мацер^[45], которого восхвалил поэт Джон Гоуэр за знание "силы трав". В Сутре выращивали главным образом четыре вида растений: опиумный мак, коноплю, лен и калган. Из первых двух готовили сильные обезболивающие снадобья. Перед операцией пациенту клали на нос губку, пропитанную опиумом или гашишем, а затем приводили в сознание, растирая ему уксусом зубы.

Снадобья для операций были узаконены в Книге Бытия: "И навел Господь Бог на человека крепкий сон; и, когда он уснул, взял одно из ребр его, и закрыл то место плотию" (Быт. 2:21). Иисус на Кресте пришел в себя от пропитанной уксусом губки... Впрочем, двумя главными культурами в Сутре были опять-таки конопля и лен, дававшие волокна для ткани, марли и веревок, а не приятные сновидения. Найденные там восточные специи были привезены из Монпелье, где преподавал Бернар де Гордон — тогда они входили в состав лечебных снадобий и употреблялись в пищу.

Бенедиктинцы тоже разбили прототип лекарственного сада в Монте-Кассино. Самый ранний план такого сада на Британских островах был сделан в XII веке в Кентерберийском монастыре, большой травяной сад занимал половину пространства между больницей и спальным корпусом. В Вестминстерском аббатстве нынешний Колледж-гарден являлся частью лекарственного сада, соседняя Вайн-стрит до сих пор указывает своим названием на местонахождение старого виноградника. *Hortulanus* монашеских общин снабжал кладовую и аптеку. Сады аббатства и кормили, и лечили. В садах Клерво, где святой Бернар основал цистерцианский орден, птичьи песни радовали оправлявшихся от болезни. В георгианском песнопении третьим хоралом из семи, возвещавших приход Христа, было "*O Radix Jesse*", его неизменно исполнял

хранитель садов; считалось, что под его попечением находится отрасль корня Иессеева. Между недавно обнаруженной, высеченной в скале кельей отшельника у реки Эск и мостом через реку, ведущим к Росслинскому замку в Линне, находились плодовый и травяной сады.

Эти лечебные сады, классический, исламский и средневековый европейский, в конце концов были перенесены на каменные стены Росслинской часовни. Создавший ее в XV столетии зодчий, Вильям, третий и последний Сент-Клер граф Оркнейский, зафиксировал состав этого райского сада — перед Возрождением и открытием американских растений, хотя в часовне изображены два из них, индейская кукуруза и кактус алоэ, которые служат одним из подтверждений того, что его дед, принц Генри Сент-Клер, пытался основать колонию в Эдеме Нового Света и привез с американского континента образцы растений. Истолковывать эту часовню в целом — значит читать последний средневековый гербарий. И гравюры на страницах объемистого труда под названием "Сад здоровья" (*Hortus Sanitatus*), который много раз переиздавал ученик Гутенберга Петер Шеффер, современны вырезанным в Росслине изображениям растений, и поразительны в своей точности. Стены часовни Сент-Клеров представляют собой *Hortus Sani-tatus*, лечебный сад конца средневековья. Это ботаника до Тюдоров, лекарства перед началом современной медицины.

С открытием Нового Света и наукой XVI века был создан ботанический сад. Хотя план его основывался на библейском авторитете, целью его были эксперименты и исследования. Первый ботанический сад был основан в Падуе, в 1533 году, через пятьдесят лет после завершения строительства Росслинской часовни. Он был дополнен египетскими растениями, собранными университетским профессором ботаники Просперо Альпино. Флоренция и Болонья вскоре последовали примеру Падуи, открыв свои ботанические сады, в Париже и Монпелье тоже начали исследовать структуру новых растений. В Англии травяные сады были основаны в Оксфорде и в лондонском Челси, в Шотландии — в Эдинбурге, в Германии — в Йене, в Швеции — в Уппсале, в Голландии — в Лейдене и Амстердаме; последний лечебный сад был открыт в Утрехте в 1725 году. Трава главенствовала в медицинских рецептах начала нового времени всего двести лет.

Как ни странно, форму новых лечебных садов определяли традиция и религия. Их продолжали планировать как райский сад в Эдеме, разбивали на четырех квадратах земли — на континентах Европы, Азии, Африки и новооткрытой Америки. Сады представляли собой энциклопедии существующих растений. Грядки их были зелеными страницами. Взгляд на них был чтением ренессансной ботаники, как взгляд на Рослинскую Часовню — чтением символов средневековых растений. Разница заключалась в том, что эти новые лечебные сады управлялись с христианским ригоризмом. Еву в эти планируемые сады Эдема не допускали, мужчина оставался один. Эндрю Марвелл писал:

Вот так когда-то в куцах рая,
Удела лучшего не чая,
Бродил по травам и цветам
Счастливый человек Адам.
Но одному вкушать блаженство —
Чрезмерно это совершенство.
Нет, не для смертных рай двойной —
Рай совокупно с тишиной^[46].

Та же взыскательная мысль содержится в вступительном стихотворении к каталогу растений в Оксфордском ботаническом саду, новом Эдеме:

Не знавший женщин и греха мужчина
Нагой, как истина без маски, без личины.
Садовником в Эдемском был саду.

Ева была в Эдеме, женщины были в ограде храма, девы прислуживали в Садах Аллаха, а роза и лилия, Дева Мария, была богиней средневековых Эдемов. В Рослинской часовне Ее статую и Ее крышу из роз обслуживали дикие Зеленые люди, высывающиеся из переплетения растений и травяных венков на стенах. Но Зеленых женщин не было; там не было признания древнего культа Богини Земли. Одним из первых в эпоху Возрождения станет картина Боттичелли "Весна", — украшенная цветами дева. Однако, в конце концов позднехристианская традиция не смогла отрицать божественного порождения всех растений или веры в то, что природа процветала и до Христа.

РОБИН ИЗ ЗЕЛЕНОГО ЛЕСА

Поскольку в часовне появляется Зеленый человек, вряд ли удивительно, что росслинских Сент-Клеров связывали с Робин Гудом и празднованием Иванова дня. Замок представлял собой убежище для цыган и бродячих актеров. Другой, более поздний сэр Вильям Сент-Клер, являвшийся верховным судьей Шотландии при королеве Марии, не только спасал цыган "от виселицы на Барроу Мур", но и давал им приют "у водоемов Рослина ежегодно, где они разыгрывали несколько спектаклей в мае и июне. Еще он позволял им жить в двух башнях замка, одна называлась "Робин Гуд", другая "Маленький Джон"

Сэр Вильям имел основания быть благодарным цыганам. В 1470 году двух девушек из семейства Сент-Клеров, Мэрион и Маргарет, собственный дядя выманил из дома в Полварте в свой замок в Германстоне, где они оказались в заточении, потому что он хотел прибрать к рукам их поместье. Мэрион отправила письмо с Джонни Фаа, предводителем цыган, Джорджу Хоуму, юному барону из Уэддерберна, тот с братом Патриком и сотней людей атаковал Германстон. Они освободили сестер, те вернулись домой через Ламмермурские холмы и потом вышли замуж за своих освободителей. Следствием этой эскапады стала древняя песня "Полвартский лес". И благодарность цыганам росслинских Сент-Клеров.

Представления о Робин Гуде, которые разыгрывали цыгане у замка Сент-Клеров, были очень популярны в XV–XVI веках. И сэр Вильям сделал приписку на своем экземпляре *Chronices Scotie* со странными датами:

1265 rober huid ves forfaltit for fechtynge againis the Kyng of Ingland at the batell of hewsham the vi zeir of Alexander iij reng Anno Domini 1287 Alexander tercius deit at Kyng-gome the 35 or 37 zeir of his reng. In his tyme rober huid, lytill jhone, tamas Lermont or rymor and mechell schot the medycener ves al lewand^[47].

Эти записи показывают, что легенды о Робин Гуде, Маленьком Джоне и Томасе Римфаче были хорошо известны в Росслинском замке в то время, когда запрещенные во время Реформации праздники в первое воскресенье мая еще устраивались. Приписанные Робин Гуду исторические даты являются более поздними по сравнению с преданием, гласящим, что Робин Гуд жил во времена Ричарда Львиное Сердце. То, что сэр Вильям Сент-Клер был верховным судьей при

королеве Марии, доказывает, что он оставался католиком. Вскоре толпы из Эдинбурга вторгнутся в Росслин, уничтожат в приделе Богоматери четыре алтаря, посвященные Деве Марии, святому Матфею, святому Андрею и святому Петру, а священники-протестанты запретят все майские праздники. Это было понятно. Епископ Латимер жаловался, что никто не хочет слушать его проповедей, пока разыгрываются представления о Робин Гуде, а пуританин Филип Стаббс назовет майские деревья^[48] "мерзкими идолами" и заявит, что из ста девиц, уходящих в лес, чтобы встретиться с местным Робин Гудом и Зелеными людьми в майскую ночь, "едва треть возвращается неоскверненной".

Если Робин Гуд существовал в действительности, а не был вымышленным Робинотом Весельчаком, Робинотом из Зеленого леса, Зеленым рыцарем или Зеленым человеком, то существуют свидетельства о некоем Робин Гуде из Уэйкфилда и Робине Гуде, камергере короля Эдуарда Второго, разбитого шотландцами при Баннокберне. По легенде, Робин Гуда убила его единственная родственница, вероломная настоятельница монастыря в Керклизе, и до XIX века там существовало надгробье с именем Роберт Хьюд; рабочие-путейцы уничтожили его, откалывая куски для лечения зубной боли. К счастью, облик надгробья срисовал в 1665 году знаток древностей Натаниэль Джонстон. Примечательно, что на памятнике Хьюду был вырезан храмовнический крест, значит, он был рыцарем этого военного ордена.

В ранних пьесах и балладах Робин Гуд встречает бедного рыцаря, отправляющегося в крестовый поход, он едет в простой одежде, у него нет денег. Ему пришлось заложить аббату свое поместье за четыреста фунтов, чтобы оплатить путь в Святую Землю. Робин ссужает ему сумму залога, чтобы выплатить жадному аббату. Потом Робин ловит келаря аббатства и находит в его вещах восемьсот фунтов. Дева Мария оплатила залог вдвойне. Когда бедный рыцарь возвращается из крестового похода, Робин Гуд прощает ему долг и дает ему еще четыреста фунтов.

Так помог добрый Робин
рыцарю всем, чем мог.
Да поможет ему всем,
Чем может, и Бог.

Это предание создало Робин Гуду репутацию грабителя, отнимавшего у богатых и помогавшего бедным. Любопытно, что храмовническое надгробье Роберта Хьюда в Керклизе косвенно подтверждает эту репутацию. Храмовники давали обет бедности, и долгом их было поддерживать бедняков за свой счет, а также охранять паломников в пути к святым местам. Храмовники брали добычу у богатых, как на войне, так и в виде пожертвований. Если керклисское надгробье было подлинным, оно было храмовническим, современным храмовническому надгробью Вильяма Сент-Клера в Росслине, который участвовал в разгроме Эдуарда Второго при Баннокберне, а потом погиб в Испании, собираясь доставить сердце Роберта Брюса в Иерусалим.

Реальные или вымышленные, Робин Гуд и Зеленый человек были персонажами предания Сент-Клеров. В рифмованной хронике Шотландии, опубликованной в 1420 году, Эндрю де Уинтон тоже датирует легенду концом XIII века.

Сент-Клеры поддерживали Вильяма Уоллеса, когда он был изгоем, бунтовщиком против английской короны, и сопротивление Робин Гуда тирании Лондона вызывало симпатии у семейства, которое сражалось за независимость Шотландии. Норвежские мифы тоже способствовали отождествлению Робин Гуда и Зеленого человека на майских праздниках, проводившихся возле Росслинского замка, на праздниках урожая и в резьбе по камню в часовне. У каждого шотландского клана был свой символ в виде растения или дерева, возможно, взятый из поэзии древних бардов. У Сент-Клеров им служил утесник, у Брюсов ежевика. Народные и религиозные поверья в Средние века переплетались. И правители не чуждались этого переплетения.

Зеленая прядь очевидна в легендах о Граале, впоследствии она вплелась в тайные масонские обряды. Зеленый рыцарь, которого невозможно убить, является ключевой фигурой в романах о короле Артуре и Круглом Столе. Более того, в средневековом шедевре Вольфрама фон Эшенбаха, "Парцифале" — который оказал влияние на внешний вид Росслинской часовни — зеленый цвет придан самому Граалю, упавшему с неба камню. Зеленый — цвет Королевы Грааля и отца Парцифала, сражающегося за мусульман в одеянии, "зеленом, словно редкий изумруд". Сам Грааль назван "корнем и ростком, райским даром, преизбытком блаженства".

Росслинская часовня была построена как Райский Сад, каменщики выгравировали в ней множество растений Творения. Они понимали так же, как зодчий, что эта долина в камне представляет собой дары Бога земле. Она демонстрирует щедрость Его милости, которая обеспечила их едой, дала им здоровье и лекарства. На каменных стенах часовни они также отобрали свои древние поверья в духов леса, из которого некогда пришли норвежцы. Это благодарность за все Творение, объединившее христианские и языческие чувства, это память о Сент-Клерах и каменщиках, построивших часовню с ее внятнм зеленым "языком" и медициной.

9. ПЛАВАНИЕ НА ЗАПАД

Вряд ли можно сомневаться в том, что храмовники хотели создать новый Рай и Храм Соломона в Новом Свете, за пределами папский власти. Их участие в альбигойском крестовом походе против катаров Лангедока носило двойственный характер: храмовники сражались за крестоносцев, однако многие рыцари-катары вступили в их орден. Те и другие верили в Святого Духа и единого Бога; те и другие стремились стать *perfecti*, "совершенными" — безгрешными хранителями Духа Грааля. Когда храмовников во Франции начали преследовать и отлучать от церкви, кое-кто из них бежал с частью флота в Португалию, где они стали рыцарями Христа, пионерами открытий Африки и Дальнего Востока. Васко да Гама был рыцарем Христа, и корабли его несли красный и восьмиконечный храмовнический крест на парусах; Великим Магистром ордена в то время являлся принц Генрих Мореплаватель.

Однако храмовники хотели следовать примеру своих покровителей, тевтонских рыцарей. Храмовники на протяжении всего XIII века оставались в Венеции, тевтонцы пребывали там в течение всего шестнадцати лет между падением Акры и отлучением от церкви братского им ордена. Опасаясь подобной участи, они перенесли свою штаб-квартиру в прусский Мариенбург, под покровительством германских императоров и князей начали крестовый поход на восточную Прибалтику и создали там империю. Отец принца Сент-Клера погиб, сражаясь с сотней своих людей за тевтонских рыцарей и их владения.

Те храмовники, что бежали с кораблями и богатствами в свои владения возле Рослина и одержали победу при Баннокберне вместе с сэром Вильямом де Сент-Клером, погребенным как Великий магистр ордена, взирали на север и запад, мечтая основать новую храмовническую империю по образцу тевтонской империи на востоке. Принц Генри Сент-Клер со своим эскортом в триста рыцарей использовал силу, богатство и мастерство судовождения храмовников, чтобы утвердить свою власть на Оркнейских и Шетландских островах. Но, как говорится в рассказе рыбака из "Книги" Дзено, всегда

существовала притягательная сила древних преданий об Атлантиде, Аркадии и далеких землях за западным океаном. И принц Генри снарядил исследовательскую экспедицию под руководством Николо Дзено в Гренландию, за ней последовала большая колониальная экспедиция, предпринятая под руководством Антонио Дзено в последние годы XIV столетия. Он хотел построить на западе новую империю, руководимую военными и монашескими орденами. Вполне логичная стратегия для того времени. Подтверждением этому могут служить надгробье Вильяма де Сент-Клера в Росслинской часовне, "Книга Дзено" с описанием путешествия на северо-запад и карта Нового Света Фопеля и Вавассаторе с изображением рыцаря в короне в Новой Шотландии и надписями.

В XVI веке картографы снабжали свои карты рисунками и сокращениями на вульгарной латыни, итальянском, испанском, португальском, французском, немецком и английском языках. На карте Фопеля и Вавассаторе, охватывающей Северную и Центральную Америку и Азию нарисованы четыре коронованные фигуры, символизирующие империи или колонии в прошлого и настоящего. В Восточной Азии изображен на троне *magus Cham Cublai*: это хан Хубилай, известный венецианскому путешественнику Марко Поло. Над Большой Испанией изображен правитель атцеков Монтесума, упомянут Кортес как его победитель. Возле Флориды нарисован испанский король, правящий своей новой колониальной империей на Карибских островах. А на *Vascalearum Regio* Новой Шотландии^[49] изображен четвертый бородатый рыцарь в короне, одетый в мантию военного ордена, он стоит на коленях возле своего щита, свидетельствуя о том, что здесь существовала колония некоего короля или принца. Над этой фигурой стоит на холме строгий четырехконечный крест. Возле нее надпись: "*Agricole proseu C. di laborador*". Эти слова, видимо, означают *agriculture* или плантация для блага *labouring* (работающих), монашеского или военного ордена на полуострове.

Любопытно, что на предшествующем и основополагающем голландской карте мира, именуемой картой Геммы Фризиуса^[50] — Меркатора, созданной в 1537 году, упомянут *Promotoriu agricule seu cabo del Laborador*, или "Сельскохозяйственный мыс на полуострове Лабрадор". Португальское слово *Labrador* означает "землевладелец", и

это тоже наводит на мысль о существовании традиций обработки земли в той местности. Эта традиция отображена на карте Фризиуса — Меркатора тремя флагами в области *Vasscalearum Regio*. На всех флагах находится четырехконечный крест, увенчанный лиственным. Возможно, они представляют испанский флаг, так как римский папа пожаловал Испании северную часть Нового Света, а военные ордена сохранили свое могущество в этой стране. Тем не менее, удивляет сходство этого креста с изображенным на боевом знамени храмовников. И поскольку на упомянутой карте дальше значится приписка *terra per britannos inventa* (земля, открытая бриттами), ее следует считать первым и главным свидетельством предания о британской колонизации этого района Нынешней Канады.

Показательно, что святой Бернар Клервоский основал цистерцианский орден и поддерживал военный орден Соломонова Храма. Одной из его заповедей было *Laborare Est Orare* (работать значит молиться). Готические соборы во Франции стоили в основном каменщики, именовавшиеся *Fratres Solomonis*, Соломоновы братья, которыми руководили архитекторы из числа цистерцианцев и храмовников. Впоследствии они превратились в *Enfants de Salomon* (Детьми Соломона), французскую средневековую гильдию строителей. Каждый желавший основать постоянную колонию в Новом Свете брал с собой в экспедицию рыцарей, каменщиков и фермеров, предпочтительно из опытных военных и монашеских орденов.

В этом контексте интересным представляется то, что "Книга Дзено" рассказывает, как во время первой экспедиции в Гренландию Николо Дзено он наткнулся на факторию монастыря Черных братьев, впоследствии отождествленную с монастырем святого Олафа в бухте Гаэл-Хэмке. Средневековый гренландец Ивар Бардсен, казначей епископа Гардара, писал о маленьких островах неподалеку от монастыря, изобилующих горячей водой — годившейся для купанья и исцеления от многих болезней. Передовые сельскохозяйственные методы монахов включали в себя использование природных горячих источников для орошения сада, где зимой выращивались травы, цветы и плоды. Согласно "Книге Дзено", эскимосы, увидев эти сверхъестественные достижения, приняли монахов за богов. Сообщение об этом месте побудило принца Генри Сент-Клера включить монахов в свою колониальную экспедицию, как можно

предположить по надписям на картах Фризиуса — Меркатора и Фопеля и Вавассаторе.

Возможно, что принц Генри Сент-Клер собирался основать колонию, что объясняют надписи возле фигуры бородатого рыцаря в короне на территории Новой Шотландии. Предание о давнишней попытке основать на Западе военно-монашескую христианскую империю по примеру восточной империи тевтонских рыцарей на востоке могло достичь обитателя Кельна Каспара Фопеля в Кельне и венецианца Вассаторе в Венеции, в частности через "Книгу и карту" Дзено, повествующих об этой экспедиции в Америку. Иного объяснения фигуры рыцаря на карте не существует. Впоследствии Лабрадором стал называться полуостров в Канаде, хотя почва на нем была слишком твердой. Недавние попытки перевести надпись как *La Bras d'Or* или *Labor a d'Or* или "золотая работа", связать эту надпись с "Денежной Ямой" и старыми золотыми приисками на острове Оук-айленд возле Новой Шотландии слишком натянуты. Для первых европейских поселенцев было достаточно работ по высаживанию дубов, расчистки полей и закладывания фундаментов для жилищ. Не существует никаких свидетельств их трудов на золотоносных реках Гасперо и Голд, текущих по Новой Шотландии между двумя островами Оук.

Джованни Андреа ди Вавассаторе, известный также как "Вадагнин Зуан Андре", был ведущим венецианским гравером по дереву и картографом своего времени. Он сделал свою карту с гравюры карты мира на двенадцати листах, созданной в 1545 году Каспером Фопелем в Кельне, который ложно обвинил его в попытке не признать его авторства. На всех сохранившихся венецианских картах, сделанных до "Карты Дзено", Новая Шотландия обозначается как часть региона *Bacallareum* или *Bacclearum* или *Bacalaos*, причем название это возводится к баскскому слову, обозначающему "треску". Оно сохранилось до сих пор в названии острова Бакалье, расположенному неподалеку от Ньюфаундленда, называвшегося тогда *Terra Nova*. Этих карты объединяет во многом одинаковые приблизительные географические представления. Интерес к версии Фопеля и Вавассаторе объясняется тем, что они поместили на этом месте бородатого коронованного рыцаря, с коротким комментарием возле фигуры, которую можно истолковать как знак существования колонии.

Разумеется, более точная "Карта Дзено", особенно в описании берегов Гренландии, вкупе с отождествлением Новой Шотландии с "Эстотиландом", вытеснила предыдущие попытки нанести на карту этот регион.

Нет никаких сомнений в том, что "Книга и карта Дзено" пользовались у европейцев доверием в течение ста пятидесяти лет. Ее данные были учтены в новом издании "Географии" Птолемея, вышедшем в Венеции через три года после "Карты Дзено", — как и на большой карте Меркатора, вышедшей в 1569 году. Контуры Гренландии очерчены достаточно точно, однако "Фрисланд" изображен таким же большим островом, как и Фареры, а так называемый "Дрогео" как маленький остров, но не береговая линия Северной Америки, проведенная на краю "Карты Дзено". Однако Эстотиланд безошибочно появился у восточного побережья Канады, над Терра Корти-риалис, открытой тремя братьями КORTE Реал, отплывшими с Азорских островов в первые годы XVI века. Ниже этой земли Меркатор поместил монашескую церковь в устье реки святого Лаврентия, очевидно, обозначающую город, который, по "Книге Дзено" основал принц Генри Сент-Клер в Новом Свете. Картографы и исследователи продолжали доверять "Карте Дзено". Ортелий использовал ее в своем труде *Theatrum*, опубликованном через год после исправленной карты мира Меркатора. Ведущий научный авторитет того времени. Джованни Батиста Рамузио, был венецианцем, он лично знал Николо Дзено и опубликовал его сообщение о полярных путешествиях его предков и о приключениях его прапрадеда Катерино в бытность послом в Персии; он также использовал "Карту Дзено" в своих влиятельных "Путешествиях", вышедших в 1574 году. Мартин Фробишер полагался на тот же источник в повествовании о поисках Северо-западного пути, а Майкл Лок использовал ее в своей карте, которую выпустил елизаветинский картограф и писатель Ричард Хаклут в своих "Различных путешествиях". Джон Дэвис тоже обращался к ней в своих исследованиях, и Перчес полагался на "Карту Дзено" в своих "Паломниках". Она оставалась авторитетным описанием северных приполярных областей до конца XVII века. В ней, бесспорно, было много верного, так как многие моряки плавали в тех морях в тот период, когда французы заселяли Канаду, а рыбацкие флоты северной Европы опустошали богатые рыбные банки возле

Ньюфаундленда. Математик Джон Ди так хотел видеть Елизавету Первую повелительницей западной империи, что называл жителей Эстотиланда потомками колонистов, которых отправил на остров Авалон король Артур — и потому подданными английской короны.

Я лично обнаружил большой глобус, стоящий у входа в музей "Корреро" в Венеции. Он был изготовлен в 1693 году, полагаясь на географическое описание приполярных областей, основанное на "Карте Дзено". Там названы область и ее открыватель: "NUOVA FRANCIA / ESTOTILANDIA / THE NEW BRETAGNE / TIERRA DE LABRADOR ОТКРЫТЫ МЕССЕРОМ АНТОНИО ДЗЕНО, ПАТРИЦИЕМ *из Венеции в 1390 году первой из других стран Америки*".

Хотя "Карта Дзено" не была подписана, клише для нее изготовил кто-то из лучших венецианских картографов, возможно, Вавассаторе или его соперник Матео Пагано, хотя книгу опубликовал в 1558 году Франческо Марколини. Разумеется, мир картографов был слишком тесен, чтобы создатели карт не могли пользоваться услугами или открытиями коллег. Благодаря превосходному качеству "Карта Дзено" стала основой представлений о северных областях Атлантики. Словом, в то время она была наилучшей.

"Книга Дзено" подтверждает тщательную съемку берегов Гренландии, проведенную после завоевания Оркнейских и Шетландских островов, сперва Николо Дзено после 1393 года, до того, как он вернулся в Венецию и там умер, затем шотландским принцем Дзихмни или Сент-Клером, отправил вспомогательные суда завершать съемку в течение двух лет его путешествий в поисках западной колонии. В сущности, "Книга Дзено" называет принца достойным бессмертной славы за открытие Гренландии, хотя там уже четыре столетия существовали поселения норвежцев. Принца следовало славить за съемку восточного и западного побережий, их нанес на карту брат Николо, Антонио, и привез ее в Венецию, где она была обнаружена больше ста лет спустя в их доме в Канареджо его потомком, которого тоже звали Николо, тот использовал ее для создания точнейшей карты околополярных областей.

Если карты для создания "Карты Дзено" не были итогом путешествий братьев Дзено, трудно понять необходимость выдумывать мнимое путешествие, чтобы скрыть подлинный источник

открытий. Точность деталей "Карты" подтверждает правдоподобие повествования "Книги". Большой ошибкой в "Карте" и "Книге" является описание путешествия к вымышленному острову Икария, который с большой долей вероятности можно считать Сент-Кильдой, прежде носившей название Хирта или Ирте, или ирландским островом Керри. Автор "Книги" Николо Дзено утверждал, что в детстве уничтожил много писем своего предка, присланных с Оркнейских островов в Венецию. Его книга была основана на сохранившихся отрывках. Очевидно, он по ошибке описал здесь предыдущее путешествие на юго-запад — образ жизни населения Икарии обладает всеми характерными чертами племенного строя, в рамках власти Верховного короля Ирландии. К сожалению, назвав остров Икарией, Николо Дзено последовал модной манере давать классические названия неизвестным местам, созвучные с их местным названием. Икар определенно не падал в море неподалеку от Икарии, и этот остров не был колонизирован Дедалом, королем Шотландии. Никакого острова не существовало на том месте, где изобразил его выдумщик. Другие ошибки на "Карте", в частности, большой размер, приданный Фрисланду (Фарерам), объясняются содержанием "Книги", описывающей происшедшие там многочисленные события. Но, учитывая, что все ранние карты содержали серьезные географические ошибки, содержали вымышленные острова, а очертания континентов были искажены на них, большая часть "Карты Дзено" опережает картографию того времени.

Нужно принять во внимание и репутацию ее создателя. Николо Дзено было одним из ведущих венецианских писателей и государственных служащих. Он родился в 1510 году во дворце Дзено в Кросикьери, ездил в Константинополь со своим дедушкой Пьетро, затем вернулся в Венецию и дожил до пятидесяти пяти лет. Николо был признанным историком, дорожившим репутацией своего рода. Он написал четырехтомную историю войн Венеции против Турции. В ней он высоко оценил роль, которую сыграл его дедушка Пьетро в мирных переговорах. Кроме того, Николо написал книгу об основании Венецианской республики и о варварах, уничтоживших Римскую империю. Еще один труд был посвящен происхождению и обычаям арабов. Кроме "Книги и Карты Дзено" он издал повествование о службе своего прапрадеда Катерино послом в Персии. Литературная

деятельность не мешала ему служить своей стране в семейной традиции. В течение шести лет он служил консулом в Сирии, а потом вернулся в Венецию и стал членом Совета Десяти, до ухода на покой в 1550 году он занимал еще четыре должности. Оттавио, брат Николо, был поэтом и канонником в Падуе. Высокая репутация семейства Дзено, его литературные труды и государственная служба делали его слово в Венецию заслуживающим полного доверия. Он был лично известен Джованни Батисте Рамузио, крупнейшему авторитету того времени в области путешествий и открытий, включившему "Книгу и Карту Дзено" в свои публикации. Соотечественники считали Рамузио лучшим географом своего времени.

Ошибочную координатную сетку, которую Николо Дзено нанес на морские карты своих предков для создания своей карты, исправляли Миллер Кристи, геолог Вильям Герберт Хоббс, капитан Мэллори и в недавнее время профессор Чарльз Хэпгуд, использовавший съемки Стратегического авиационного командования. Поскольку средневековые моряки могли определять широты только с погрешностями, долготы их представляли собой вымысел, осложненный ошибочным совмещением магнитного полюса с подлинным северным. Однако исправления этих четырех специалистов демонстрируют поразительную точность съемки восточного и западного побережий Гренландии, которые сделали Николо и Антонио Дзено и шотландский принц. В исправленном издании "Карт древних повелителей морей" Хэпгуд указывает, что Гренландия на "Карте Дзено" обозначена верно, без ледяной шапки, с горными югом и севером и равнинным центральным районом. В реконструированной картографической проекции есть много совпадений между старой венецианской и современной аэрофототопографической картографией Арктики. Даже слишком большая Исландия "Карты Дзено" могла в те времена быть больше нынешней, потому что из-за вулканических извержений в XIV веке под воду ушли целые области. По словам Хоббса, братья Дзено создали точную магнитную карту Гренландии и показали себя честными, заслуживающими доверия исследователями, намного опередившими свое время.

КОРАБЛИ И ПРИБОРЫ

Искусство навигации и кораблестроения в XIV веке претерпело существенные изменения. Искусство судовождения по окруженному землей Средиземному морю требовалось приспособить для путешествий по Атлантическому океану. К началу века венецианские моряки уже располагали мореходным компасом и лоциями, основанными на предположительных оценках расстояний, навигационными картами, песочными часами и таблицами для вычисления расстояния в море, на смену которой пришла современная таблица траверсов. Плавание по Средиземному морю представляло собой систему счисления пути, основанную на математике. Отсутствие приливов, глубоких впадин и крутых береговых линий делало такой метод надежным. Однако он не подходил для Атлантики, где очень важным было знание приливов и отливов, а изменения магнитного склонения на компасном пеленге не имели большого значения в долгих океанских путешествиях, в частности, на запад, в полярные широты.

Самое раннее упоминание о морском компасе относится к XII веку, когда Александр Некхем, английский монах и преподаватель Парижского университета, описал, как моряки используют вращающуюся намагниченную стрелку для определения истинного севера, когда тучи закрывают солнце и звезды. Карта с делениями, прикрепленная к намагниченной стрелке, установленной на шпильке и заключенной в деревянный ящик, появилась в Средиземноморье и в Китае одновременно. Использование компаса дало возможность венецианцам увеличить частоту торговых путешествий в Северной Атлантике до двух челночных рейсов в год без необходимости зимовать в портах Англии и Фландрии.

В этом же веке совершенствование карт храмовническими, итальянскими и португальскими штурманами впервые дало морякам шкалу, основанную на компасных пеленгах. Хотя она была пригодна лишь для Средиземного моря, ее изобретение явилось поворотным пунктом в истории картографии. Используемая с ранней таблицей траверсов, именуемой *toleta de marteloio*, эта система счисления пути позволяла совершать долгие океанские путешествия. Принесенная венецианцами в северные воды во время торговых рейсов, эта техника дополнила практику моряков Северного моря, зависевших от знания местных приливов и глубин. Норвежские и шотландские моряки

упрочили свое положение на континентальном шельфе, поскольку знали глубины и характер дна. А, уходя в долгое плавание через океан к Гренландии и дальше на запад, они брали с собой только компас: направления, сохранившиеся от прежних путешествий, и истолкование течений и полета птиц помогали им прокладывать курс под облачным небом.

Новая средиземноморская техника судовождения сделала возможным исследование Северной Атлантики, как и южная практика судостроения, в частности, на венецианском Арсенале, самой крупной верфи Средневековья. Хотя Венеция использовала для военных операций главным образом гребные галеры с дополнительными парусами, ее торговый флот имел латинское парусное вооружение с треугольными парусами арабских *day*. Это позволяло судну идти круто к ветру. В XIV веке норвежские торговые *кнорры*, прочные, с прямым парусным вооружением, стали ставить треугольные паруса на бизань-мачты, чтобы увеличить свои возможности.

Перемены происходили также в управлении и конструкции. Северные корабли управлялись боковыми рулем и строились с обшивкой внахлест. Однако кормовой руль изображен уже на немецких городских печатях XIII века и на английских ноблях, золотых монетах, отчеканенных в 1344 году королем Эдвардом Третьим. Нос и корма торговых судов были превращены в маленькие деревянные башни. А южная техника судостроения с обшивкой вгладь позволила строить более крупные суда, что изменило практику мореплавания на Севере. В парусном вооружении появились брасы, топенанты, булины и шкоты. В средневековой песне из "Морского путешествия пилигрима" пелось:

Тащи булинь! Шкот выбирай!
Кок, сегодня мы пост нарушим:
Наш пилигрим отправился в рай,
Прими, Господь, его душу!

Самым значительным заимствованием северных моряков из Средиземноморья была установка пушки. Греческий огонь применялся в морских сражениях с античных времен. К середине XIV века высокие бревенчатые башенки на носу и на корме стали платформами для лучников, имевшими решающее значение в морских боях, таких,

как при Слейсе, где англичане одержали победу над французами. Однако применение маленьких пушек с окованными обручами стволами, сделанными из сварных железных прутьев, называвшихся петриерами, так как они стреляли каменными ядрами, привело к победе венецианцев над генуэзской армадой при Кьодже и господству на Средиземном море в конце XIV века. Командовал венецианцами в этом сражении Карло Дзено, и его братья перенесут средиземноморское мастерство мореплавания и кораблестроения вместе с новыми пушками на Оркнейские и Шетландские острова. Они предоставят принцу Генри Сент-Клеру технику и оружие для того, чтобы он мог стать в Северной Атлантике морской силой, способной основать колонию в неведомых землях по ту сторону западного океана.

АТЛАНТИДА, АРКАДИЯ И НОВЫЙ СВЕТ

В Средние века стремление обрести за океанами или горами край мира, покоя и радости, или земной рай, сделало открытие Нового света мечтой и крестовым походом. За путешествиями исследователей, теориями философов и поэтов крылось желание найти Земной Рай. В цивилизованных землях обществ надежда на золотой век для простых людей была почти столь же сильна, как страх перед нашествиями жестоких варваров.

Неизвестное способно внушать как надежду, так и страх. Платон намеренно придумал мифическую Атлантиду как зеркало пороков греческого общества. Представление об идеальном государстве из диалога "Государство" было перенесено в "Тимее" и "Критии" на затонувший остров Атлантиду с ее идеальным правительством, удобными каналами и превосходной системой водоснабжения. Его описание Атлантиды всегда скорее разжигало мечту о сказочной стране, чем служило описанием общества. Под стать ему была и мечта об Аркадии, пастушеском, вечно зеленом и золотом рае. И о Елисейских полях на крайнем западе земного круга, "где ни метелей, ни хладов зимы не бывает". Лукиан впоследствии добавил туда изобилие вин, медов, музыки и благовоний, сделав этот край более подходящим для гедонистов, чем для героев.

За мечтой о достижимом Рае стоит еще одна традиция — рассказы путешественников. Когда все дороги были опасными, а чужеземцы редкими, открывался широкий простор для расцветивания фактов. В

средневековой Европе почти не делали различия между легендой и географией, между преувеличением и этнографией, между мифом и фактом. Через тридцать лет после открытия Нового Света Кортесу могли поручить искать в Мексике странных людей с плоскими ушами или с песьими головами. Считалось, что в Новом Свете можно найти и Эдем, и Эльдorado, а океан, отделявший его от Европы, назвали в честь мечты Платона об Атлантиде.

В Средние века считалось, что Рай, или Атлантида, или Аркадия, или Остров Гесперид существует по ту сторону западного океана. Им был остров Авалон из легенды о короле Артуре: даже во время правления Елизаветы Первой Английской ее математик, алхимик и астролог Джон Ди хотел, чтобы она объявила новооткрытые земли Северной Америки заселенными колонистами, которых отправил туда из Шотландии более тысячи лет назад король Артур. Ирландские и шотландские легенды о святом Брендане, мифы Уэльса и португальской предыстории описывали путешествия на запад в западный рай под названием Ги-Бразил, а испанские и итальянские легенды повествовали о западном острове Анталия. На латыни Шетландские и Оркнейские острова назывались "Orchades" или "Orchadia", весьма напоминая название Аркадии.

Таковы были средневековые представления о неведомом острове или стране по ту сторону западного океана, знакомые молодому Генри Сент-Клеру, который впоследствии стал графом Оркнейским и возглавил экспедицию в новый западный мир. Он унаследовал плоды античного и средневекового воображения. Генри Сент-Клер говорил и читал по-латыни, бывал на Ближнем Востоке, у него были связи с храмовниками, норвежские и кельтские корни. Из этих различных влияний он почерпнул силу и вдохновение попытаться достичь своих Атлантиды и Аркадии из Орхадии, находившейся под его властью.

10. ГРАФ И ПРИНЦ ОРКНЕЙСКИЙ

Черная смерть пощадила будущего принца Генри Сент-Клера, когда он был ребенком в Росслинском замке. Он был благодарен за это находившемуся поблизости целебному источнику святой Екатерины, небесной покровительнице семейства. Источник природного битума, выделявшегося из отложений горючего сланца, считался чудотворным. Считалось что, он возник после того, как святая Маргарита Шотландская или ее кравчий из рода Сент-Клеров уронили на землю каплю драгоценного елея, выступавшего на мощах святой Екатерины, привезенных из ее гробницы на Синае. "Как только святая Маргарита увидела маслянистую каплю, упавшую из ее руки божественным чудом, — писал Беллендон в своем переводе трактата Гектора Бойса с латинского на шотландский, — она велела выстроить на этом месте большую часовню в честь святой Екатерины. Эта маслянистая капля обладала необычайной целебной силой". Крестоносцы унесли из монастыря, посвященного святой Екатерине, почти все ее мощи, оставив там только череп и кисть руки. Этот храм имел такое большое значение, что на средневековых портоланах он изображался такой же величины, как Иерусалим и Александрия.

Однако, если эта целебная капля сберегла жизнь наследника Росслина, черная смерть унесла треть населения Шотландии, сократившегося до двухсот тысяч душ. А когда Генри Сент-Клеру было всего тринадцать лет, отец его отплыл из залива Ферт-оф-Форт с новым флотом и отрядом шотландских воинов сражаться вместе с тевтонскими рыцарями в крестовом походе ради расширения их прусской империи за счет территории языческой Литвы. Богатства и мастерство кораблевождения беглых храмовников перешли к росслинским Сент-Клерам, кроме того получившим после победы при Баннокберне большие земельные пожалования от Роберта Брюса. В Германии храмовники вошли в состав Тевтонского ордена, а росслинские Сент-Клеры уже давно вели торговлю шерстью в обмен на балтийский лес через Мелроузское, Ньюбэттлское и Калросское

аббатства. Если старый союз и торговые интересы побудили шотландских рыцарей отправиться в очередной крестовый поход на восток, они должны были отработать свою долю выкупа за короля Давида Второго, находившегося в плену у англичан, и возместить убытки в сто тысяч марок. В 1358 году отец Генри Сент-Клера был убит в лесной засаде на пути в Россию, и сын вступил в права наследования.

Он имел право претендовать на титул графа Оркнейского. Его мать Изабелла была дочерью Мализа Второго Оркнейского, Кейтнесского и Стратернского, на этот титул претендовали и ее дети от предыдущего брака, главным образом шведский аристократ Эрнгисли Сунессон, и двоюродные братья Генри Сент-Клера, Александр де Ард и Мализ Спарре. Пока Генри был еще ребенком, Сунессон объявил себя графом Оркнейским, этот титул подтвердил Магнус Второй, король Швеции и регент Норвегии, обладавший властью над Северными островами. После участия в заговоре против королевской семьи Сунессон был лишен этого титула. Тут вмешался Александр де Ард и присвоил графство Оркнейское, поскольку законный наследник титула, Генри Сент-Клер, был еще несовершеннолетним: он предъявит претензию на него, как только войдет в зрелый возраст.

Такая возможность появилась в 1363 году, когда ему исполнилось восемнадцать. Хакон Шестой стал королем Норвегии и Швеции. Он женился в Копенгагене на принцессе Маргрете, дочери датского короля Вальдемара. Благодаря родственным связям с норвежцами Генри Сент-Клер был посвящен в рыцари и поехал на свадьбу Хакона послом Шотландии. На свадьбе присутствовало большинство высшей скандинавской знати. Хотя невесте было всего десять лет, она стала правительницей всех трех королевств — Дании, Норвегии и Швеции.

В Копенгагене было признано право сэра Генри Сент-Клера на оркнейские земли, завещанные ему графом Мализом, однако норвежский король не присвоил ему титул графа. Генри сперва пришлось доказать, что он может представлять королевскую власть на Оркнеях и быть верным слугой норвежского короля, которому не хотелось иметь очень сильного подданного или мятежника на Северных островах. Епископ Оркнейский и Шетландский Вильям присваивал королевские доходы. Томас, дядя сэра Генри Сент-Клера, был отправлен туда на должность бальи для сбора денег в королевскую

казну. Сообщалось, что, будучи в Копенгагене, сэр Генри Сент-Клер заключил брак с дочерью короля Магнуса, принцессой Флорентией; но если и так, она скончалась в раннем возрасте, возможно, не достигнув зрелости, и детей у нее не было.

По возвращении в Шотландию сэр Генри Сент-Клер женился на Дженетте Холибертон, дочери владельца Дерлтонского замка, находившегося в двадцати милях от Рослина. Она родила ему четверых сыновей и девять дочерей. По отзывам современников, эта пара была самой красивой в округе, — возможно, за исключением двоюродной сестры Генри Маргарет Стюарт, находившейся под опекой первого графа Дугласа, жившего в приморской крепости на мысе Танталлон, а потом ставшей его любовницей. Вместе с замком Пилигрим крепость послужила образцом для приморских крепостей Генри на Оркнейских и Шетландских островах.

Дуглас обращался к двоюродному брату любовницы пренебрежительно и называл его Генри Праведный. Дело в том, что Генри стал крестоносцем, следуя примеру отца и предков-храмовников. Он отправился с другими шотландскими рыцарями в крестовый поход Негра Первого Лузиньяна, кипрского короля. В 1365 году он остановился в Венеции после посещения нормандских родственников по нуги на юг через Францию. Он вполне мог познакомиться с Карло Дзено и его братьями во время формирования флота крестоносцев или на Ближнем Востоке. В биографии Карло Дзено, написанной его внуком Джакомо, епископом Падуи, говорилось, что Карло познакомился с шотландским принцем во время паломничества в Иерусалим и помогал кипрскому королю в его войнах. Сэр Генри Сент-Клер должен был видеть в Венеции окруженный крепостными стенами Арсенал, обратить внимание на латинские паруса торговых судов и первые пушки на военных галерах, на которых он отплыл с другими шотландскими рыцарями на штурм Александрии.

Достигнув Египта, крестоносцы захватили и разграбили Александрию. Однако удержать город не смогли и были вынуждены уйти с добычей, сэр Генри Сент-Клер отправился в Святую Землю, занятую мусульманскими войсками. Побывал в Акре и в Иерусалиме с охранной грамотой для паломников, о выдаче которых ранее заключил договор император Священной Римской империи Фридрих Второй.

Из-за этого паломничества он получил по возвращении в Шотландию прозвище "Генри Праведный".

Теперь он обрел влияние при дворе. Занимал много государственных постов, в том числе верховного судьи Шотландии и адмирала морей. Королевой Шотландии была Юфимия Росс, его двоюродная бабушка, вышедшая замуж за нового короля, Роберта Стюарта, основателя этой династии. Это близкое родство с шотландским тронном беспокоило норвежского короля, он лишил Сент-Клера должности балья и назначил им его соперника, сэра Генри Александра де Арда, правителем Оркнейских островов. Норвежцы придерживались римского принципа "разделяй и властвуй". Де Ард пробыл на должности правителя всего год, и в 1379 году норвежский король назначил сэра Генри Сент-Клера графом Оркнейским, выставив жесткие условия. Ему пришлось согласиться на условия жалованной грамоты:

*Служить королю Норвегии с сотней вооруженных людей,
Защищать Оркнейские острова всеми возможными способами,
Помогать королю Норвегии в его войнах,
Не строить на Оркнейских островах замков без разрешения
короля,
Охранять права жителей островов,
Не продавать и не отдавать в залог ни один из островов,
Принимать короля или его людей в любом путешествии на
острова,
Не объявлять войны, которая могла бы нанести вред островам,
Лично отвечать за любой ущерб, причиненный жителю островов.
Являться по вызову короля и давать ему советы,
Не нарушать мира с королем,
Не заключать договоров с епископом Оркнейским,
Не передавать сыну по наследству титул графа, если этого
титула не пожалует король Норвегии,
Выплатить за титул 1000 золотых ноблей.*

В других статьях подтверждалось, что его родственники Мализ Спарре и сэр Александр де Ард отказываются от притязаний на графство и останутся заложниками в Норвегии. Указывалось, что для утверждения пожалованного Генри титула графа Оркнейского потребуется согласие могущественных шотландских аристократов. Что

не будут затронуты никакие земли и права короля Норвегии на Оркнейских островах. Нарушение любого из пунктов жалованной грамоты приводило к утрате графского титула.

Жесткие условия жалованной грамоты утверждали нового графа Оркнейского вассалом норвежского короля. Кроме того, ему пришлось подписать обязательство выплачивать королевскому бальиу в Керкуолле по сто ноблей в Троицын и в Мартынов дни. Это обстоятельство вынудило сэра Генри Сент-Клера лично поехать на Оркнейские острова и утвердить там свою власть наперекор всем соперникам, особенно епископу Оркнейскому. Ему потребовалось построить флот и набрать людей для того, чтобы контролировать сто семьдесят Оркнейских и Шетландских островов, где он, в сущности, будет норвежским принцем.

"Он обрел большую власть, чем кто-либо из его предков, — писал священник Хэй. — У него было право чеканить монету в своих владениях, издавать законы, прощать преступления; перед ним, куда бы он ни шел, несли почетный меч; у него была корона, он надевал ее, когда вводил в силу законы, словом, не подчинялся никому, кроме владельца этих земель, короля Дании, Швеции и Норвегии... Там он считался вторым лицом после короля". На гербе его находилось морское чудовище или дракон, напоминающего нос корабля викингов, а над зубчатым крестом, символом хранителей Холируда, находилась графская корона. Теперь он стал воистину принцем.

Генри Сент-Клер унаследовал значительные богатства, чтобы утвердить свои права и стать морским владыкой север. В реестре Большой печати Шотландии значатся земельные пожалования Брюса и Стюарта Генри Сент-Клеру, "нашему избранному защитнику, верному нам", попечителю наследника престола. Кроме того, он получил немало земель и денег храмовников из их штаб-квартиры в Балантродохе, неподалеку от Росслина. Его власть и положение, как потом и у его сына, были значительными. "У него в доме всегда находилось триста всадников, — писал священник Хэй, — а у его принцессы пятьдесят пять фрейлин, в том числе тридцать пять дворянок. Еду перед тем, как подать ему, пробовали. Когда он приезжал на Оркнеи, его встречали триста человек в красных мантиях и плащах из черного бархата".

Он почти не ездил в новые владения. Норвежско-норманнско-шотландское семейство, носившее имя Мор или Морей, сменило его на Сент-Клер в X веке на границах Нормандии. Как пишет современный специалист по истории Оркнейских островов:

"Основание Оркнейского графства явилось частью процесса заселения Северных островов норвежскими викингами в IX веке. Хотя то, каким образом могущественное семейство Моров утвердилось на этих островах, покрыто дымкой легенды, нет никакого сомнения, что в последние десятилетия IX века оно добилось власти на острове и носило графский титул в силу своего положения. Последующие саги наводят на мысль, что оно получило это графство и титул от норвежского короля; но основная мысль, проходящая через историю Оркнейского графства, заключается в теоретическом суверенитете над островами норвежских королей и в независимости, которой обычно обладали графы".

Короли Норвегии во все большей степени пытались трактовать титул графа Оркнейского как королевское назначение, получаемое по соизволению короны. Дипломатические старания а побудили короля Хакона Шестого наделить его этим титулом. Генри Сент-Клер определенно имел наследственные права на этот сан, не только через мать, но и через предков-Моров. Многие из его родственников уже были на этих островах значительными людьми. Однако ему пришлось повторить уступку шотландской короне, уже сделанную четыре года назад родственником Александром де Ардом — отдать ей графство Кейтнесс, прежде связанное с графством Оркнейским.

Такая уступка позволяла королю Шотландии признать то, что граф Сент-Клер получил Оркнейское графство как вассал норвежского короля. Однако новые короли из рода Стюартов не стали мириться с тем, что один из их подданных является одновременно подданным другой суверенной державы. Северные острова должны были принадлежать Шотландии. Однако добиться этого удалось нескоро.

Помимо утверждения своей власти на Оркнейских и Шетландских островах принцу Генри Сент-Клеру приходилось отстаивать свои шотландские владения, теперь простиравшиеся от Росслина до Дизарта в графстве Файф и Ньюберга в Абердиншире. Он знал: короли из рода Стюартов считают, что он разделяет верность между родной страной и норвежским королевством. Генри склонил своих детей

заклучить три брака с членами королевской семьи: его старший сын и наследник Генри женился на Эгидии Дуглас, внучке короля Роберта Второго; дочь Элизабет вышла замуж за сэра Джона Драммонда, брата жены наследника трона Шотландии; второй сын женился на принцессе Ингеборг, младшей дочери датского короля Вальдемара; в молодости принц Генри присутствовал на свадьбе его старшей дочери, вышедшей замуж за короля Хакона Шестого. Он также добился от короля Роберта официального отказа от всех прав на Оркнейские острова и признания пожалования королем Хаконем графства "нашему любимому родственнику Генри Оркадскому".

Первой необходимостью для нового графа Оркнейского была надежная база для его рыцарей и флота. Он видел Арсенал в Венеции, замок Пилигрим и прибрежную крепость храмовников в Акре, знал замок Дугласа на мысе Танталлон, где громадная стена закрывала каменистый мыс, позволяя кораблям укрываться в защищенной гавани под утесами. Хотя его жалованная грамота запрещала ему строить замки, он приступил к строительству, призвав каменщиков из Лотнана, уже сложивших толстые кирпичные стены Росслинского замка. Ему угрожал епископ Оркнейский, живший в укрепленном дворце, и он не мог утверждать власть норвежского короля без крепости. Собственно говоря, король Хакон скончался в 1380 году, и на смену ему пришел король Олаф, Генри в это время строил на месте старой норвежской крепости в Керкуэлле монументальную цитадель, которая представляла собой укрытие для вытасненных на сушу кораблей. Стены из тесаного камня были такими толстыми, что два столетия спустя один из тех, кто осаждал эту крепость с пушками, утверждал, что "сей дом построен не без помощи дьявола: это самая неприступная крепость в Британии — равных ей нет".

Когда крепость была построена, принц Генри захотел разобраться с вздорным прелатом, епископом Вильямом Оркнейским, его дворец находился на холме над собором святого Магнуса, в четверти мили от крепости. Но проблему сняли жители Керкуолла, которые убили епископа за то, что он притеснял их. Отвергнутый претендент Мализ Спарре в 1387 году отказался от притязаний на графство Оркнейское, пообещав "возместить, оплатить и удовлетворить" весь ущерб, причиненный принцу Генри, но тот все-таки убил его во время очередного нападения на Оркнейские острова.

Смерть короля Олафа после недолгого правления подтвердила статус принца Генри как "второго человека после короля". Как граф Оркнейский, он был электором трех королевств — Норвегии, Швеции и Дании. И потому поплыл через Северное море, чтобы поддержать мать короля Олафа, принцессу Маргрете, на свадьбе которой присутствовал в Копенгагене, как королеву Норвегии, Швеции и королеву-регентшу Дании. Она выбрала себе в наследники пятилетнего внучатого племянника, Эрика Померанского, и сохраняла власть до его совершеннолетия. Из-за отъезда в Скандинавию принц Генри не участвовал в битве при Оттерберне против англичан, но заключенный в 1389 году мир между Англией и давними союзниками, Шотландией и Францией, позволил ему помышлять о распространении власти на Фарерские и Шетландские острова, за что в церкви святого Магнуса в Тингуолле согласился платить ренту бальи короля Норвегии под страхом лишиться ренты с двух островов возле Керкуолла. Очевидно, он весьма успешно утверждал королевскую власть на Оркнейских островах, и теперь он собирался сделать то же самое на соседней цепочке северных островов.

Но прежде, чем он смог приступить к усмирению этих островитян, которые возмущались платой церковной десятины почти так же сильно, как налогами королю, принцу Генри пришлось засвидетельствовать в Сконском аббатстве свое почтение новому королю Роберту Третьему Принца воистину можно назвать связующим звеном между всеми народами Севера, родичем и доверенным лицом правящих семейств четырех стран. Исполнив долг, принц Генри собрал флот из тринадцати судов и отплыл на северные Оркнейские острова. И в этом путешествии, по плану или случайно, возобновил отношения с теми моряками, которыми восхищался больше всего — венецианскими.

11. ПУТЕШЕСТВИЕ ДЗЕНО

В раннем детстве Николо Дзено, играя во дворце дедушки в Канареджо, изорвал большую часть книги, написанной на Шетландских островах, карт и писем, отправленных оттуда в Венецию. Оставшуюся часть их он опубликует впоследствии как "Книгу и Карту Дзено". Впоследствии он очень сожалел об этой детской шалости, приведшей к частичной утрате записей его предка, мореплавателя Антонио Дзено.

"Все эти письма написал сеньор Антонио Дзено своему брату сеньору Карло. Мне очень жаль, что книга и многие другие записи, касающиеся этих предметов, оказались уничтоженными. Я был еще совсем малышом, когда они случайно попали мне в руки, и, не зная, что они представляют собой, я бездумно изорвал их в клочки. Теперь вспоминаю об этом поступке с глубочайшей горечью. Однако чтобы эти важные воспоминания не были утрачены, я по мере возможности привел их в порядок в этой Книге. Нынешний век более чем предыдущие может порадоваться великим открытиям, совершенным там, где их меньше всего можно было ожидать. Для нашего века характерен большой интерес к новым сведениям и открытиям, совершенным в неведомых ранее странах благодаря высокому мужеству и бурной энергии наших предков".

"Книга" начинается с генеалогии и описания мужества и энергии представителей рода Дзено. В ней восхваляется Карло Дзено, спасший Венецию в битве при Кьоджо. Нго брат Николо, богатый человек, захотел повидать мир, чтобы послужить чтим своей стране и снискать доброе имя и славу. Снарядив свой корабль, он вышел в 1390 году из Гибралтарского пролива и взял курс на Англию, куда шесть лет спустя Карло будет отправлен послом. Попав в сильный шторм, он потерпел крушение на Фрисланде, очевидно, это остров Фер между Оркнейскими и Шетландскими островами или один из Фарерских островов. Местные жители хотели убить его и членов команды, спасавших грузы с судна, когда появился местный принц со своими людьми:

"Он прогнал туземцев и спросил у наших людей по-латыни, кто они и откуда. Узнав, что из Италии, очень обрадовался. Пообещав, что их не возьмут в плен, и заверив в таи, что они оказались в таком месте, где их ждет любезная встреча, принц взял их под свое покровительство и дал слово чести, что они находятся в безопасности".

Принц Генри Сент-Клер располагал флотом из тринадцати судов — "лишь два из них были гребными, прочие оказались маленькими барками, а одно представляло собой корабль". Он утвердил свою власть на Оркнейских островах и хотел распространить ее на Шетландские и Фарерские, куда и повез своих венецианцев. Хотя в "Книге Дзено" он именуется Дзихмни, и написание названий большинства мест искажено, принц Генри был в тех местах единственным принцем, располагавшим военным флотом. О последовавших забытых с тех пор боях на Фарерских и Шетландских островах не могли бы узнать в Венеции без писем Николо Дзено домой о трудностях и возможностях торговли; он попросил брата Антонио купить новое судно и отправиться к нему в северные моря. "Поскольку Антонио не меньше брата хотел повидать мир, разные народы и прославить свое имя, он купил судно и взял курс на север. После долгого путешествия, испытав многочисленные опасности, он, наконец, встретился с сеньором Николо и был радостно принят как брат не только по крови, но и по мужеству".

Это правдоподобное повествование вызывает один вопрос — о мотивах путешествия братьев Дзено на север. Их потомок Николо Дзено, опубликовавший записки, возможно, не знал мотивов, либо уничтожил информацию, скрывая тайны государственной политики Венеции. Вполне очевидно, что братья Дзено пустились в плавание не столько ради приключений или славы, сколько с целью лучше послужить своему государству. Они хотели открыть прямой доступ к важной торговле рыбой и мехами, смолой и древесиной Севера, преодолевая засилье Ганзейской лиги, располагавшей двумя факториями на Оркнейских и Шетландских островах. Возможно, они слышали о новом властителе северных морей, принце Генри Сент-Клере, владевшем богатством храмовников и их мастерством мореходства, так как у семейства Дзено были связи с христианскими военными орденами, хотевшими создать империю в Средиземноморье

и в Пруссии. Теперь они поведут флот принца Генри в исследовательские и колониальные экспедиции через западный океан.

ПУТЕШЕСТВИЯ НА ЗАПАД

Когда Николо Дзено пригласил брата приплыть к нему на Оркнейские острова на венецианском судне, Антонио пришлось самому покупать и снаряжать корабль, так как торговые рейсы из Венеции в Северную Атлантику совершались всего два раза в год. Поэтому Антонио получил письмо брата лишь через год после его встречи с принцем Генри Сент-Клером. Отплыл он к Шетландским островам только весной 1392 года, и присоединившись к брату, помог Николо в походе на Шетландские острова; там их корабли разметал шторм, и они вынуждены были укрыться на Оркнейских, а потом заново начать нападение. Они захватили семь маленьких островов и стали строить крепость на острове Бресси. Принц Генри отправился с миссией в лондонские верфи под охранной грамотой, которую выдал в ему король Англии Ричард Второй. Взяв с собой команду из двадцати четырех человек, он подготовил три корабля и отплыл с ними обратно на север. Николо Дзено остался на Бресси удерживать Шетландские острова для шотландского принца, Антонио отплыл с остальным флотом к другой приморской крепости Сент-Клера в Керкуолле на Оркнейских островах, где они провели два года.

В "Книге Дзено" говорится, что Николо отплыл к Гренландии "на следующий сезон", в 1393 году, "с целью открытия новых земель", существовала политическая причина для этого путешествия: оно превратилось в съемку берегов и разведку для последующей колониальной экспедиции на запад. В то время у власти находились два папы, один в Авиньоне, а другой в Риме, причем принц Генри Сент-Клер поддерживал римского, возможно, следуя указу норвежского короля. В 1392 году епископ оркнейский Генрих был подчинен архиепископу Трондхеймскому под нажимом принца Генри, который хотел избавиться от этого церковника-соперника и склонил папу в Риме поменять местами оркнейского и гренландского епископов. На следующий год епископ Генрих отплыл на Гренландию, скорее всего на "трех маленьких барках", которые Николо Дзено снарядил для путешествия туда.

Разумеется, первым портом захода на Гренландии стал знаменитый монастырь Братьев-проповедников (доминиканцев), которые использовали горячие источники для обогрева жилища, стряпни и даже выращивания зимой овощей в теплице. Позднейшим критикам "Книги Дзено" эти сообщения казались вымыслом, однако современные ученые обнаружили действующие вулканы и горячие источники в бухте Гаэл Хамке на восточном берегу Гренландии возле развалин монастыря святого Олафа, в "Книге" ошибочно названного "Сан-Томазо". Обычно здесь приставали к берегу торговые суда из Трондхейма, вывозившие оттуда в Норвегию рыбу и меха. Существование раннего монастыря августинцев, располагавшего невиданным по тем временам центральным отоплением, подтверждал в 1349 году гренландец Ивар Бардсен, экономом епископа Гренландии, обитавшего в Гардаре на западном берегу. Он также писал о горячих источниках на соседнем острове, располагавшемся во фьорде Унарток, которые использовались для стирки и лечения больных, и об источниках, находившихся возле бенедиктинского женского монастыря в другом фьорде. Сохранившиеся развалины средневековой церкви в Какортоке также подкрепляют сведения "Книги Дзено", так как ее каменная архитектура со сложенным из клиновидных камней арочным окном очень похожа на архитектуру церкви на Оркнейских островах и загадочной Ньюпортской башни в Род-Айленде.

Путешествие епископа Оркнейского в свою новую епархию позволило Николо Дзено провести съемку восточного берега Гренландии, обогнуть ее южный мыс и плыть к Гардару на западном побережье. Возможно, он получил в свое распоряжение карты и указания норвежских рыбаков, а также воспользовался помощью монахов-августинцев. Он вернулся из Гардара в следующем году с превосходной съемкой восточного побережья и части западного. Кроме того, привез епископа Гренландского Иоанна на Оркнейские острова. Мы знаем об обмене мест служения этих епископов из Гренландского архива, до сих пор хранящегося в Ватиканской библиотеке, а о съемке, проведенной Николо Дзено, известно из "Книги Дзено" и *Discendenze Patrizie* Марко Барбаро. За двадцать два года до публикации "Книги" Барбаро поведал о путешествиях Дзено к островам у Северного полюса и о смерти Николо Дзено вскоре после возвращения на Оркнейские острова.

Здоровье старшего из капитанов Дзено подорвали холод и тяготы гренландской экспедиции. Он и его младший брат провели вместе на Оркнейских и Шетландских островах всего четыре года, и Антонио проведет там еще десять лет в одиночестве, если не считать времени, потраченного на собственные исследовательских экспедициях. Принц Генри Сент-Клер не хотел отпускать домой Антонио, которому пришлось стать после брата капитаном сент-клеровского флота. "Хотя Антонио всеми силами пытался по-всякому, просил и умолял, он так и не мог получить разрешения вернуться в свою страну". Поскольку принц Генри был "человеком в высшей степени отважным и предприимчивым", он теперь хотел стать "владыкой моря".

Тем временем на Оркнейские острова пришло новое свидетельство о цивилизации по ту сторону западного океана. Местный рыбак вернулся домой с рассказом отнюдь не вымышленным, как большинство рыбацких рассказов. Антонио Дзено писал об этом домой брату Карло:

"Двадцать шесть лет назад в море вышли четыре рыбацких судна и попали в сильный шторм. Много дней их, совершенно беспомощных, носило по морю. Когда буря наконец утихла, они обнаружили остров, называемый Эстотиланд, лежащий более чем в тысяче миль к западу от Фрисланда. Одно из судов разбилось, шестерых бывших на нем людей схватили местные жители и привели в красивый, многолюдный город. Король острова послал за переводчиками. Не находилось такого, кто понимал бы язык рыбаков, лишь один человек, тоже случайно заброшенный на этот остров, говорил по-латыни. Он спросил их от имени короля, кто они и откуда; когда рыбаки ответили, король решил оставить их в этой стране. Рыбакам оставалось только повиноваться, и они провели на острове пять лет и выучили местный язык. Один из них побывал в разных частях острова и говорил, что это очень богатая страна, изобилующая всем необходимым. Она немного меньше Исландии, но земля там более плодородна. Посередине острова очень высокая гора, от нее берут исток четыре реки, снабжающие водой всю страну.

Обитатели острова очень умны, владеют всеми нашими ремеслами. Очевидно, они в прошлом имели дела с нашими людьми; этот человек говорил, что видел в королевской библиотеке книги на латыни, которой они не понимают. У них свой язык и письменность.

Есть всевозможные металлы, особенно много золота. Они ведут торговлю с Энгронеландом, отправляют туда меха, серу и смолу. Он говорил, что южнее находится большая и многолюдная страна, очень богатая золотом. Жители сеют зерно и варят пиво, этот напиток северяне пьют, как мы вино. У них большие леса. Там много городов и деревень. Они делают небольшие суда и плавают на них, но у них нет магнита, и они не могут определять стороны света по стрелке компаса.

Поэтому тех рыбаков там высоко оценили, король отправил их на двенадцати судах на юг, к стране, которая называется у них Дроджо. В пути дули встречные ветра, и они опасались за свою жизнь, но хотя избежали одной горькой смерти, встретили другую, более жестокую. Рыбаков захватили дикари-каннибалы, считавшие человеческую плоть лакомым мясом, и большинство из них оказалось съедено.

Однако поскольку наш рыбак и его уцелевшие товарищи смогли научить дикарей ловить рыбу сетями, их пощадили. Он ежедневно выходил на лов в море и в пресную воду, ловил много рыбы и отдавал ее вождю. Таким образом он заслужил благоволение, все его чтили и уважали.

Когда слава этого человека стала известна окружающим племенам, соседний вождь очень захотел увидеть этот чудесный способ ловли рыбы. Поэтому начал войну с тем вождем, который удерживал рыбака, и поскольку был более могущественным и лучшим воином, в конце концов одержал победу. Таким образом, рыбак и его товарищи оказались у этого вождя. Он говорит, что прожил там тринадцать лет и побывал у двадцати пяти вождей. Вожди постоянно воевали друг с другом лишь из-за того, чтобы забрать к себе рыбака. Вынужденный перемещаться взад-вперед по этой стране, без постоянного дома, он ознакомился почти со всей той землей.

Рыбак говорит, что это очень большая страна, что это прямо-таки новый свет. Люди там очень простые и дикие, ходят голыми и сильно страдают от стужи. Им не хватает ума одеваться в шкуры животных, которых они убивают на охоте. Никаких металлов у них нет. Они живут охотой и носят деревянные копья, заостренные на конце. У них есть луки с тетивой из шкуры животных. Они очень свирепы, сражаются друг с другом насмерть и поедают плоть друг

друга. У них есть вожди и определенные законы, но у разных племен различные. Однако чем больше удаляешься на юго-запад, тем больше встречаешь культуры, потому что климат там более умеренный. Там есть города и храмы, посвященные их идолам, в храмах они приносят людей в жертву, затем поедают убитых. В этих местах у людей есть некоторые познания, и они пользуются золотом и серебром.

Прожив столько лет в тех краях, этот рыбак решил, если сможет, вернуться домой, в родную страну. Товарищи его отчаянно хотели возвратиться, но пожелали ему удачи и остались. Он попрощался с ними и бежал через лес в сторону Дроджо, в лесу был хорошо принят вождем, который знач его и был заклятым врагом соседнего вождя. Снова проходя через руки тех же вождей, долгое время спустя и с большими трудностями, он, наконец, достиг Дроджо и провел там три года. Здесь по счастью услышал от туземцев, что к берегу подошло несколько судов. Исполненный надежды совершить побег, он спустился к берегу, с радостью узнал, что суда пришли из Эстотиланда, и попросил моряков взять его с собой, что они сделали очень охотно. Он знал язык этой страны, и они использовали его как переводчика.

Потом этот рыбак торговал вместе с ними так успешно, что очень разбогател, снарядил собственное судно и вернулся на Фрисланд. Здесь он рассказал о богатых странах, которые повидал, этому аристократу (Сент-Клеру). Его моряки наслушались странных рассказов и полностью поверили тому, что услышали. Теперь этот аристократ решил отправить меня во главе флота в те края. Здесь столько людей хотят присоединиться к этой экспедиции ради новизны и необычности, что, думаю, будем отлично экипированы безо всяких государственных расходов".

Рассказ этого рыбака был не первым сообщением о цивилизации по ту сторону западного океана. Основываясь на редких рассказах моряков, которые были унесены штормом и смогли вернуться в Европу, ранние венецианские картографы наносили на картах остров в противоположной Европе части Атлантики, называя его "Антилла", в то время как португальцы давали ему имя "Бразил". Рыбаки, вернувшиеся на Фрисланд (Фарерские острова), рассказывали о жителях Эстотиланда (Новой Шотландии), умеющих планировать города, понимающих латинский язык и ведущих торговлю с

Энгронеландом (Гренландией). Здесь речь определенно шла о норвежском поселении в Маркланде, который помещали то на Ньюфаундленде, то на Лабрадоре, то в Новой Шотландии. В исландских хрониках говорится, что в 1347 году туда пришло судно из Маркланда, привезшее материалы для постройки судов, которых уже не было в Исландии (Исланде), где вырубали все леса, — в частности, деготь, полученный из сосновых пней. Странные буквы народа Эстотиланда вполне могли быть огамическим (древнеирландским) или руническим алфавитом, а в Новой Шотландии много золотоносных рек. В конце XIV века жители Маркланда вполне могли не знать компаса, а обычная изоляция колоний объясняет утрату способности читать латинские книги из королевской библиотеки.

Описание путешествия в Дроджо наводит на мысль о посещении Флориды или Карибских островов, где их обитатели были каннибалами, и высадке на берегах Мексики, где майя и другие народы продолжали сопротивляться расширению ацтекской империи. У ацтеков были города и храмы, в которых совершались человеческие жертвоприношения идолам. Возвращение рыбака на одном из норвежских торговых судов с берегов Дроджо предполагает существование более тесных контактов между утраченной колонией в Маркланде, Флоридой и Карибскими островами, чем это нашло отражение в хрониках, и помогает объяснить, почему изображения кактуса алоэ было вырезано в камне в Росслинской часовне в доколумбовы времена.

Этот рыбак спас свою жизнь, научив американских индейцев ловить рыбу сетью, а не бить острогой. В Нантакете все еще существует легенда о прибытии кораблей, сражении и взятии четырех пленников, один из которых научил индейцев ловить рыбу сетями и использовать рыбную муку как удобрение. На Шетландских островах широко применялись большие сети и морские удобрения, растительные волокна для изготовления веревок были доступны в Новой Англии и на Карибских островах. Рассказ рыбака предполагает путешествие в норвежскую колонию в Восточной Канаде и на юг — в Мексику. Разумеется, его выражение "прямо-таки *новый свет*", характеризующее Америку и ее население, оказалось первым случаем применения этого термина. Он привез на Оркнейские и Шетландские

острова описание Нового Света, куда принц Генри твердо решил отправиться со своим новым флотом и капитан ом-венецианцем.

За три дня до отправления экспедиции к Эстотиланду в мае 1389 года этот рыбак и проводник скончался. Принц Генри Сент-Клер не стал отказываться от своего предприятия и взял на службу нескольких матросов, прибывших с запада вместе с рыбаком. Держа курс на северо-запад мимо Шетландских островов, которые теперь были подвластны принцу Генри, флот остановился у Фарерского острова Малый Дуймун для отдыха и погрузки на борт воды и съестных припасов. Тут в тексте "Книги Дзено" имеет место путаница с предыдущим разведывательным посещением островов Сент-Кильды и Керри в Ирландии, ошибочно названной Икарией. Это очевидно, потому что "Книга" повествует о прибытии к враждебной Икарии в июле, хотя Эстотиланда она должна была достичь в июне. На самом деле флот отплыл с Фарерских островов прямо на запад, и первые восемь дней плавания его трепало штормом. Суда перегруппировались и продолжали плыть десять дней на запад и юго-запад при попутном ветре. Это привело их к Новому Свету, который они искали. "Несколько матросов поплыли на шлюпке к берегу и вскоре вернулись с радостной вестью, что обнаружили замечательную местность и еще лучшую гавань. Мы подплыли к земле, вошли в превосходную гавань и увидели вдали большую гору; над ней поднимался дым".

Эстотиланд, где высадилась шотландская экспедиция, надежно отождествляется с канадской провинцией Новая Скотия или Шотландия. В "Книге Дзено" указываются определенные характерные черты: дым над горой, исходивший от большого огня у ее подножья; источник, изливавший в море похожую на смолу жидкость; множество невысоких и робких туземцев, живших в пещерах. Геологи обнаружили выход нефти у прибрежных рудников в Стеллартоне, Новая Шотландия, в местечке, которое теперь носит название Асфальт; Угольный ручей несет грязную воду в море, в гавань Пикту. В окрестностях Стеллартона в XIX веке постоянно происходили пожары в подземных угольных пластах, и от подножий холмов поднимался дым. Индейцы местных племен микмак были низкорослыми и не такими воинственными, как их соседи алгонкины, у них существовала легенда о том, как бог по имени Глооскап приплыл в чудесном покоем на лес гранитном каноэ. Глооскап научил их ловить рыбу

сетями, как рыбаки из рассказа в "Книге Дзено", и на местах прибрежных поселений племени микмак найдены грузила и поплавки сетей, изготовленные примерно в начале XV века. Предполагаемыми местами стоянок кораблей принца Генри были нынешние гавани Пикту, Гайсборо и Эдвокет, причем последняя находится возле мыса д'Ор^[51].

Однако теоретические рассуждения относительно места высадки принца Генри обладают одним недостатком: отсутствием надежных доказательств. Несколько булыжных фундаментов возле Креста в Новой Шотландии у золотоносной речки и на вызывающем споры острове Оук-айленд, где, по слухам, пираты зарыли сокровища, вызвали к жизни гипотезы о том, что там находились колонии или крепости принца Генри в Эстотиланде. Однако булыжный фундамент датировать сложно. На острове Оук-айленд была обнаружен бревенчатый причал, бревна которого были помечены римскими цифрами; это может послужить основанием для предположения о том, что ее использовали норвежские или другие торговцы из Маркланда. И то, что на острове существовали дубравы в то время, когда сооружались платформы в Денежной яме, и когда в начале XVII века туда прибыл французский землепроходец Шамплен, заставляет думать, что дубы были посажены, по меньшей мере, за двести лет до того. Желуди не плавают, и Шамплен заметил, что эти рощи, очевидно, были посажены для блага человека.

Однако все это можно было назвать домыслами и предположениями. Но потом мне показали фотографию "доколумбовой пушки", обнаруженной в форте Луисберг на острове Кейп-Бретон. Это примитивное орудие имело восемь колец, наваренных вокруг тонкого ствола, чтобы его не разорвало при выстреле, со съемной, снабженной рукояткой казенной частью для зарядки порохом, и опорным штырем снизу. Я едва верил своим глазам. Посещая Военно-морской исторический музей возле верфи венецианского Арсенала, я заметил в стеклянных ящиках остатки четырех подобных пушек с семью или более наствольными кольцами, казенной частью, опорными штырями и железными подставками на деревянных лафетах, недавно поднятых со дна в самом Арсенале. В очередной приезд в Венецию я переговорил с директором музея, адмиралом Готтардо, и он подтвердил, что такими действительно были

первые корабельные пушки, что Карло Дзено определенно использовал их в битве при Кьоджо, и что они вышли из употребления уже к концу XIV века. В это время пушки научились отливать целиком из железа или бронзы, и кольца для скрепления сваренных железных прутьев ствола стали не нужны. Кроме того, адмирал Готтардо показал мне доколумбовы и венецианские карты Атлантики: на месте обеих Америк там находился остров Антилла.

Затем перед очередным визитом в Новую Шотландию я стал изучать ее современную карту. Увидел Луисбергскую гавань, где на юге острова Кейп Бретон была найдена пушка. От гавани к холмистому северу тянулись на тридцать миль угольные шахты к мысу Кейп Смоки. Более того, четыре резервации индейского племени микмак все еще существуют возле залива Ле Бра д'Ор. Итак, полностью совпадают все факты: венецианская пушка именно того периода, прибрежные угольные шахты, дым над горой и большое поселение индейцев. Но самое главное, Кейп Бретон представляет собой *остров*, как и сказано в "Книге Дзено", а Новая Шотландия является полуостровом, примыкающим к материковой части Канады.

Итак, поиск места высадки принца Генри Сент-Клера в Новом Свете привел меня туда, куда привез его венецианский капитан на судне, вооруженном венецианской пушкой. Оружие, идентичное обнаруженному в Арсенале, находилось в подвале Луисбергской крепости; пушку, видимо, переправили туда, поскольку франко-канадцам не нравилась мысль о том, что кто-то приплыл туда раньше них. Пушка представляла собой заряжавшуюся с казенной части *петриеру*, стрелявшую маленькими каменными ядрами из сварного, обвитого кольцами ствола.

Меня познакомили с местным исследователем морского дна Алексом Стормом, который обнаружил неподалеку от Луисберга два затонувших судна с сокровищами. Сторм сказал, что луисбергская *петриера* была обнаружена в 1849 году, когда отсутствовали необходимые для подделки такого оружия знания. Затем он отвел меня к тому месту, где нашли эту пушку в прибрежном песке. Стоя на поросшем травой небольшом пригорке примерно в миле от находившейся на мысу Луисбергской крепости, где пресный ручей, разветвляясь, впадал в небольшой ров, а потом поворачивал к морю, он сказал, что под ним находится разрушенное основание небольшой

круглой каменной башни или укрепления, построенного столетия назад, и раскопок там не производилось. Башня имела примерно те же размеры и форму, что многие круглые форты и церковные башни, которые я видел на Оркнейских и Шетландских островах.

Впоследствии раскопки покажут, что там стояли пушки. Алекс Сорм предъявил мне свидетельство того, что на берегу у Сент-Питерса была обнаружена еще одна *петриера*, к сожалению, утраченная. Видевший пушку викторианец описал ее как "архаичную пушку из железных прутьев, скрепленных железными лентами или обручами". Интересно, что французы выбрали Луисберг и Сент-Питерс как места для двух первых поселков, поскольку две эти гавани были лучшими на южном побережье острова Кейп Бретон. Логика привела бы принца Генри к такому же заключению. К тому же у индейцев племени микмак существует предание, что поросшие травой холмы в Сент-Питерсе представляют собой остатки домов или землянок белых людей, которые жили здесь до французских переселенцев.

Согласно "Книге Дзено", дымившая гора была видна, когда флот подходил к гавани под названием Трин. Кейп-Смоки виден с вершин холмов, тянущихся на северо-запад от Сент-Питерса до Луисберга. В этих местах много рыбы, морских птиц и птичьих яиц, которыми обедались шотландские моряки. За восемь дней сотня солдат и венецианцев, отправленная принцем Генри обследовать остров, могла дойти до Кейп-Смоки и вернуться обратно. Идя к этому мысу вдоль берега, я обнаружил в Пойнт-Акони то, что обнаружили и шотландские солдаты: "похожее на смолу вещество, текущее в море". Маслянистые осадки из открытых угольных пластов на утесах и подводных выработок на Шахте Принцессы до сих пор загрязняют берега.

Эти осадки очень похожи на черную, маслянистую воду целебного источника святой Екатерины у замка Сент-Клеров в Росслине. Считается, что она исцеляет все кожные болезни. Святая Екатерина является небесной покровительницей Сент-Клеров, как и Шотландской гильдии колесных мастеров, — она была колесована в Александрии, куда принц Генри отправился в крестовый поход. Считается, что битум в черной воде целебного источника спас его в детстве от Черной смерти, хотя, когда я опустил в него руку, ногти у

меня несколько дней оставались грязными. Однако обнаружение битума солдатами было для принца Генри хорошим предзнаменованием — знакомым явлением, перенесенным из Старого Света в Новый.

Его солдаты сообщили, что дым над горой поднимается от большого огня у ее подножья. Действительно, мыс этот теперь называется Смоки (Дымным), потому что клубы почти постоянно окутывают вершины его холмов. Но на острове Кейп-Бретон и в Новой Шотландии постоянно горят под землей природный газ и уголь, а индейцы племени микмак использовали подсечно-огневой метод для расчистки "полян", чтобы привлечь туда пастись диких животных, дабы они стали легкой мишенью для их стрел. Эти "поляны" в лесах и на побережье впоследствии стали очень привлекательными для европейских поселенцев. И вне зависимости от того, видели ли солдаты подземный пожар или горящую "поляну", они встретили "множество полудиких, живущих в пещерах людей, низкорослых и очень робких...". Это священные индейские пещеры в утесах на прибрежной дороге к северной части острова Кейп-Бретон, в частности возле Бра д'Ор, как теперь называется большое соленое озеро, возле которого до сих пор живет большая часть людей племени микмак.

Когда солдаты возвращались к принцу Генри в Луисбергскую гавань, они обнаружили, что он намеревается основать город в этом Новом Свете. Антонио Дзено писал брату Карло в Венецию о решении принца Генри:

"Но его люди перенесли многотрудное путешествие и начали роптать, говоря, что хотят вернуться дамой. Близилась зима, и если бы наступили холода, они не смогли бы возвратиться до следующего лета. Поэтому он оставил только два гребных судна и тех людей, которые хотели остаться, а остальных отправил обратно, назначив меня вопреки моей собственной воле их капитаном. У меня не было выбора, и поэтому я пустился в путь и плыл двадцать дней на восток, не видя земли. Потом я повернул на юго-восток и через пять дней достиг суши..."

В этом путешествии от Фарерских островов к Эстотиланду при наличии штормов и попутных ветров суда плыли со средней скоростью четыре узла^[52], в время как обратный путь совершался

против господствующего направления ветров на трех узлах. Антонио Дзено сообщал, что его шотландский принц по-прежнему жив, но он не знает, что принц Генри делал в Новом Свете. В конце "Книги Дзено" находится волнующее начало последнего известного письма, отправленного домой Антонио Дзено:

"Подробности, которые ты хочешь узнать от меня об этих людях и их обычаях, о животных и соседних странах, я записал в отдельную книгу; которую, Бог даст, привезу с собой. В ней я описал страну чудовищных рыб, обычаи и законы Фрисланда, Исланда, Эстланда, королевства Норвегия, Эстотиланда и Дроджо. В конце я описал жизнь нашего брата, рыцаря Николо, с открытием, которое он сделал, и все о Гренландии. Описал я также жизнь и подвиги Дзихмни, принца, который заслуживает бессмертной славы не меньше, чем кто бы то ни было из живших на свете, своим великим мужеством и замечательной добротой. В книге я описал съёмку обоих берегов Гренландии и город, который он основал".

Однако на "Карте Дзено" в Эстотиланде помечено два города. Если один из них основал принц Генри Сент-Клер возле Луисбергской гавани у пресноводного ручья, или, возможно, в Сент-Питере, другой вполне мог быть основан в Новой Англии. Существует неопровержимое доказательство, что он и его люди отправились на запад.

ПРОЧИЕ АМЕРИКАНСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА

Вырезанное в камне изображение рыцаря на вершине большого холма, откуда открывается превосходный вид на залив Массачусетс, впервые упомянуто в истории городка Уэстфорд в 1883 году. Преподобный Эдвин Ходгмен писал о широком гнейсовом обрыве, находившемся возле дома Вильяма Киттреджа. На поверхности скалы в какую-то далекую геологическую эпоху ледник оставил канавки, "поверх которых угадывались грубые очертания человеческого лица; предполагают, что это изображение сделали индейцы". Уэстфордские ребята по пути в школу иногда устраивали воинственный танец на лице индейца, чтобы показать свою смелость, а девочки, встав в кружок возле скалы, восхищались их шутовством. Однажды один из ребят, Томас Фишер, взял зубило, чтобы для большего правдоподобия

добавить к голове индейца трубку мира, впоследствии названную гербом в виде сокола.

Так все и оставалось, пока изображением на гнейсе не заинтересовались фотограф и археолог-любитель. После Второй мировой войны доказывать скандинавское происхождение таких загадочных построек, как Ньюпортская Башня, становилось модным. И на скале они увидели меч с эфесом и не только. Майкл Пирсон, живший неподалеку от Уэстфорда, сфотографировал это изображение, а У.Б. Гудвин опубликовал две фотографии и карандашную зарисовку изображения в своей книге *"The Ruins of Greater Ireland in New England (Руины времени Великой Ирландии в Новой Англии)"*. Изображение посередине ледниковой скалы он определил как норвежский меч XI века, высеченный как памятник необычайно смелому воину.

Публикация Гудвина привлекла внимание Т.С. Летбриджа, придирчивого археолога из городского Общества любителей древностей в Кембридже, Англия. К его мнениям и находкам университетские ученые-археологи относились так же скептически, как профессора Гарвардского университета и члены Массачусетского археологического общества к находкам и мнениям Гудвина, а затем его преемника, Фрэнка Глинна. Гудвин умер, но Глинн переписывался с Летбриджем, который счел изображенный на камне меч большим, с круглой головкой эфеса мечом XIII–XIV веков. К сожалению, Гудвин не открывал, местонахождение этого вырезанного на камне изображения, и Глину пришлось потратить несколько лет на поиски; а потом счищать дерн и мох с поверхности сильно выветренного гнейса. Он открыл, что изображения накернены на камне, что мог сделать средневековый оружейный мастер. Оказалось, что выбоины на камне идут почти до верха скалы и в сторону, наводя на мысль, что изображение рыцаря в шлеме выбито пунктиром в скале вместе с изображением щита и меча, чтобы служить ему надгробьем.

Письма Летбриджа Глинну представляют собой замечательный случай сотрудничества по переписке. Летбридж предположил, что можно обнаружить на этом камне, а Глинн нашел изображение, соединив отметины меловой линией. В своей переписке оба пользовались именами древних кельтских святых и героев, подписывались соответственно "Брендан" и "Финбар". "Нет ли на этом камне что-нибудь еще, кроме меча? — спрашивал Брендан Финбара в

1954 году. — Скажем, изображения средневекового рыцаря с мечом в руках. Таких изображений много на Гебридских островах и в Ирландии... Возможно, вы нашли памятник одному из людей Синклера".

Летбридж ссылаясь на "Книгу Дзено". Он даже нарисовал то изображение, которое Глинн должен был обнаружить: рыцаря в легком остроконечном шлеме с забралом, в стеганых доспехах, с большим мечом или клеймором^[53]. Именно такое изображение и нашел Глинн, соединив впадины меловой линией. Но ему потребовались и другие советы Летбриджа, за которыми дело не стало. Летбридж просил его поискать грубо изображенную фигуру высотой шесть или больше футов в стеганых доспехах. И предположил, что поблизости может находиться поселок — "зимние квартиры или что-либо в этом роде".

Соединяя отметины мелом или посыпая их порошком талька, Глинн обнаружил на скале изображение, поразительно похожее на рисунок, который наугад прислал ему в письме Летбридж". Это был первый из дюжины линий, которые Глинн обнаружит на камне за последующее десятилетие. "И вновь, — писал он Летбриджу, — интуиция не подвела вас. Там вся фигура, высотой около шести футов. Теперь, кажется, я обнаружил его шит...".

Маленький щит с гербом был расположен сбоку от рыцаря. О его окончательной форме Летбридж тоже догадался, он писал, что не может "представить щит этого человека без герба", и нарисовал герб, принадлежавший младшему сыну одного из шотландских лордов. Глинн нашел гербовые знаки в правых полях щита, и по просьбе Летбриджа их идентифицировал ведущий шотландский специалист по генеалогии, прозванный Герольдом Единорога^[54], сэр Иэн Монкрейф. Геральдическая галера в нижней части щита Уэстфордского Рыцаря, звезда с полумесяцем в верхнем правом поле, большая круглая брошь в верхнем левом были опознаны как герб одного из рыцарей из клана Ганн, которого Генри Сен-Клер вполне мог взять в путешествие на запад. Свидетельство Монкрейфа восторженно встретили члены клана, живущие в Массачусетсе, один из них даже нарисовал на скале в качестве подтверждения на скале щит Ганнов.

К этому времени Летбридж оказался в трудном положении. Проведя шурфовое исследование мелового слоя в кембриджширских холмах Гогмагог, он заявил, что обнаружил три изображения древних

богов, подобных Великану из деревни Керн-Аббас и Длинному Человеку из Уилмингтона. Отправив Глинну зарисовку, сделанную с одного из них, скачущей кельтской богини лошадей Эпоны, он писал. — "На поверхности вы не сможете увидеть ничего, кроме старых ветвей артишока, которые я вставлял в ямки как метки. *Однако, когда наносишь изображение на бумагу, оно кажется волшебным*". Действительно, оно казалось волшебным, как и очертания Уэстфордского Рыцаря. Однако, понимая, что судьба его находится в руках ученых, Летбридж писал: "Из-за этого у меня будут неприятности!". Так оно и случилось: профессионалы напрочь лишили его репутации археолога. Особенно не расстраиваясь, он написал Глинну, что его втянули в племенную войну, и советовал: "Остерегайтесь ученых мужей. Антропологи и археологи — сомнительная публика".

Наконец Глинн объявил о том, что нашел зимние квартиры экспедиции Сент-Клера, как и предполагал Летбридж. Современный историк экспедиции Сент-Клера в Новый Свет; Фредерик Дж. Пол, пытавшийся обнаружить места высадки средневековых шотландцев в Новой Шотландии, объединил силы с Глинном. Они случайно обнаружили камень с резным изображением, его выкопал местный фермер на развилке ведущих к морю дорог возле Уэстфорда. На камне был вырезан корабль с двумя парусами на одной мачте, восемью бортовыми отверстиями или уключинами, стрелой с четырьмя перьями по каждой стороне древка и цифрой 184. По мнению Летбриджа, это число означало количество шагов. В данном радиусе Глинн отыскал три стены из неотесанного камня, которые могли представлять собой сухой док для маленьких норвежских судов, или, по мнению Летбриджа, "уютный уголок, где стояла лачуга, шалаш или еще какое-то жилище Синклера". Из своего далека Летбридж нашел стены похожими на каменные дома в Гренландии, именуемые *Storhouses*, а изображенное на камне судно отождествил с норвежским кнорром, торговым судном. По его мнению, шотландцы в XIV веке знали арабские цифры и не отмечали расстояние римскими, хотя в рассказе венецианца об экспедиции Сент-Клера говорилось, что Генри Сент-Клер говорил по-латыни, и на карту наносились римские цифры.

Даже в самом Уэстфорде разошлись мнения относительно подлинности Уэстфордского Рыцаря и камня с резным изображением

судна, который отдали в местную библиотеку. Образовалось два лагеря, один утверждал, что четверо ребят Фишеров высекали зубилом индейский томагавк и трубку мира в конце XIX века, а остальные отметины — результат природных воздействий. Что до камня с изображением судна, стрелы и цифры 184, они были вырезаны в начале XIX века, дабы сообщить индейцам, что в Бостонскую гавань вошло судно мехоторговцев. Другой лагерь настаивал на подлинности обоих изображений, доказывавших, что экспедиция Сент-Клера в 1399 году достигла Уэстфорда и оставила памятник рыцарю. Эти люди ссылались на заключение двух геологов, Остина Хилдрета и Г. Дж. О'Мары, которые сравнили результаты атмосферных воздействий на отметины изображений и на древние гнейсовые надгробья, и пришли к выводу, что мечу и профилю на скале от пятисот до восьмисот лет.

В разгар этой войны мнений я приехал в Уэстфорд с целью доказать правдивость "Книги Дзено" относительно колониальной экспедиции Генри Сент-Клера в Новый Свет почти за столетие до Колумба. Со мной была Марианна Лайнз; ее необычный метод натирать камни соком растений и цветов, а также пчелиным воском позволял чудесным образом открывать детали на эродированных поверхностях. Она уже обрабатывала надгробье Вильяма де Сент-Клера в Росслинской часовне и обнаружила на нем Святой Грааль, Розовый крест и широкий меч, похожий на оружие Уэстфордского Рыцаря. Марианна принялась за работу в холодный день, ей помогал Джеймс Уит-тел из Общества поиска древних поселений, взявший на себя обязанности ведущего местного археолога, прежде исполнявшиеся Фрэнком Глинном.

Используя свеклу, капустные листья, а также хризантемы и китайские розы, Лайнз обнаружила заслуживающее доверия изображение рыцаря. Щит с гербом клана Ганнов на прежних реконструкциях неизменно выглядел косым, игрушечным, примитивным рисунком оружейника, не знавшего условностей средневековых военных похорон. Однако когда был сделан оттиск на ткани, под левым плечом фигуры оказался большой геральдический щит с двумя полями вверху и кораблем внизу, похожим на корабль в гербе дочери принца Генри, Джин Сент-Клер, изображение которой находится в Корсторфинской церкви неподалеку от Эдинбурга. По правую сторону фигуры было изображение, напоминавшее розу.

Хотя кислотные дожди и эрозия сильно повредили изображение после первых осмотров Уэстфордского рыцаря, натирание позволило открыть изображение рыцаря в шлеме, в одеянии военного ордена, а его щит и меч были вырезаны на скале в строгой манере конца XIII — начала XIV веков. Очертания меча хорошо сохранились. Он указывает острием на север, что наводит на мысль о ритуальных похоронах. Клинок его сломан. В то время существовал обычай ломать меч смелого и знатного рыцаря и хоронить оружие вместе с телом. Высота изображения Уэстфордского Рыцаря, сильного человека, около семи футов, но оно меньше громадного изображения сэра Джеймса Дугласа, который вез сердце Брюса и погиб вместе с сэром Вильямом де Сент-Клером в Испании. Создается впечатление, что тело покойного положили на камень и окаймили отметинами в камне. Затем окаймили его сломанный меч и щит. Потом нанесли последние детали.

Однако Уэстфордский Рыцарь свидетельствует лишь об экспедиции европейцев *внутри* континента, предпринятой в конце XIV века. Вопрос заключается в том, где эти люди могли высадиться с кораблей. И ответом на него служит загадочная каменная башня, сохранившаяся до сих пор в Ньюпорте, штат Род-Айленд. Если эта двухэтажная башня не была построена на территории второго города, заложенного принцем Генри Сент-Клером в Новом Свете, ее происхождение трудно объяснить. Она определенно несет в себе характерные черты средневековой каменной архитектуры Северной Европы. Построена она так же, как строились крутые храмовнические церкви по образцу Церкви Гроба Господня и Купола Скалы в Иерусалиме. Если между колоннами внутри башни встраивался восьмиконечный крест, это был христианский образец Соломонова Храма. Крест представлял собой восьмиугольник внутри круга, восемь арок в круглой башне. Круглые церкви редки. Единственная, в Шотландии, была построена по образцу Церкви Гроба Господня в Орфире на Оркнейских островах, где Генри Сент-Клер был графом. Арка в одном сохранившемся окне построена так же, как арки Ньюпортской башни.

К тому же, единица измерения Ньюпортской башни — не английские фут или ярд, не португальский или голландский стандарт. Это шотландский эль^[55], мера ткани, существовавшая в Англии до времени Шекспира, половина норвежского фатома и эквивалент

ганзейского ярда. Диаметр каждой колонны Ньюпортской башни точно соответствует одному шотландскому элю, диаметр образуемого колоннами круга равен ровно шести элям. Я сам измерял Ньюпортскую башню и сопоставлял измерения с эталоном шотландского эля, сохранившегося на надгробье в Дорнохском аббатстве и на Данкелдском рынке неподалеку от собора, где один из Сент-Клеров являлся епископом по время Баннокберна, и где другой Сент-Клер правил во время путешествия принца Генри в Северную Америку.

Архитектура Ньюпортской башни напоминает не только храмовническую, но и шотландскую того периода. Кое-кто предполагает, что башня представляла собой ветряную мельницу, но это опровергает одна деталь. На первом этаже виден очаг образца XIV века, который произвел бы пожар на мельнице. Подобным сооружением является церковь Сент-Клеров в Корсторфине, где похоронена Джин, дочь принца Генри Сент-Клера. Там же находится похожая башня маяка, свет очага которого отражался на второй этаж, чтобы служить ориентиром путешествующим по морю и по суше.

Все это указывает на то, что именно представляла собой Ньюпортская башня: храмовническую церковь, маяк Наррагансеттской бухты и сторожевую башню. Есть основания датировать ее постройку временем, предшествующим британской колонизации Род-Айленда. На первой составленной европейцами карте этих берегов Веррадзано со своей итальянской командой отметил в этой местности "Норманнскую виллу". Один из членов его экспедиции обратил внимание, что туземцы там непохожи на индейцев в Коннектикуте и Массачусетсе. "Это самые красивые люди и самые цивилизованные в обычаях, каких мы встречали в этом плавании. Они выше нас ростом; у них бронзовый цвет кожи, у некоторых почти белый". Эти свидетельства существования погибшей европейской колонии, члены которой смешались с местными племенами, подкрепляются старой картой, которую сделал Вильям Вуд после 1629 года: Новый Плимут на ней верно помещен в Массачусетсе, однако возле Наррагансеттской бухты располагается некий Старый Плимут. Далее, в одном документе из Лондонского архива упоминается существование в 1632 году, за семь лет до основания Ньюпорта в Род-Айленде, "большой круглой башни". Вероятно, она являлась одним из "удобств", которое могло

привлекать поселенцев в предполагаемую колонию сэра Эдмунда Плоудена. В ней могло поместиться тридцать солдат или джентльменов, которые могли охранять поселенцев от индейцев.

Впоследствии губернатор штата Бенедикт Арнолд превратил Ньюпортскую башню в никуда не годную мельницу. Однако она была построена за столетия до того, как ее стали использовать не по назначению — как церковь, маяк и укрепление. Стены ее были оштукатурены; остатки штукатурки и сейчас заметны у основания. Старые ветряные мельницы на Оркнейских островах представляют собой массивные сооружения. Ньюпортская башня в мельницы никак не годится. Она предназначалась для исполнения священных функций и почти полностью соответствует храмовническим церквям в Париже и Лионе, церкви Гроба Господня в Кембридже и Неви во Франции, круглой церкви XII века в Орфире на Оркнейских островах, из которого принц Генри Сент-Клер отплыл, чтобы основать утраченную колонию в Новом Свете. В 1950 году директор Национального музея в Дании заметил о Ньюпортской башне: "Там есть типично романские архитектурные детали, колонны, арки и двойной скос. Эти средневековые черты бросаются в глаза настолько, что находишься эта башня в Европе, датирование ее Средними веками не вызвало бы никаких протестов".

Церковь святого Магнуса на острове Эгилси, расположенном возле Оркнеев, была построена в XII веке в память об убийстве там этого святого, в то время графа Оркнейского, его соперником графом Хаконем. Она представляет собой круглую башню, арки и скосы ее похожи на аналогичные детали в Ньюпорте. В недавней статье об этой башне сделан вывод о том, что ее архитектура связана с северогерманской. Убийство святого Магнуса загадочным образом напоминает убийство масонского мученика Хирама в Храме Соломона. Магнуса заманили на остров Эгилси, там он увидел восемь кораблей графа Хакона и множество вооруженных людей. Магнусу предоставили три варианта спасения жизни — отправиться в паломничество в Святую Землю, уйти в изгнание в Шотландию или позволить искалечить и ослепить себя. В конце концов он попросил смерти, и повар графа Хакона нанес ему роковой удар топором по голове.

Мощи святого Магнуса находятся в трех местах: на Эгилси; в монастыре Эйнхэллоу или Святого острова, где арки из рваного камня идентичны аркам в Ньюпорте; и в соборе Святого Магнуса в Керкуолле, расположенном рядом с дворцом епископа, тоже построенным с "типично романскими архитектурными деталями" Ньюпортской башни. В 1919 году в одной из колонн хоров собора были обнаружены несколько костей и череп человека, убитого ударом топора по лбу: новое обретение мощей святого Магнуса? И резное изображение в часовне Сент-Клеров в Росслине человека с раной на лбу (сделанное по распоряжению внука принца Генри), возможно, является памятником святому Магнусу, мученику Хираму и Подмастерью, которого убил мастер за создание великолепной колонны.

Оттиск Уэстфордского Рыцаря на ткани определенно представляет собой изображение рыцаря военного ордена в длинной мантии. Эфес сломанного меча опознан специалистами по вооружению как шотландский конца XIV века. Трудно представить, что выбитая на камне фигура является подделкой викторианской эпохи или причудой эрозии, из-за которой изображение почти не заметно для невооруженного глаза. И Ньюпортская башня с ее восемью арками, круглой формой и высоким очагом строилась не как мельница, а как маяк, укрепление и церковь. Ее аналоги в храмовнической Европе, в

частности, на Оркнейских островах и Эгилси, черты романского стиля и арки из дикого камня указывают на архитектуру, рожденную у Северного моря. Описанная в "Книге Дзено" колониальная экспедиция принца Генри Сент-Клера является наилучшим объяснением выбитых ямок, образующих контур фигуры Уэстфордского Рыцаря и восьми арок круглой Ньюпортской башни. Еще одним подтверждением этому служит недавнее открытие на мысе, выдающемся в бухту Мачиас на Кларк Пойнте, штат Мэн, наскального изображения креста рядом с европейским судном конца XIV века с одним парусом и кормовым рулем. История той экспедиции сохранилась в камне.

УТРАЧЕННАЯ КОЛОНИЯ

После завершения экспедиции в будущую Новую Англию, где он, возможно, заложил вторую крепость и колонию в Ньюпорте, принц Генри вернулся через бухту Фанли в первую колонию в Луисберге. Принц уже два года не был на Оркнейских островах и понимал, что власть его там может оказаться под угрозой. Монахи-земледельцы, которых он оставил на острове Кейп-Бретон, уже должны были собрать первый урожай, а моряки — завершить съемку западного побережья Гренландии, за что ему будет воздана соответствующая хвала в "Книге Дзено". Ему предстояло построить в Новой Шотландии океанский флот: край этот в изобилии располагал сосновой древесиной, смолой и волокнами для канатов. Для этого они и захватил с собой корабельных плотников из Файфа и с Оркнейских островов, также как и каменщиков для строительства укреплений.

Сохранившаяся легенда племени микмак о божественном Глооскапе, приплывшем из-за моря и уплывшем обратно, схожа с мифом индейцев Месоамерики о Кецалькоатле, крылатом белом боге, которого они отождествили с Кортесом, помогая ему в завоевании Атцекской империи. Но раз появление принца Генри усилило веру индейцев в Глооскапа, это можно объяснить только его добрым отношением к ним. Он не обижал туземцев, не брал их в рабство, но учил ловить рыбу и возделывать землю. Преподобный Сайлес Рэнд, впервые описавший язык племени микмак, зафиксировал и существовавшую в викторианские времена легенду о Глооскапе:

"Предание о Глооскапе гласит, что он приплыл в эту страну с востока — из-за большого моря; что он был богач, хоть и в

человеческом облике. Он жил рядом с индейцами... Глооскап был другом и учителем индейцев, получивших от него ремесла. Он сообщил им названия созвездий и звезд; научил их охотиться, ловить рыбу и заготавливать впрок добычу; научил обрабатывать землю. Он всегда был спокойным, серьезным, добрым и учил индейцев только умному и полевому. В качестве каноэ ему служила гранитная скала".

Описание корабля Глооскапа представляет в высшей степени убедительное свидетельство того, что экспедиция принца Генри Сент-Клера на остров Кейп-Бритон нашла отражение в легенде племени микмак. Он переплыл океан, стоя на спинах китов — индейцы так называли палубные суда. Его корабль называли то каменным каноэ, то плавающим островом с деревьями, очень легким в управлении и способным двигаться словно по волшебству. Это наводит на мысль о корабле с двумя мачтами и салингами, с рулевым управлением и возможностью плыть против ветра. Пускаясь в обратный путь, он сказал, что не вернется править индейцами, — и принц Генри не вернулся. В записанной в викторианские времена песне шла речь об отплытии Глооскапа:

Одни говорят, что он уплыл
В чудесном каменном каноэ
Далеко за море
В восточную страну.

Другие, что уплыл он на запад.
И говорят, что в прошлом
Люди знали, где он живет.
Они отправились к нему туда
И получили то, что хотели...

И говорят, что даже теперь
Если все плыть и плыть,
Не боясь и не зная сомнений,
То найдешь нашего Глооскапа...

Он великий Сагаму,
Величайший из всех вождей.
"Жив ли еще Глооскап?".

Принц Генри Сент-Клер не прожил и года после возвращения на Оркнейские острова в 1400 году. В августе английский король Генрих Четвертый вторгся в Шотландию и дошел до Эдинбурга, но принца Генри не было в Рослине, чтобы удерживать южную дорогу от наступления английских войск. Высадившиеся с кораблей солдаты из Восточной Англии отбили контратаку и взяли в плен шотландского командира, сэра Роберта Логана. Потом они двинулись к Оркнейским островам, бросив вызов морскому владычеству Сент-Клеров, ограбили несколько островов и внезапно атаковали Керкуолл. В своем повествовании о Сент-Клерах священник Хэй так писал о смерти принца Генри: "Оказывая сопротивление во главе своих войск, он из-за их крайней халатности и небрежения был убит ударами, сыпавшимися на него так быстро, что сопротивляться было невозможно". В сообщении от 1446 года скупно говорилось, что "граф Оркадии, защищая свою страну, был убит множеством врагов".

Даже после смерти исследователя Гренландии и основателя шотландских колоний в Новом Свете, к поселенцам можно было отправить спасательные суда, тогда бы они избежали будущей участи "утраченной" колонии сэра Уолтера Рэли в Роаноке, Виргиния. Однако сын принца, также Генри, получивший по наследству титул графа Оркнейского, выполнял наследственный долг, будучи хранителем наследника шотландского престола. Когда проаншійская клика убила старшего сына Роберта Третьего, король решил для безопасности отправить нового наследника престола, Джеймса, во Францию в сопровождении нового графа Оркнейского. Король, по словам священника Хэя, "отдал их на волю волн; но едва они немного отплыли, принц Джеймс, не выносивший запаха воды, пожелал вернуться на землю; там (они высадились по его просьбе на английский берег), по пути к королю, их схватили и заточили в темницу...". Проведший в тюрьме много лет новый граф Оркнейский ничего не мог сделать для отцовских колоний в Америке. Спасению их помешали тюремные стены.

Пленение англичанами нового повелителя Антонио Дзено году позволило последнему в 1406 году вернуться в Венецию. После проведенных на Севере четырнадцати лет ему не пришлось просить дозволения на это. Он отплыл на родину то ли весной с венецианскими торговыми судами, то ли на одном из кораблей, которые построил для

Оркнейского флота. Вскоре после прибытия и визита к могущественному брату Карло, в то время второму человеку в республике, Антонио умер. Его открытия вместе с братом Николо, "совершенные в неведомых ранее землях", по прошествии ста пятидесяти лет были отмечены публикацией "Книги и Карты Дзено", ставшей данью памяти "высокому мужеству и громадной энергии наших предков".

Находка одинаковых ранних корабельных пушек в венецианском Арсенале и в Луисберге на острове Кейп-Бретон, новый оттиск Уэстфордского Рыцаря на ткани и открытие соответствий в единицах измерения и способах строительства между Ньюпортской башней и северо-шотландскими средневековыми постройками установили правдивость "Книги Дзено". Если принц Генри Сент-Клер — как и Колумб — не *открывал* Америку, он попытался основать на ее землях колонию за девяносто шесть лет до мореплавателя из Генуи. Его попытке четыре столетия назад предшествовали викинги, и принц Генри продолжил их традицию устраивать торговые посты и поселения по ту сторону западного океана, в Новом Свете. Его усилия оборвала внезапная смерть. Иннуиты (эскимосы) уничтожили последние норвежские колонии в Гренландии, а ньюфаунлендская колония прекратила существование, оказавшись в изоляции. В течение почти всего XV столетия жители Америки не испытывали влияния европейцев. Ну а внук принца Генри, третий и последний граф Оркнейский из этого рода, выстроил в камне свою Аркадию и Райский Сад не в Новом Свете, а в Росслине, над его зеленой долиной.

12. ХРАМОВНИКИ И МАСОНЫ

Если Иерусалим увенчан Куполом Скалы, то Лондон — куполом Собора Святого Павла. Сын его непревзойденного зодчего, сэра Кристофера Рена, твердо знал, где отец почерпнул вдохновение. Он слышал от отца о происхождении масонов и о храмовой архитектуре:

"То, что мы вульгарно именуем готикой, должно по справедливости называться сарацинской архитектурой, облагороженной христианами. Она возникла на Востоке после падения греческой империи благодаря необыкновенному успеху тех людей, которые преданы Учению Мухаммеда и из усердия в своей вере строили мечети, караван-сарай, гробницы, куда бы ни приходили.

Они изобрели округлую форму, потому что не хотели имитировать ни христианское изображение Креста, ни древнюю греческую манеру, которую считали идолопоклоннической, и поэтому все статуи стали для них отвратительными.

Потом они увлеклись новой модой собственного изобретения, хотя можно было ожидать в ней большего разума, учитывая, что арабы в то время не нуждались в геометрах, мавры, переведшие многие из самых полезных древнегреческих книг, тоже. Поскольку распространяли свою веру с великим усердием, они спешно строили мечети во всех завоеванных городах... Мусульмане считали, что колонны и массивные карнизы неуместны, что без них можно обходиться; и, избрав округлую форму для мечетей, они возвели купола, и в некоторых случаях с большим изяществом. Священная война дала бывшим на ней христианам представление о сарацинской архитектуре, которую они потом имитировали на Западе; они облагораживали ее каждый день, строя церкви. Итальянцы (среди которых были еще греческие беженцы), а с ними французы, немцы, фламандцы объединились в Братство архитекторов, раздобыли папские буллы для своего поощрения и особые привилегии; они назвали себя Вольными каменщиками и распространялись от одной страны к другой, находя необходимость строить церкви (в те времена многие были повсюду заняты строительством из набожности или

соперничества). Правительство их было постоянным, и у возводящегося здания они устраивали лагерь лачуг..."

Сэр Кристофер Рен в качестве Великого Магистра масонов имел доступ к ранним документам ордена. У него не было сомнений относительно роли рыцарей Соломонова Храма и других крестоносцев в проникновении мусульманских архитектурных идей с Ближнего Востока в Европу и широкого распространения там. *Старые напутствия* масонского движения, датирующиеся началом XV века, тоже подчеркивают влияние Леванта, в частности средневековой традиции строительства Соломонова Храма, — который паломники часто путали с Куполом Скалы, мусульманской святыней. Существовало предание о том, что царь Давид начал строительство Храма Господа Бога в Иерусалиме. Он стал покровителем каменщиков и показал, как высоко ценит их мастерство. Даже дал им напутствие и контролировал их правила, повысил им плату.

Соломон, заняв трон Израиля, ускорил завершение храма, для чего пригласил в Иерусалим искусных мастеров-каменщиков из всех стран Ближнего Востока, — всего их было восемьдесят тысяч. Царь Соломон отобрал из них три тысячи шестьсот, чтобы они были надзирателями и руководили священной работой. Хирам, царь Тира, выказал дружбу, отправив для Храма стволы не поддающихся гниению кедров, а также искусного зодчего, которого также звали Хирамом. Хорошо знавший священную геометрию искусник Хирам был еще мастером каменной резьбы и гравировки по бронзе и меди. Как говорится во Второй книге Паралипоменон, он был:

"Сыном одной женщины из дочерей Дановых, — а отец его Тирянин, — умеющим делать изделия из золота и из серебра, из меди, из железа, из камней и из дерева, из пряжи пурпурового, яхонтового цвета, и из виссона, и из багряницы, и вырезывать всякую резьбу, и исполнять все, что будет поручено ему..." (2 Пар. 2:14).

В книге Паралипоменон и в книге Царств целые главы посвящены богатству и красоте Соломонова Храма с позолоченными пальмами, медными волами и львами, херувимами и цветами, колесами и осями. Но особая работа Хирама включала в себя литое медное море, четыреста гранатовых яблок на двух сетках, тазы, и лопатки, и чаши, светильники и щипцы из золота, и ставшие его особым наследием для масонского движения два больших столба Храма.

"И поставил столбы к притвору храма, поставил столб на правой стороне и дал ему имя Иахин, и поставил столб на левой стороне и дал ему имя Воаз. И над столбами поставил венцы, сделанные на подобие лилии; так окончена работа над столбами" (3 Цар. 7: 21, 22)

Царь Соломон объявил, что Храм это дом Господа Бога, и Он будет взирать на него с благосклонностью и даст ему Свое святое имя:

"Тогда сказал Соломон: Господь сказал, что Он благоволит обитать во мгле; я построил храм в жилище Тебе, место, чтобы пребывать Тебе во веки... Да будут очи Твои отверсты на храм сей день и ночь, на сие место, о котором Ты сказал: "Мое имя будет там"" (3 Цар. 8:12–13, 29)...

Кроме того, считается, что царь Соломон установил обычаи и ритуалы средневековых каменщиков и других гильдий ремесленников, которые строили его Храм. "Соломон подтвердил наставления, которые Давид, отец его, дал каменщикам, — гласит ранний масонский документ, "Манускрипт Кука", датируемый 1410 годом. — И Соломон сам научил их манерам, немногим отличающимся от нынешних". Он стал Великим Магистром первой ложи в Иерусалиме, а Хирам был заместителем Великого Магистра, самым искусным зодчим и мастером на земле.

Почти во всех ранних масонских катехизисах вопрос и ответ подтверждают предание о том, что первая масонская ложа находилась в западном притворе Соломонова Храма, где Хирам поставил два медных столба. Ему дали прозвище "Абифф", образованное от еврейского слова "Отец", словно Хирам был отцом всех каменщиков. По преданию, он был убит тремя завистливыми каменщиками, потому что не захотел открыть им секреты мастерства. В одном из катехизисов, названном по двум столбам Соломонова Храма *Иахин и Воаз*, вопросы и ответы были такими:

Вопрос: Что поддерживает нашу ложу?

Ответ: Три столба.

Вопрос: Как они называются, брат?

Ответ: Мудрость, сила и красота.

Вопрос: Что они собой представляют?

Ответ: Трех великих мастеров; Соломона, царя Израиля; Хирама, царя Тира, и Хирама Абиффа, которого убили трое других каменщиков.

Вопрос: Были эти три великих мастера заняты строительством Соломонова Храма?

Ответ: Были.

Вопрос: Чем они занимались?

Ответ: Соломон добывал провиант и деньги для платы рабочим; Хирам, царь Тира, поставлял материалы для строительства, а Хирам Абифф выполнял работы или надзирал за ними.

Масонские историки выбрали несколько путей прямого переноса ритуалов и обрядов из ложи царя Соломона в Иерусалиме в нынешний день. В "Манускрипте Кука" говорится, что основой масонства была геометрия, первое из Семи Свободных Искусств^[56]. Авраам изучал священную геометрию и обучил израильтян в Египте класть стены. Эти мастера строили Храм Соломона. Первых четырех масонов, "Четырех венчаных" (лат. *Quattuor Coronati*), убил император Диоклетиан. Карл Мартелл, или "Боевой Молот", организовал масонство во Франции, а святой Альбан и король Ательстан — в Англии.

Впоследствии историки сочли, что византийские корпорации впитали учение иудейских братств каменщиков. Утверждают, что когда строительство храма Святой Софии было завершено, император Юстиниан воскликнул: "Я превзошел тебя, о, Соломон!". Это влияние было передано тевтонским гильдиям каменотесов, *Steinmetzen*, сформировавшимся к середине XIII века. Эту связь демонстрирует использование спиральных колонн в древнееврейской и византийской архитектуре, а впоследствии в масонских ложах — и в Рослине, где легенда о знаменитой Колонне Подмастерья связана с масонским преданием о Хираме.

Другим источником были римские гильдии строителей, перенявшие еврейские методы работы после падения Иерусалима и окончательного разрушения там третьего Храма. Хотя Диоклетиан и пытался уничтожить христианство, основателем которого был Плотник, он терпимо относился к римским коллегиям или гильдиям, многие члены которых были уже христианами. Он приказал замучить четырех аристократов, покровителей этих коллегий, четверых каменщиков и одного подмастерья, которых звали — Клавдий, Никострат, Симфориан, Касторий и Симплиций. Они стали святыми покровителями строителей в Ломбардии и в Тоскане, а позднее

средневековых каменщиков во Франции, Германии и Англии. Их эмблемы существуют в Риме и Флоренции, в Нюрнберге, Антверпене и Тулузе — это пила, молоток, киянка, циркуль и угольник. Об их конфликте с Диоклетианом повествует средневековая поэма:

... И этих мучеников святых
Высоко чтили товарищи их;
Они замечательно кирпичи клали,
Резчики были, скульптуры ваяли.
Вот император к себе их призвал
И сделать идола им приказал...

Эмблемы этих римских мучеников служили также эмблемами коллегий и недавно были обнаружены в Помпее вырезанными на камне. Существуют и другие эмблемы — куб, отвес, круг, ватерпас. Эти символы и правила ремесла были унаследованы таинственными "Комацинскими Магистрами", *Magistri Comacini*, гильдией архитекторов, живших на укрепленном острове посреди озера Комо во время распада Римской империи. Считается, что они передали секреты священной геометрии и методов работы итальянским строителям Равенны и Венеции, а через них профессиональным средневековым гильдиям. Эдикт короля Ломбардии от 643 года предоставил особые привилегии комацинцам и их коллегам. Места их встреч назывались *loggia* (итал. "лоджия, терраса"); от этого названия произошло слово "ложа". Их символы включали в себя Узел Царя Соломона и плетеную бесконечную нить Вечности.

Наследники их во Франции получили генеалогию. Общее имя их было *Compagnonnage*, часть их называлась *Enfants de Salomon*, Дети Соломона. И они, и более поздние английские масоны верили, что царь Соломон дал им наставление и принял их в ограду Храма. Верили также в смерть мученика Хирама и *Quattuor Coronati*. Они были ремесленной гильдией, которая возводила громадные готические соборы, иногда под руководством цистерцианских или храмовнических мастеров, именуемых "Соломоновы братья", *Fratres Solomonis*. Впервые они объединились в XII веке, на строительстве Шартрского собора. Там на витражах до сих пор сохранились изображения строивших его плотников и каменщиков, инструментов и эмблем их профессий.

Строительство аббатств в Англии при святом Альбане и короле Ательстане дало начало традиции образования строительных гильдий раньше, чем во Франции. В *Старых Наставлениях* говорится, что король Ательстан, внук Альфреда Великого, строил замки и аббатства потому, что "любил каменщиков". Считалось, что он созвал собрание каменщиков в Йорке и дал им "Наставление". Более вероятно, что после нормандского завоевания французские каменщики с методами их работы были приглашены для помощи в строительстве соборов и аббатств, в Мелроузе и еще в шести аббатствах и церквях, когда Джон Мороу был мастером. За пятьсот лет после завоевания Англии было основано более тысячи аббатств, приорств, больниц и благотворительных заведений, все их строили каменщики. К XIV веку словом "ложа" назывались места, где собирались гильдии. *Hallhvell Manuscript* рекомендовал каменщикам хранить тайну:

Все дела *ложи* должны тайной быть.
О них никому нельзя говорить.

И само слово *Ffre Maseons* или *Fremason* появилось в конце XX столетия, оно обозначало человека, обтесывающего мягкий камень, в среде каменщиков оно употреблялось уже в течение двух веков.

Другие исследования происхождения масонов датируют знание ремесла каменщиков временами Вавилона, Египта или Древней Греции. Относительно Вавилонской башни один из ранних масонских катехизисов давал ответ: "Мы отличаемся от вавилонян, которые хотели возвести башню до неба, но молим Пресвятую Троицу позволить нам строить правильно, высоко и честно, и те, кто заслуживает похвалы, получают ее..." Некоторые историки считают, что Соломонов Храм строили каменщики, знавшие Дионисийские и Элевсинские мистерии, а также божественную геометрию и золотое сечение. Для них масонская тайна мученика Хирама являлась просто переработкой мифа о смерти Орфея, великого творца, растерзанного вакханками.

Другие ворошители праха прошлого видят создателя священной геометрии в греческом боге Гермесе, которого римляне называли Меркурием^[57]. Христианский учитель церкви Кирилл Александрийский отстаивал существование христианской герметической традиции: "Не слышали разве, что наш Гермес

Египетский^[58] разделил мир на участки и округа, что он измерил страну веревкой, проложил канавы и каналы, создал законы, дал названия провинциям, подготовил договоры и соглашения, открыл календарь выхода звезд и передал нам хлебные зерна, числа и вычисления, геометрию, астрологию, астрономию, музыку и, наконец, всю систему грамматики, которую изобрел сам?". Гермес считался создателем Семи Свободных Искусств, самым важным из которых была геометрия.

Тут средневековая масонская мысль путала греческого бога с Эвклидом и Пифагором, у масонов всегда были нелады с именами и временами жизни великих людей. Еще в одном предании, записанном еврейским историком Иосифом, творится, что искусства астрономии и музыки были вырезаны на двух столбах сыном Адама Сифом; согласно масонскому преданию эти столбы заново построил Хирам в Храме Соломона. Считалось, что и величайший маг Зороастр записал все семь Свободных Искусств на четырнадцати столбах, сделанных наполовину из меди, наполовину из обожженного кирпича. Считалось, что эти столбы и столбы греческого бога Гермеса, содержавшие все истинное знание, были заново открыты Гермесом Трисмегистом, основателем алхимии и герметического учения, оказавшего большое влияние на рыцарей ордена Соломонова Храма и через них на масонов. Впоследствии четырнадцать столбов были установлены в Рослинской часовне, они окружают два резных, представляющих Иахин и Воаз Соломонова Храма.

Храмовники считали себя воинами-каменщиками Зоровавеля, который убедил царя Дария разрешить строительство второго Иерусалимского Храма. Они унаследовали от гностиков и святого Иоанна веру в то, что Храм был мистическим центром мира, и поэтому тайно противились могуществу и власти римских пап и европейских королей. В черно-белой символике ордена, в черных восьмиконечных крестах на белых одеяниях просматривались гностицизм и манихейство, вера в непрестанную борьбу дьявольского мира против Божественного Разума. Храмовники передали масонам черно-белые ромбы и зубчатые квадраты своих лож. Перед своей смертью последний из официальных Великих Магистров ордена, Жак де Моле, "основал и учредил то, что впоследствии станет называться Оккультным, Герметическим или Шотландским Масонством".

Все эти теории заговоров и переплетенные с историей мифы вкуче указывают на то, что поверья масонов ведут начало из мистицизма Ближнего Востока, а также из Ветхого и Нового Заветов. Идеальным катализатором для смешения легендарного и практического послужило строительство Соломонова Храма. Действительно, в средневековых романах Соломон и его Храм как источник вдохновения уступали только королю Артуру и Граалю. "Именно в это время, — писал ведущий исследователь истории Соломонова Храма, — создатели масонской легенды разрабатывали разные аспекты традиционной истории их Гильдии".

В это же время рыцари ордена Соломонова Храма охраняли то, что паломники считали Иерусалимским Храмом — восьмигранную мусульманскую мечеть Купол Скалы. Когда постройка ее была завершена, возводивший мечеть халиф Омар воскликнул: "Смотрите, она лучше, чем Храм Соломона". Многие еврейские и каббалистические предания о царе Соломоне перешли от храмовников к трубадурам и ремесленным гильдиям Европы. Соломона считали магом, мудрецом, волшебником и чудотворцем. Считалось, что он предвидел разрушение Храма вавилонянами и создал в его стенах тайное хранилище для сохранения Ковчега Завета — священного сокровища, предмета многочисленных поисков.

Отцы христианской церкви Климент и Евсевий писали о власти царя Соломона над демонами, Григорий Турский и Беда Достопочтенный — о чудесах Храма и их смысле. "Храм Господень, который царь Соломон построил в Иерусалиме, представляет собой Святую Вселенскую Церковь, которая от Первого Избранника до последнего человека, который родится при конце света, ныне выстроена благоволением ее миролюбивого Царя, то есть ее Спасителя". Мусульмане почитали как Гору Мория в Иерусалиме, с которой пророк Мухаммед вознесся на Небо, так и Храм Соломона, на месте которого они выстроили Купол Скалы. Мистицизм суфиев, манихеев и гностиков охватывал крестоносцев, христианских стражей Горы Мория с ее реконструированными мечетями и гробницами, и рыцари ордена Соломонова Храма считали, что они охраняют дом Бога на земле, построенный Великим Архитектором мира.

В другой своей роли храмовники были Мастерами-Каменщиками в буквальном смысле. Они руководили строительством грозных

крепостей, таких, как Замок Паломника, установили форму восьмиугольных часовен и круглых башен. Существуют свидетельства того, что в качестве *Fratres Solomonis* они применяли знание священной геометрии Ближнего Востока при постройке готических шедевров Франции, таких, как Шартрский собор. Впрочем нет сомнения в том, что их тайный ритуал включал в себя веру в священную архитектуру, единого Творца мира, и руководство бригадами каменщиков, которые строили тысячи пресепториев и церквей в Европе и Леванте.

Как уже говорилось, некоторые французские храмовники бежали в Шотландию со своими сокровищами и флотом — после разгрома ордена в этой стране и до сражения при Баннокберне, победа в котором побудила Роберта Брюса создать два ордена, с которыми могли слиться храмовники. Первым был тайный Королевский орден Шотландии; Великим Магистром его был король. Вторым деянием было превращение ордена Хередома (или Храма) в Килвиннинге, — по преданию, это первая ложа масонов в Шотландии, — в Королевскую великую ложу Хередома. На ее ежегодном суде росслинские Сент-Клеры председательствовали в наследственной роли хранителей короля и наследника престола, а также как могущественные соседи и друзья храмовников, штаб-квартира которых находилась в Балантродохе. В этих орденах растворился осужденный орден рыцарей Соломонова Храма. Их тайное учение войдет в обычаи будущих масонов.

Один из хранящихся в парижском Тампле средневековых документов, *Leviticon*, наводит на мысль о верованиях, которые храмовники принесли с Ближнего Востока. Его история и их религия обнаруживают тесную связь. "Не существует иной религии, кроме религии природы, сохраненной в Храмах Посвящения Египта и Греции". Моисей посвятил вождей Израиля, левитов, в эти тайны, и они создали основу для строительства Соломонова Храма, дома Бога. Обученный ессеями Иисус указал, как далеко отошли левиты Его времени от этих древних тайн, пожертвовал Собой, как божественный мученик, и вернулся к вечной жизни. Святой Иоанн, Его любимый ученик, оставался на Востоке и сохранял эти тайны, а святой Павел и другие апостолы основывали церкви, которые забыли их. Некоторые патриархи, мудрецы и даже суфии хранили эти традиции и ритуалы до

того времени, как Гуго де Пайен был посвящен в них в Иерусалиме и основал орден рыцарей Соломонова Храма. С того времени храмовники были хранителями и передатчиками этой религии природы.

Согласно этому пантеистическому и мистическому верованию, между животным, растением и минералом принципиальной разницы нет. В книге "Левитикон" говорится:

"Не существует ничего, кроме Бога, каждая часть всего сущего есть часть Бога, но не Бог. Неизменный в Своей сущности Бог меняется в своих частях..."

Бог представляет собой Высший Разум, все сущее одарено частью Его Разума в пропорции к его назначению — из этого следует, что существует бесконечная градация разумов, приводящая к бесчисленным комбинациям, объединение которых образует великое целое мира. Это великое все принадлежит Богу, который один обладает властью создавать, изменять и преобразовать, управлять различными видами Разума в соответствии с вечными и неизменными законами, которые бесконечно благи и праведны".

Существовала еще и вера в Троицу, отличная от веры католической церкви. "Бог это Бесконечное Существо, состоящее из трех сил — Отца или Бытия, Сына или Действия и Духа или Разума, происходящего от силы Отца и Сына". Она превратилась в веру в единого Творца или Архитектора Мира. Храм человеческой тела мог вмещать искру божественного Разума. Человек мог общаться с Богом напрямую, без посредства церкви. И долгом человеческого Храма были милосердие и любовь.

Многие элементы этой веры были по происхождению восточными или кельтскими и привели к обвинениям в ереси, которой в частности считалось представление о том, что с Богом можно общаться без посредничества церкви. На судебных процессах храмовников обвиняли в дьявольских способах поклонения змею мудрости, черепу или отрубленной голове, древнему символу плодородия и рогу изобилия Грааля. Однако все это было проявлением более глубоких верований. Храмовни-ческий упор на то, что Бог есть Высший Разум и Творец, и на долг милосердия перейдут к будущим масонам. Лишь предание о мученической кончине библейского Хирама нельзя связать

напрямую с храмовниками. Оно коренится в древней идее кровавой жертвы.

ЗНАЧЕНИЕ МУЧЕНИЧЕСТВА

Воинствующей вере нужен мученик. В норвежских верованиях верховный бог Один достиг мудрости изучением рун после ритуального самопожертвования: он приколол себя копьем к дереву, которое отделяет землю от неба, и висел на нем. Как говорится в "Речах Высокого", поэме из "Старшей Эдды":

Знаю, висел я
В ветвях на ветру
Девять долгих ночей
Пронзенный копьем,
Посвященный Одину,
В жертву себе же
На дереве том,
Чьи корни скрыты
В недрах неведомых^[59].

Такое самопожертвование ради обретения мудрости в норвежском пантеоне сравнимо со смертью праведного Бальдра, павшего от дротика из белой омелы, брошенного его слепым братом — смертью от несчастного случая. Из этих скандинавских мифов викинги почерпнули фатализм, проявлявшийся в их неистовости и бесстрашии — поскольку гибель в битве была predetermined судьбой. Такие же фатализм и самопожертвование были характерны для воинов ислама в их *джихадах* или священных войнах. У суфиев и ассасинов были свои мученики; они верили, что смерть от рук врага открывает прямую дорогу в рай. Католическая церковь, проповедуя крестовые походы, также прославляла бойцов военных орденов, созданных, чтобы с мечом в руке нести проповедь христианства.

Каждый из этих трех источников наделял храмовников стремлением к смерти. Среди мучеников храмовники почитали Одина и Бальдра, Христа и убитого Али, почитаемого шиитами двоюродного брата Мухаммеда. Многие рыцари из военных орденов были по происхождению норманнами и викингами, и все были христианами, открытыми мусульманским и восточным верованиям. Их организация

и учение были сходны с организацией и учением ассасинов. Один из историков ордена храмовников истолковывает их знамя и боевой клич *Босеан* как искаженное кельтское слово, означающее рай; то есть, они бросались в битву с той же целью, что суфии и ассасины. Разумеется, безрассудное и неистовое мужество, повлекшее за собой гибель почти всех рыцарей в нескольких сражениях на Святой Земле, подтверждает их желание погибнуть, чтобы попасть на небо.

Будучи рыцарями меча и мастерка, храмовники как строители восприняли еще одно древнее наследие принесения кровавой жертвы. С незапамятных времен религиозные церемонии в храмах освящались ритуальным убийством животных, иногда людей. Римляне обвиняли друидов в ритуальных убийствах, хотя сами очищали свои храмы убийством животных. Во времена Гомера человеческая жертва могла даровать благоприятные ветры или благосклонность богов. Позднее, в практике античных и ближневосточных строителей, было обычным делом заклинание ягненка или петуха и погребение его костей под краеугольным камнем. Акт кровопролития ложился в основу здания.

Эти древние корни проглядывают и в масонской легенде о смерти Хирама, зодчего Храма Соломона, отчасти принесенные с Ближнего Востока крестоносцами. В древнееврейской легенде даже говорилось, что все строители Соломонова Храма были убиты, "чтобы не построили другого храма для идолопоклонства, Хирам же был взят на небо, как Енох". Каббалистическая литература сохраняла эту легенду, и, возможно, она дошла до средневековых гильдий через вернувшихся крестоносцев. Вошедшая в своей окончательной форме в опрос, производившийся при посвящении в третью степень масонства легенда о Хираме обнаруживает христианские, каббалистические и мусульманские влияния, — причем все они входили в наследие храмовников. "Рыцари Креста, — утверждал один из историков масонства, — были фанатичными строителями: развалины их церквей до сих пор рассеяны по Святой Земле. Естественно, европейские строители должны были привлечь для исполнения работ большее количество местных рабочих, которые, разумеется, знали легенду о Храме. Вернувшись в Европу, строители привезли эту легенду с собой, и ее с готовностью приняли, так как она полностью соответствовала преданиям, даже практике того времени в Англии".

В показаниях о тайнах масонства, сделанных в португальской инквизиции в 1743 году, Джон Кустос рассказал о ритуале Мученика Хирама, который получил от царя Соломона тайный Знак Ремесла:

"Кое-кто из каменщиков или подмастерьев узнал об этом, и, желая выведать этот тайный знак, трое каменщиков сговорились при первом же случае, когда Хирам придет давать обычные указания, заставить его открыть этот знак, для чего взять под стражу три двери Храма, выходившие на восток, запад и юг; и когда Мастер пришел, каменщику одной из дверей спросил его о знаке; на это Мастер ответил, что не может открыть его, что это запрещено; и что они, проработавшие здесь долго, со временем достигнут того положения, которого хотят; тут каменщик ударил его по голове деревянной дубинкой; когда же Мастер захотел убежать через другие двери, остальные двое нанесли ему удары, один деревянной вагой, другой молотком, тоже деревянным; и от последнего удара он упал мертвым".

После совершения убийства трое каменщиков закопали тело Хирама. Но царь Соломон устроил поиски, приказал пятнадцати другим каменщикам снять все металлическое и надеть фартуки и рукавицы. Они нашли труп. Когда тело пытались достать из земли, было сделано три сигнала рукой:

"Был сделан Знак Подмастерья, то есть взят сустав указательного пальца, который отвалился, так как сгнил; был сделан второй Знак, то есть взят средний палец с целью поднять тело, он тоже отвалился таким же образом, тут они поняли, что необходимо браться за запястье, и, подняв его, тот, кто поднимал, произнес слова "Mag Vinach", что означает "он смердит и утвердился знак Мастера — взять за запястье и сказать нужные слова; по этой причине до сих пор существуют те же жесты, церемонии, знаки, о которых говорилось выше.

И они отнесли тело Мастера к Царю, Царь велел похоронить его, тело сопровождали каменщики и подмастерья с теми знаками, что названы выше; и было приказано выгравировать на его гробнице следующие слова: "Здесь лежит Хирам, Великий Мастер вольных каменщиков".

Орудия убийства Хирама были определены как двадцатичетырехдюймовая мерная линейка, угольник и молоток или

деревянная кувалда. Все эти символы присутствуют на масонских надгробьях, лежащих бок о бок с разбитыми надгробьями храмовников на старых землях ордена в Восточной Шотландии, неподалеку от залива Ферт-оф-Форт, в Балантродохе или Темпле, в Пентленде, Керри и Уэсткерке, на надгробьях храмовников изображения мерной линейки, угольника, молотка и циркуля соседствуют с мечами крестоносцев. Последующая казнь троих убийц Хирама тоже сохранилась в масонской обрядности: один был предан смерти поставленным на левое колено, другой на правое, третий на оба.

Происхождение легенды о Хираме возводится также к библейскому рассказу о пьяном Ное, обнаруженном тремя его сыновьями. Усматривались также аналогии с убийством Томаса Беккета^[60] тремя рыцарями, с предательством тремя изменниками-храмовниками Жака де Моле, последнего Великого Магистра ордена, и его последующей смерти. Но самое прямое соотнесение в Средние века представляет собой легенда о Подмастерье, которого убил молотком мастер за создание в Росслинской часовне спиральной колонны, часто встречающаяся в масонской символике. Голова этого Подмастерья, или Хирама, с раной на лбу, вырезана на стене Росслинской часовни. "Не может быть почти никаких сомнений в том, что эта легенда связана с возведением в третий градус, — говорится в недавно вышедшей "Энциклопедии масонства". — и, как следует из этого изображения, она уже существовала в тот ранний период хотя бы отчасти".

Легенду о Хираме связывают также с грехопадением Адама. Соломонов Храм отождествляется с Эдемским садом. Трое заговорщиков — с изгнавшими Адама тремя ангелами, вооруженными огненными мечами. В лекциях о "Значении масонства" использована цитата из послания святого апостола Павла: "Разве не знаете, что вы храм Божий, и Дух Божий живет в вас?" (1 Кор. 3:16). Три великих Мастера-Строителя — царь Соломон; Хирам, царь Тирский; и Хирам Абиэфф — предзнаменуют собой Троицу — христианскую и гностическую. Однако сам по себе Хирам Абиэфф представляет Архитектора, "которым все сотворено", деяния, предпринятые Сыном Человеческим, и Разум Святого Духа. "Таким образом, трагедия Хирама Абиэффа не является упоминанием о жестоком, но заурядном убийстве отдельного человека. Эта притча повествует о космической,

всеобщей утрате; является аллегорией нарушения божественного плана". Кроме того, она служит ярким свидетельством того, каким образом учения Ближнего Востока удалось повлиять на самые могущественные ремесленные организации Запада, особенно на территории их раннего дома — Шотландии.

СОЛОМОНОВ СУД

В одном раннем катехизисе для возведения масона в третий градус^[61] содержались такие вопросы:

Вопрос: Как называется твоя ложа?

Ответ: Килвиннингская.

Вопрос: Как поставлена твоя ложа?

Ответ: В длину от востока до запада, как Иерусалимский Храм.

Вопрос: Где была первая ложа?

Ответ: В притворе Соломонова Храма.

Вопрос: Есть источники света в твоей ложе?

Ответ: Три: северо-восточный, юго-западный и восточный коридоры. Один обозначает Мастера-масона, другой Слова, третий товарища по ремеслу...

Вопрос: Что является ключом твоей ложи?

Ответ: Хорошо подвешенный язык.

Вопрос: Где находится ключ от твоей ложи?

Ответ: В костяной коробке...

Вопрос: Сколько там точек братства?

Ответ: Пять. Первая — ступня к ступне. Вторая — колено к колену. Третья — сердце к сердцу. Четвертая — рука к руке. Пятая — ухо к уху. Существуют знаки братства; после рукопожатия ты будешь признан настоящим масоном.

Вопрос: Где находятся эти слова?

Ответ: В Третьей книге Царств, глава седьмая, стих двадцать первый, и во второй книге Паралипоменон, третья глава, последний стих.

Тайными словами масонов были Иахин и Воаз, названия столбов в Соломоновом Храме. Катехизис Килвиннингской ложи, которая считается самой старой в Шотландии, подтверждает тесные связи между масонами и древними верованиями в Храм Соломона. Килвиннингское аббатство было построено в XII веке по указанию

семейства де Морвиль, члены его были главными констеблями Шотландии. Они пожаловали земли в Хердманстоне рыцарям-храмовникам и росслинским Сент-Клерам и сделали их шерифами в Лотиане, установили прочную связь между Сент-Клерами и Килвиннингом, где собрались каменщики для строительства аббатства. Сэр Дэвид Брюстер, написавший первую "Историю масонства" в 1859 году под псевдонимом Вильям Александр Лори, был твердо уверен в происхождении шотландских масонов:

"То, что масонство принесли в Шотландию те архитекторы, которые строили Килвиннинское аббатство, следует не только из тех подлинных документов, по которым существование Килвиннинской ложи прослежено до конца XV века, но также из второстепенных доводов, которые служат едва ли не доказательством. Во всех странах, где признавалась мирская и духовная юрисдикция римского папы, особенно в XII веке, существовал постоянный спрос на здания духовного назначения и соответственно на рабочих-каменщиков, пропорциональный набожности жителей и богатству церковных властей; и в Европе не было королевства, где жители были бы более ревностными католиками, короли и дворяне более щедры к духовенству, а церковь более богатой, чем Шотландия. Поэтому спрос на красивые соборы и искусных мастеров в Шотландии должен был оказаться там пропорционально большим, чем в других странах, и удовлетворять его могли только профессиональные ассоциации с континента. Когда в дополнение к этим фактам мы примем во внимание, что это общество монополизировало строительство всех зданий религиозного назначения в христианском мире, то будем вправе сделать вывод, что многочисленные и элегантные руины, до сих пор украшающие Шотландию, были построены масонами, привезшими на остров обычаи своего ордена".

Далее в "Истории масонства" рассказывается, что в правление короля Якова Второго должность Великого Магистра цехов, гильдий и орденов Шотландии была пожалована Вильяму Сент-Клеру, Оркнейскому графу и Росслинскому барону. Должность эта стала наследственной и просуществовала три века — до создания Большой ложи Шотландии. Ежегодные суды Великого Магистра, где

разбирались споры между братствами или внутри братств, проводились в Килвиннинге, местонахождении первой ложи.

Ошибка здесь заключается только в том, что Сент-Клеры получили наследственную должность Великих Магистров от Роберта Брюса веком раньше, после сражения при Баннокберне, когда король занялся реорганизацией ремесленников и орденов Шотландии по храмовническим принципам. Победу король одержал главным образом благодаря шотландским ремесленникам, составлявшим основную массу пехоты, беглым рыцарям-храмовникам и трем членам семейства Сент-Клеров — один из них, Вильям, был погребен как Великий Магистр Храма, что нам известно по его надгробью в Росслинской часовне.

Король Роберт стал Верховным Магистром всех древних шотландских гильдий и орденов. Второе место отводилось Великому Магистру. Король сделал этот пост наследственным и отдал его росслинским Сент-Клерам, защищавшим Шотландию от нападений англичан с юго-востока. Должность Великого Магистра давала положение принца королевского ордена Шотландии, чем объясняется присутствие на эмблемах и гербах Сент-Клеров короны пэров. Обязанностью Великого Магистра было разбирать споры между орденами и гильдиями и внутри их на ежегодном суде в Килвиннинге. Решение его считалось окончательным. Он стоял между организациями ремесленников и Верховным Магистром, королем. Его суд был поистине Соломоновым.

В каждом исследовании того, каким образом ритуалы храмовников вошли в масонское движение, нужно учитывать то, что военный орден Храма обладал очень сильными позициями в Шотландии, где у него было более шестисот владений; что некоторые из французских рыцарей бежали с флотом и казной в Шотландию; что храмовники и семейство Сент-Клеров были тесно связаны и внесли свой вклад в победу при Баннокберне; и что после этой победы Роберт Брюс реорганизовал шотландское правительство. Отлученные от церкви храмовники вынуждены были скрывать принадлежность к этому ордену, однако в 1405 году в постановлении стирлингского суда говорится, что "храмовники" не должны покупать или продавать имущество, предназначенное для членов гильдий. Как и следовало ожидать, храмовники вошли в новое правительство Шотландии то ли

как члены королевского ордена, Верховным магистром которого был руководством Сент-Клеров, соседей и защитников штаб-квартиры храмовников в Балантродохе.

Это вхождение уцелевших рыцарей Соломонова Храма в шотландские ордена и гильдии объясняет появление храмовнических ритуалов и легенд у масонов. Ремесленники Шотландии делились на две символические группы, столпы королевства, подобные столбам Иахин и Воаз Соломонова Храма. Одна группа работала с твердыми материалами: камнем, железом, деревом, ее образовывали каменщики, кузнецы, корабельные плотники; другие с мягкими материалами: холстами, канатами, кожей... как, например, кожевники; на сохранившихся средневековых регалиях этого цеха присутствует позолоченный человеческий череп со скрещенными берцовыми костями и короной, а храмовников обвиняли в поклонении украшенному драгоценностями черепу. Эти группы ремесленников начали организовываться в ложи, каждая с магистром, который ежегодно сообщал обо всех спорах суду в Килвиннинге, где кто-нибудь из Сент-Клеров вершил Соломонов суд.

Самый ранний из существующих в Шотландии масонских документов, Керкуоллский учительный свиток, датируется XV веком, тем временем, когда Вильям, третий граф Оркнейский, строил Рослинскую часовню. Начинался свиток с сотворения зверей земных по роду их, и скота по роду его, и всех гадов земных по роду их. Ниже располагались Рай и ангелы. Ниже них находился Ковчег Завета в Соломоновом Храме. Храм поддерживали два столба, Иахин и Воаз, причем один из них имел спиральную форму, характерную для древнееврейской, византийской и масонской архитектуры — форму Колонны Подмастерья в Рослине.

Разумеется, внук принца Генри Сент-Клера, Вильям граф Оркнейский, получил от короля пост наследственного Великого магистра масонов Шотландии. К XV веку храмовники с их ритуалами и обычаями проникли в шотландские ордена и гильдии. Их наследственный судья и руководитель, граф Вильям, первым построил новый город для своих каменщиков, которые приезжали со своими верованиями и обычаями со всей Европы, чтобы построить свою уникальную часовню. "Граф Вильям считал, что у каменщиков нет подходящего места для жилья, — писал священник Хэй, — у того

места, где строил свою изысканной архитектуры часовню, так как город тогда отстоял на полмили от своего нынешнего местоположения... и поэтому поручил им построить город Росслин, сохранившийся до нынешнего времени, и дал каждому дом с земельным участком; поэтому город, благодаря большому стечению людей, обращавшихся за помощью к принцу... стал очень многолюдным, продовольствия там было в изобилии, и его считали главным городом в Лотиане за исключением Эдинбурга и Хадингтона. Граф Вильям платил каменщикам по их умению: мастерам-каменщикам по сорок фунтов в год, остальным по десять, точно так же платил кузнецам, плотникам и всем прочим".

Граф Вильям был единственным, кто построил целый город для своих каменщиков, они жили не в лачугах, а в домах с земельными участками. Рослин вскоре был признан городом. Бродячие бригады каменщиков прочно обосновались под покровительством своего наследственного судьи:

"Поэтому, чтобы не казаться неблагодарным Богу за все его благодеяния, он решил построить для богослужения храм самой изящной работы; дабы здание оказалось возведенным во всей красе и великолепии, он призвал мастеров из других краев и чужеземных королевств, — каменщиков, плотников, кузнецов, возчиков, каменотесов и остальных; и в течение тридцати четырех предшествовавших сему лет у него не было нужды в таком количестве рабочих. Заложить основание этой необычайной часовни он повелел в 1446 году от Рождества Христова".

Принц Генри строил дом для служения Господу, Храм Соломона. Он верил в Храм; он руководил каменщиками, он вершил Соломонов суд.

ХРАМ МАСОНОВ

На кладбищах Шотландии, повсюду, где обитали храмовники, можно найти могилы масонов, иногда с изображением Соломонова Храма. Восьмигранная башня разрушенного Дан-келдского собора, где двое Сент-Клеров были епископами, все еще воскрешает воспоминания о священной архитектуре, когда Зеленые люди резвились в камне наверху стен, и фреска Соломонова суда еще смутно видна внизу. Вокруг поврежденных временем окон лишенного крыши

нефа много масонских надгробий, как в Уэсткерке и Калросе, где особенный интерес представляет торговый дом сэра Джорджа Брюса — благодаря нарисованному на его деревянных стенах Храму Соломона. Здесь гильдия кузнецов устраивала собрания своей ложи; ее символ, молот, вырезан на садовой стене, как и на старом храмовническом надгробии в соседнем Уэсткерке. В Сент-Эндрюсе и Эбди, в часовне Дугласов, в Керри и Корсторфине, в Мелроузе и Блантродохе, в Килмори и Сидделе, повсюду, где мы обнаружили разбитые храмовнические надгробия, поблизости обнаруживались позднейшие масонские захоронения с похожими эмблемами. О слиянии храмовников с масонами свидетельствуют надгробия всей Шотландии.

Особенно явно это заметно в Росслинской часовне. Там храмовнические знаки соседствуют с масонскими эмблемами. Граф Вильям с высшим усердием проектировал каменное убранство этого священного сооружения, он был и наследственным Великим Магистром орденов, цехов и гильдий Шотландии. "Чтобы здание было необычайным, — писал о нем священник Хэй, — он сперва поручил сделать чертежи на привезенных из Прибалтики досках, потом велел плотникам обработать доски по чертежам, а потом дал их в виде образца каменщикам, дабы те могли вырезать то же самое в камне". Он сам был руководителем работ и распорядился сделать спиральной Колонну Подмастерья и в пару ей Колонну Графа, Иахин и Воаз своего нового Соломонова Храма.

Эта колонна имеет прямое отношение к строительству второго Иерусалимского Храма после разрушения первого Навуходоносором. На ней изображен персидский царь Дарий, пробуждающийся от сна, чтобы узнать смысл загадки. Одним из трех охранников был Зоровавель, первый воин меча и мастерка, ставший образцом для будущих храмовников. Он перевел персидскому царю слова из его сна, вырезанные в камне по-латыни:

ВИНО СИЛЬНО,
ЦАРЬ СИЛЬНЕЕ,
ЖЕНЩИНА ЕЩЕ СИЛЬНЕЕ,
НО ИСТИНА ПОБЕЖДАЕТ ВСЕХ

Царь был так доволен этим суждением, что разрешил вновь строить Храм в Иерусалиме, — что отмечено возле Колонны

Подмастерья в Росслине.

Напротив храмовнического надгробия сэра Вильяма де Сент-Клера на стене вырезан рыцарь-храмовник, за ним изображен ангел с крестом. В приделе есть изображение падающего с неба связанного Люцифера — и ангелов, делающих руками знаки храмовников и масонов, которые упоминаются в мифе о Хираме и используются в церемонии посвящения. На южной стене находится резное изображение двух рук, отодвигающих завесу, чтобы открыть взору Агнца Божьего. *Agnus Dei* — все еще украшающего жезл Великого приора нынешних шотландских храмовников. На внешней стене часовни изображена голова, неверно называемая дьяволом Бафометом, и одногорбый верблюд в память о крестовых походах на восток. Из масонских знаков на стенах чаще всего встречается восьмиконечный храмовнический крест. Изображение двуглавого орла в крипте символизирует императоров Востока и Запада и представляет собой символ масона высшей степени посвящения, каким вне сомнения являлся строитель часовни, граф Вильям.

Эмблема розы занимает часть свода и появляется во многих других местах часовни. Она символизирует розу Сарона из "Песни Песней" и Деву Марию, мистическую связь между Невестой и Женихом, между Марией, Христом и церковью. Десятки знаков маленьких Соломоновых Храмов покрывают купол и архитравы вместе с Садами Храма, вырастающими из нескольких колонн, поддерживающих сводчатые крыши. В определенном смысле вся часовня торжественно провозглашает возведение Храма в новом Иерусалиме, в Росслине, и наследники военных орденов и масоны могут обнаружить в ней множество ссылок на свои унаследованные ритуалы.

Сооружение соборной церкви Святого Матфея, а также установление жалованья настоятелю, шести пребендариям и двум регентам хора, также было актом веры, желания совершать богослужения и пропагандировать веру. Граф Вильям пожаловал священникам этого храма — и не только его — богослужебные драгоценности и редкостные одеяния. Росслинская часовня стала сокровищницей не только символов и архитектурных деталей, но и священных реликвий. С тех пор, как первый Сент-Клер приехал в Шотландию чашеносцем святой королевы Маргариты, это семейство

являлось хранителем священных реликвий. И даже в падении Сент-Клеры останутся верны своему долгу.

13. ПАДЕНИЕ РОДА САНКТО КЛАРО

СИЛА И СЛАВА

Оркнейские графы из Рослина стали жертвами своей силы и славы. Второй граф Генри унаследовал богатство и двусмысленное положение. В качестве хранителя наследника престола Шотландии он оказался в английской тюрьме вместе со своим повелителем. Но он являлся подданным и норвежского короля, так как тот владел Оркнейскими и Шетландскими островами — важными в стратегическом отношении. Короли из рода Стюартов хотели приобрести их у Норвегии, как до этого приобрели Внешние Гебридские острова. За два десятилетия пребывания у власти до смерти от чумы в 1420 году граф Генри не возобновлял связи с норвежской короной, полагаясь на фактическое владение Оркадскими островами. Как-никак, он был адмиралом Шотландии с большими земельными владениями в Мидлотиане, Файфе и Абердиншире. Обязательства перед Шотландией отменяли долг перед Норвегией.

"Он был отважным принцем, — писал священник Хэй, — хорошо сложенным, среднего роста, широкоплечим, с красивым лицом, вспыльчивым и суровым". Граф Генри получал "все продукты морем с севера в большом количестве, дом его был открыт для всех, друзья его не бедствовали, арендаторы не были угнетенными, жили в достатке, словом, он был образцом добродетели для всех своих потомков". Граф Генри пожаловал Холирудскому аббатству земли, на которых могли пастись семь тысяч овец. "Что до богатых одеяний, которые он давал для богослужений в то время... они были из шелка, золотой и серебряной парчи". Его жена Эгидия Дуглас была еще более известна щедростью и добротой. "Росту она была чуть выше среднего, а блестящий ум, чистосердечие и праведность делали ее несравненно привлекательной".

Из-за своего положения на севере Англии шотландские дворяне оказались втянутыми в Столетнюю войну. Французские союзники призывали их совершать набеги на пограничные области, если

англичане начнут продвигаться вперед во Франции, или даже плыть во Фландрию и препятствовать их вторжению. Генри, граф Оркнейский, был неудачлив в стычках со старым врагом, однако его брат Джон увлек с собой шотландских Сент-Клеров в ту страну, что была их родиной до норманнского завоевания. Он нашел там родственников, и многие Сент-Клеры служили в его Королевской шотландской гвардии.

В бою при Хомилдон-хилле граф Генри попал в плен. Едва его освободили, он снова был схвачен вместе с принцем на пути во Францию и провел в английской тюрьме несколько лет, хотя дважды получал охранные грамоты для поездки на север и улаживания семейных дел. Кроме того, он отправился с братом Джоном и шурином, лордом Дугласом, сражаться за дофина перед катастрофой при Азенкуре. Вернулся, чтобы защищать Шотландию от яростных английских контратак, что кончилось сожжением Пенрита. Участвуя в делах Скандинавии и Франции, Сент-Клеры занимали наилучшее место для защиты родной земли.

После смерти отца от чумы в 1420 году новый владелец Росслина, Вильям, не мог претендовать на титул графа Оркнейского. Он был младшим, к тому же пребывал в роли заложника у англичан, дожидаясь выкупа за короля Шотландии Якова. Норвежский король Эрик воспользовался благоприятной возможностью и утвердил свою власть над Северными островами.

Сэр Дэвид Мензис оф Уим был шурином прежнего графа Оркнейского, он удерживал замок в Керкуолле и устроил там царство террора. Другие члены семейства Сент-Клеров, — теперь их фамилия стала писаться как Синклер, — владели землями, правами и всеми средствами добивались власти и привилегий. Норвежский король для утверждения собственной власти давал в разное время королевскую грамоту разным претендентам — Дэвиду Мензису, Джону Синклеру, Томасу Синклеру и даже Томасу Таллоху, оркнейскому епископу, наконец примирившемуся с норвежской короной и на краткое время получившему "все Оркнейские острова со всеми королевскими правами". Однако епископ помог написать один из важнейших документов истории островов, "Происхождение графов Оркнейских". Из него следовало, что притязание юного Вильяма, третьего Сент-Клера графа Оркнейского законно, что он ведет свой род от Рогнвальда Мора, первым получившего этот титул от древних королей Норвегии.

И лишь в 1434 году, под сильным нажимом со стороны шотландской короны, король Эрик официально пожаловал Вильяму Сент-Клеру графский титул на условиях, принятых его дедом. Это был первый ход в стратегии Стюартов, стремившихся присоединить Северные острова к своей стране.

Граф Вильям властвовал на севере в течение пятидесяти лет. "Он был очень красивым мужчиной, высокого роста, широкоплечим, белокурым, стройным, пропорционально сложенным, скромным, любезным, склонным к политике, строил замки, дворцы и церкви, насаждал леса, разбивал парки и насаждал живые изгороди". Жил он на широкую ногу, лорд Дирлетон был его дворецким, лорд Бортуик кравчим, лорд Флеминг стольником. "Его залы и палаты были богато украшены вышитыми драпировками; он построил росслинскую церковь с красивыми помещениями и галереями. Построил также мост возле замка и канцелярию". А еще — специально для каменщиков — превосходную часовню и новый город Росслин.

Граф Вильям содержал в роскоши свою первую жену и кузину, Элизабет Дуглас. "Она пользовалась большим почетом, как благодаря происхождению, так и высокому положению; ей прислуживали семьдесят пять фрейлин, пятьдесят три из них были дочерьми дворян, все они были разодеты в шелк и бархат, носили золотые цепи и прочие украшения; во всех поездках ее сопровождали двести всадников. По пути в Эдинбург, если было темно, перед ней несли восемьдесят зажженных факелов... Никто в стране не мог сравниться с ней, кроме ее королевского величества".

Такое царственное великолепие вызывало при шотландском дворе ревность и зависть; однако служение графа Вильяма было слишком ценным, чтобы отстранить его. В сане адмирала Шотландии он отправился во Францию с сестрой короля, где та вышла замуж за дофина; ему сопутствовали сто человек, "двадцать в черном и белом бархате с его гербом, зубчатым крестом на серебряном поле; двадцать в золотистом и голубом бархате, с гербом Оркнейских островов, золотым кораблем с двумя лентами и лилией на голубом поле". Через два года после катастрофического поражения при Невилс-Кроссе в 1446 году он отразил очередное вторжение англичан и отправился с дипломатической миссией в Лондон, чтобы заключить мир в конце Столетней войны. Он поддерживал короля Якова Второго в борьбе с

семейством Дугласов и получил должность лорда-канцлера королевства. Однако в 1456 году поссорился с королем, возможно, потому что правитель Исландии был захвачен вместе с казной, когда укрывался от шторма на Оркнейских островах, — этот случай подорвал усилия Стюартов завязать добрые отношения с норвежским королем. Десять лет спустя старший сын графа Вильяма бросит в тюрьму епископа Вильяма Таллоха за попытку испортить норвежско-шотландские отношения, срыв переговоров о брачном союзе между этими двумя королевскими семьями, благодаря которому Оркнейские и Шетландские острова перешли бы к юному Якову Третьему, при котором граф Вильям был регентом во время его малолетства. Король заключил брак с дочерью датского короля Христиана, и Северные острова перешли к Шотландии как залог выплаты приданного принцессы в шестьдесят тысяч золотых флоринов.

Этот залог привел к лишению Вильяма Сент-Клера титула графа Оркнейского. От него также потребовали обменять Керкуоллский замок на Рейвенскрегский, способный выдержать артиллерийский обстрел и превосходно защищавший его земли в Файфе. В обмен на земли в Нитсдейле ему был пожалован титул графа Кейтнесского. И поскольку его шотландские владения стали теперь гораздо более ценными, чем норвежские, которые он контролировал на Оркнейских и Шетландских островах, он с удовольствием разрешил проблему подданства двум коронам в пользу Шотландии.

Однако он сохранил на Северных островах значительные поместья — завоеванные, купленные или пожалованные. Их было столько, что удержание их привело к усобице между внуками графа Вильяма, лордом Генри Синклером и сэром Вильямом оф Уорсеттер, и к битве при Саммердейле, из которой с островов вернулась лишь отрубленная голова графа. К XVI веку между семьями Синклеров возникали нелады не только в Уорсеттере, но и в Эйте, Бреке, Броу, Эдее, Эссинквое, Эви, Хавере, Хуссе, Ханто, Исбитере, Нессе, Куендейле, Сент-Ниниенсе, Сторме, Самберге, Такое, Астенессе и Восте-ре. Разделившее территорию громадной империи Сент-Клеров на Северных, островах семейство навсегда утратило власть.

Однако лорд Генри отчасти восстановил престиж графа Вильяма и был известен как щедрый покровитель искусств. Он попросил своего

родственника Гэвина Дугласа, епископа Данкелдского, перевести "Энеиду" на шотландский язык. В прологе говорилось:

С просьбой ко мне обратился друг,
Любитель книг, покровитель наук,
Лорд Генри из славного рода Сент-Клеров,
Вергилия перевести иль Гомера...

Он служил королям как "командующий всеми нашими машинами и артиллерией" и продал Якову Четвертому "восемь машин, именуемых "серпентинис" за сто фунтов", они были выплачены его вдове после гибели обоих при Флоддене^[62].

Граф Вильям сохранял власть во второй половине XV века, у него оставались владения на Оркнейских и Шетландских островах, в Кейтнесе, Абердиншире, Файфе и Лотиане. Он был, как писал священник Хэй:

"Человеком редких достоинств, благородной души, пронизательного ума, способности к великим делам, знаменитым не только добродетельностью и набожностью, но и военной дисциплиной; он был в большой милости у принца и поднялся до величайших званий, какие в то время мог получить подданный. Он не позволял вздергивать преступников на дыбу, применять пытки, из-за которых многие невинные признавались в преступлении, а потом несправедливо осуждаюсь на казнь, или, если человек выдерживал пытки, вывихнутые суставы и слабость делали дальнейшую жизнь тяжким бременем. Он построил Росслинский замок, расположенный в самой плодородной местности у реки Эск, на невысоком холме, с величественными арками по обе стороны скалы... Еще граф Вильям построил среди лесов соборную церковь с колоннами, радующую глаз с разных сторон, заимствовал достижения тосканских, дорических, ионических, коринфских и итальянских архитекторов".

В соответствии с духом Нортхэмптонского договора Блэкруд^[63] был возвращен Шотландии — в отличие от считавшегося подлинным Камня Судьбы. Как сообщается в хрониках, граждане Лондона не позволили его забрать. Они чтити священный характер реликвии, не догадываясь, что настоящий камень всегда оставался в Сконском аббатстве в Шотландии. Его подменили, и англичане не могли

отличить один от другого. Вот почему Роберт Брюс не требовал его возвращения.

Хотя Блэкруд был снова захвачен после Невиллс-Кросского сражения и стоял "с Девой Марией и святым Иоанном, сделанным из серебра, словно бы закопченными", на столпе у гробницы святого Катберта в Даремском соборе, возвращение этой святой реликвии в Шотландию организовал граф Вильям во время дипломатической миссии на юге. Блэкруд привез в Шотландию первый Сент-Клер, чашеносец королевы Маргариты, а "Дева Мария и святой Иоанн, сделанные из серебра", были даром его отца Ньюбэттлскому аббатству. Таким образом, росслинские Сент-Клеры вернули одну из своих наследственных обязанностей — быть хранителями священных реликвий своей страны. Но на сей раз они решили обезопасить их от любого вторжения англичан. Граф Вильям построил сокровищницу для хранения этих священных предметов в любое опасное время.

Перестройка замка, часовни и строительство нового города Росслин поглотили значительное богатство Сент-Клеров. Замок был уже уничтожен огнем. Однажды во время охоты увидели слепую крысу с соломинкой во рту, сочли это зловещим предзнаменованием, и четыре дня спустя горничная подожгла постельное покрывало свечой, вытаскивая из-под кровати щенка. Огонь уничтожил большую часть замка, но одному священнику удалось спасти четыре больших сундука с документами и грамотами, которые отдал графу. "Однако все это не мешало ему ни строить церковь, ни помогать бедным: он помогал им больше, чем обычно, считая спасение грамот и бумаг провидением Божиим".

Графа прозвали "Необыкновенным", но он был еще и расточительным. Он оставил мало денег, чтобы помочь наследникам его разделенного наследия, и король Шотландии потребовал раздела владений такого могущественного подданного. Земли графа на Оркнейских и Шетландских островах его внуки оспаривали друг у друга. Его старший сын, прозванный "Вильямом Расточителем" из-за решения суда, объявившего его *incampus mentis et fatuus* (находящимся не в здравом уме и рассудке) и "расточителем своих земель и добра", промотал часть семейных владений, другую часть присвоил его незаконнорожденный брат сэра Дэвид Синклер. Кейтнесское графство, земли в Файфе и Лотиане перешли к двум сыновьям графа Вильяма от

второго брака с Марджори Сазерленд из рода Роберта Брюса. Новый кейтнесский граф поссорился с королем Шотландии Яковом Четвертым, но искупил вину, приехав со всем своим одетым в зеленое кланом сражаться при Флоддене, где погибли и он, и король. С тех пор никто из Синклеров не носил одежды зеленого цвета.

При Флоддене погиб и сэр Джон Синклер, которого поэт Данбар прозвал "Рыцарем королевы", из Драйдена, находящегося неподалеку от Рослина.

Новый владелец Рослина, сэр Оливер Синклер, завершил строительство часовни, хотя не всей крестообразной церкви, которую спроектировал его отец. Его многочисленные сыновья продолжили дележ земель в Лотиане и Файфе, однако его наследник Оливер сохранил Рослин, Пентленд и стал фаворитом короля Якова Пятого, командующим шотландской армией. Священник Хэй назвал его "выдающимся любимчиком" и рассказал о его бегстве при Солуэй Моссе, — эта битва ознаменовала надвигающийся крах шотландской независимости и семейства Синклеров.

"Оливер счел, что пора показать свою славу, поспешил развернуть королевское знамя, ухватясь за два копыя, влез на плечи солдат и под звуки трубы объявил себя генерал-лейтенантом, потребовал, чтобы все повиновались ему, как королю, под страхом смертной казни, и вскоре послышался громкий шум и волнение. Враг, увидев беспорядок, ринулся вперед, шотландцы стали спасаться бегством, некоторые переправились через реку, но, избежав этой опасности, по незнанию местности увязли в моховом болоте; счастлив был тот, кому удалось за что-то ухватиться. Тучный Оливер повалился, и его слава внезапно обернулась смятением и позором".

ПАДЕНИЕ РОДА САНКТО КЛАРО

"Оливер бежал! — воскликнул Яков Пятый, король Шотландии, услышав, что его фаворит Оливер Синклер проиграл битву при Солуэй Моссе. — Все пропало!". Вскоре после этого он в тридцатилетнем возрасте оказался на смертном ложе, и когда узнал, что его жена, Мария де Гиз, родила дочь, сказал о своем королевстве: "Конец, оно пришло с девчонкой и уйдет с девчонкой". Независимое королевство пришло к Стюартам через брак с принцессой из рода Брюса и уйдет с дочерью Якова Марией, королевой Шотландской. Хотя Стюарты

унаследуют английский трон, как и шотландский, соединение двух корон будет означать уменьшение шотландской свободы и потерю росслинскими Синклерами власти в своей стране.

Синклеры были ревностными католиками, преданными короне Шотландии. Священник Хэй обвинял Оливера Синклера и "других любимчиков, которые были наемниками священников" в том, что они ввели его в заблуждение относительно Реформации, и он "торжественно поклялся не щадить никого из подозреваемых в ереси, хоть бы то был его сын". Это подтверждается необычным "Обязательством", которое Мария де Гиз подписала третьего июня 1546 года, когда через четыре года после смерти мужа стала регентом Шотландии. Обязательство было выдано "сэру Вильяму Синклеру из Росслина за его личные заслуги", в нем говорилось:

"Да будет известно всем... Вышеупомянутый сэр Вильям обязан оказывать нам особые услуги во все дни своей жизни и сопровождать нас во всех поездках со своими родственниками, слугами и друзьями... Настоящим мы даем обязательство вышеназванному сэру Вильяму. Мы будем ему справедливой повелительницей, его советы и секреты, доверенные нам, мы сохраним в тайне, — и во всех делах станем давать ему наилучшие по возможности советы, какие потребуются, будем во все времена поддерживать и защищать его..."

Ему было пожаловано пожизненное пособие в сумме триста марок в год, и сэр Вильям Синклер получил должность верховного судьи Шотландии. Это была время борьбы с радикальными кальвинистами, стремившимися навязать Реформацию католической церкви в Шотландии; союзниками их были английские протестантские войска, которые два года назад разграбили Эдинбург, Мелроуз, Холирудское аббатство и Росслинский замок. Они хотели покорить Шотландию до того, как она станет католической угрозой при поддержке семейства де Гизов и Франции. Хотя могилы шотландских королей и королев были осквернены, аналой с орлом и массивная бронзовая купель, полученные от данкелдского епископа, похищены из Холирудского аббатства, английские грабители не смогли захватить религиозных регалий и сокровищ.

Причина этого заключалась в том, что Вильям Синклер, семейство которого обеспечивало деньгами аббатство, забрал священные реликвии и драгоценные чаши и отказался возвращать их. Росслинские

Синклеры были щедрыми благотворителями монашеских орденов. Оркнейский граф Генри пожаловал аббатству землю, достаточную для выпаса семи тысяч овец, одеяния из золотой и серебряной парчи, и "дорогие, украшенные камнями чаши" или потиры "для более достойного богослужения". Грамоты цистерцианского аббатства в Ньюбэттле, — тоже разграбленного при вторжении англичан, — восхваляли его щедрость, в том числе дарение молитвенников и серебряного креста ценой в пятьдесят фунтов, с фигурами Девы Марии по бокам, на время похищенного англичанами после Невиле-Кросской битвы. Многие из сокровищ шотландской церкви перед Реформацией представляли собой дары росслинских Синклеров, и они считали своим долгом сохранить их.

В марте 1545 года лорды из Совета велели Вильяму Синклеру вернуть все драгоценные камни, одеяния и украшения "Холирудского аббатства... хранящиеся у него дома". Но он не подчинился. Они находились в тайной сокровищнице в подвалах Росслинской часовни, рядом с усыпальницей. Скорее всего, в тайном складе хранилась и частица Истинного Креста в ковчеге из золота, серебра и драгоценных камней, которую охраняли чашеносец святой Маргариты и семейство Сент-Клеров в течение пяти столетий как самую драгоценную реликвию в Шотландии. Реформация в Англии уже уничтожила почти все святыни и драгоценные реликвии старой католической веры, и Холирудское аббатство тоже будет навсегда обезображено. Шотландия станет еще более усердной в уничтожении священных сокровищ Средних веков.

Хорошо, что эти священные сокровища не вернулись из Росслина, После очередного поражения шотландцев при Пинки Клу Холируд был снова разграблен. На сей раз английские захватчики смогли унести только свинец, содрав с крыши последний металл. Разрушение было до того полным, что самая прекрасная церковь в Шотландии стала после Реформации карьером для мародеров. Однако стражу религиозных сокровищ, сэру Вильяму Синклеру, было доверено сопровождать маленькую Марию, королеву Шотландскую, во Францию, где она обручится с дофином; тем временем ее мать пыталась в отсутствие дочери править непокорной Шотландией. На высокопоставленных католических священнослужителей уже совершались нападения. Джон Нокс, будущий лидер Реформации,

увидел Божью волю в поражении шотландцев при Со-луэй Мосс, а возложение короны регента на голову Марии де Гиз назвал помещением "седла на спину норовистой коровы". В тот же месяц, когда она подписала "Обязательство" Вильяму Синклеру, группа лордов из Файфа ворвалась в замок Сент-Эндрюс и до смерти замучила кардинала Битона за то, что он осудил на сожжение на костре ведущего протестантского проповедника. Джон Нокс присоединился к мятежным лордам и стал проповедовать с кафедры сент-эндрюсского прихода, потом его отправил на галеры французский десант, отбивший замок для Марии де Гиз. В 1556 году ей пришлось предоставить право безопасного проезда своему доверенному лицу, Вильяму Синклеру, и отправить его во Францию за новыми подкреплениями. Он был на год освобожден от обязанностей верховного судьи, и Мария де Гиз поклялась защищать спрятанные в Рослине сокровища.

Религиозные войны в Шотландии обострились со смертью в 1558 году бездетной католической королевы Англии Марии Тюдор и восшествием на престол ее единокровной сестры, протестантки Елизаветы. К этому времени Мария, королева Шотландии, была уже замужем за дофином, и французский король Генрих Второй немедленно провозгласил ее королевой не только Шотландии, но и Англии с Ирландией. Поэт Ронсар писал, что Юпитер предопределил ей править Англией три месяца, Шотландией три года, а Францией полгода. Французская и католическая угроза казалась такой неминуемой, что шотландские мятежники-протестанты атаковали пограничные районы и на время заняли Эдинбург. Еще одно срочное воззвание к "нашему избранному сыну", Вильяму Сент-Клеру из Рослина, Мария де Гиз за год до своей смерти, в 1560 году, подписала от имени Франциска и Марии, как *Deo gratis Rex et Regina Scotorum* (Милостью Божией Король и Королева Скоттов). Там содержался приказ контратаковать пограничных мятежников, захватить и арестовать их, сколько бы их ни было, уничтожить их укрепленные дома и наказать за убийства и поджоги. Сам он получил неподсудность за все противозаконные действия, которые мог предпринять.

Твердые сторонники Стюартов и католического дела, рослинские Синклеры были обречены Реформацией, которая произошла на другой год, шотландский парламент ввел протестантское вероисповедание, отменил юрисдикцию папы и запретил отправление мессы под страхом

смертной казни за третье нарушение запрета. Эти акты были представлены на утверждение Марин, королеве Скоттов, однако такового не получили. Впрочем, они стали залогом принятия Реформации в Шотландии, и росслинские лорды будут осуждены за свою веру и верность короне. С падением Марии, королевы Шотландской, и пленения ее англичанами через семь лет после смерти матери, Вильям Синклер был арестован, будущее его владений оказалось в опасности, однако в конце концов их возвратили ему.

Нападения эдинбургской черни в 1592 году опустошили Росслинскую часовню, хотя сотню образов Девы Марии, апостолов и святых убрали из них в подвалы с усыпальницей и священными сокровищами католической веры. Четыре алтаря, посвященные Деве Марии, святым Матфею, Андрею и Петру, были разрушены. Однако роскошная часовня, полная языческих по сути изображений и Зеленых людей, не была разрушена полностью по двум причинам. Первая заключалась в том, что Синклеры оставались наследственными Великими Магистрами цехов, гильдий и масонов Шотландии, хотя многие из этих организации вышли из католической веры и приняли протестантскую. Второй причиной послужил *секрет, доверенный* Марии де Гиз, которой она *сохранила в секрете* — местонахождение под алтарем сокровищницы, где хранились религиозные реликвии и драгоценности, в том числе вывезенные из Холирудского аббатства и оставшиеся после падения храмовников, в надежных руках Синклеров или Санкто Кларо. Сознание, что Росслинская часовня представляет собой священное место, чтимое как масонами, так и католиками, остановило молотки и топоры религиозных фанатиков.

В последние годы XVI века, когда шотландский король Яков Шестой готовился стать английским королем Яковом Первым по смерти Елизаветы, росслинские Синклеры были признаны верными подданными своего суверена, хотя они хранили спрятанные католические сокровища под часовней. Этим объясняется необычная петиция Шоу от 1600 года. Ее подписал Вильям Шоу, управитель королевских работ и ведущий каменщик всей Шотландии, как за столетие до него Джон Мороу. Кроме него поставили подписи главные лица в строительных профессиях. Документ этот подлинный, он хранится в архиве шотландских масонов. В нем содержится просьба к росслинским Синклерам вновь принять на себя роль наследственных

Великих Магистров цехов, гильдий и орденов Шотландии, потому что в последнее десятилетие, когда Синклеры были отстранены от своих обязанностей, произошли серьезные беспорядки. В начале петиции полностью признается власть росслинских баронов в предшествующие столетия:

"Мы, главы цехов, мастера и вольные каменщики королевства Шотландия, с согласия и по поручению Вильяма Шоу, управляющего работ нашего суверенного повелителя короля, — поскольку из века в век Росслинские Лорды были покровителями и защитниками нас и наших привилегий — как наши предшественники повиновались им и признавали их своими покровителями и защитниками..."

Владельцы Рослина временно утратили свое традиционное судейское положение из-за религиозного конфликта и подозрения в том, что они по-прежнему поддерживают католическое дело и род Стюартов. Но близкая смерть королевы Елизаветы и предстоявший переезд Якова Шестого со двором в Лондон делали невыносимой перспективу новых волнений в ремесленных организациях, когда их единственный судья будет находиться в далеком Вестминстере. Синклеры традиционно являлись роялистами, и всегда играли очень важную роль в Шотландии. Это подтверждается другой петицией, переданной им тридцать лет спустя и вновь подписанной всеми ведущими шотландскими масонами. В это время шотландский и английский престолы занимал второй Стюарт, Карл Первый, и оказывавшаяся ими поддержка власти епископов над могущественными прихожанами вновь угрожала вызвать религиозный конфликт; который в итоге закончился Гражданской войной. Росслинские бароны символизировали былую стабильность посреди ненадежного будущего. Как говорилось в петиции:

"Мы от своего имени и от имени наших братьев и ремесленников соглашаемся, чтобы Вильям Сент-Клер из Рослина и его наследники взяли в свои руки судопроизводство над нами и нашими потомками на все будущие времена как покровители и судьи над нами и нашими братьями в королевстве"

Однако в 1615 году Вильяма Синклера приговорили к смерти за то, что он укрывал у себя иезуита-священника и проводил мессы в Рослине. Но повешен был только священник, приговор владельцу Рослина отменил король Яков Шестой, памятуя о долгой службе этого

семейства династии. Вильям Синклер был вынужден бежать в Ирландию. Как писал священник Хэй. "причиной его бегства были главным образом пресвитериане, которые очень досаждали ему из-за его католической веры". Однако девять лет спустя росслинские грамоты были публично зачитаны на Рыночной площади Эдинбурга от имени короля.

Эта церемония повторилась в 1648 году, когда Карл Первый уже проиграл гражданскую войну. Два года спустя, после катастрофы в битве при Данбаре, значение Росслинской часовни было открыто по странному милосердию мстительных английских пуритан. Как всегда, верный Стюартам другой Вильям Синклер погиб, отражая нападение англичан с юга. Его тело привезли в часовню и погребли в доспехах в подвале в день поражения при Данбаре, где сражался его сын и наследник Джон. Священник Хэй видел его труп, когда подвалы в XVII веке открывали в последний раз перед тем, как засыпать песком и гравием, а потом заложить тесаным камнем, в каковом виде мы и нашли их, когда пытались найти тайную усыпальницу и спрятанные там религиозные сокровища.

"При открытии подвала труп его оказался нетронутым тлением, однако когда к телу прикоснулись, оно рассыпалось в прах; он лежал в доспехах, в красной бархатной шапочке на голове, лежащей на плоском камне. Ничто не испортилось, кроме белой меховой опушки вокруг шапки на затылке. Все его предки были похоронены таким же образом, в доспехах. Последний Росслин, мой добрый отец, был первым похоронен в гробу, вопреки желанию короля Якова Седьмого, который находился тогда в Шотландии, и еще нескольких людей, сведущих в древней истории..."

Когда генерал Монк прибыл со своими войсками после победы при Данбаре, он разрушил большую часть Росслинского замка, который доблестно оборонял Джон, сын сэра Вильяма; в итоге оказавшийся в английском плену. Генерал Монк разместил в часовне своих лошадей. Но не очищал ее огнем и молотом, не пытался проникнуть в подвалы. Самое убедительное объяснение такого поступка заключается в том, что сам лорд-протектор Оливер Кромвель учился в Лондонском Тампле, был магистром масонов в Англии и знал, что Синклеры являлись наследственными Великими Магистрами масонов

Шотландии и построили часовню как новый Соломонов Храм для хранения масонских тайн.

Владельцы Рослина оставались верны Стюартам и католическому делу. Новый владелец, Джеймс Синклер, следовал обычаям предков. "Он щедро покровительствовал строительству и тянулся к священникам, — писал Хэй о своем приемном отце, — эти две склонности истощали его состояние. Он умер в почтенном возрасте, с репутацией честного человека, но... был слишком снисходительным". И слишком верным. Его сын погиб, сражаясь за короля Якова в Бойносской бите, а "Славная революция"^[64] и переход престола к протестантскому принцу Вильгельму Оранскому привели к еще одному нападению черни на часовню и замок. Хэй особенно жалел о разграблении знаменитой библиотеки, обладавшей собранием средневековых католических молитвословов, большинство которых было собрано в XVI веке после того, как они "были унесены сбродом из монастырей во время Реформации". Сам Хэй лишился "нескольких замечательных книг, в том числе подлинного манускрипта Адама Авеля", серого монаха из Джедбергского монастыря, автора "Колеса времен", *Rota Temporum*, — истории Шотландии с древних времен до Тюдоров. После этого последнего нападения часовня была заброшена, лишь толстая каменная крыша и запечатанные подвалы хранили скрытые в ней тайны. "Но поскольку для сохранения ее ничего не делается, — заметила Дороти Вордсворт в один из приездов, — она в конце концов должна рухнуть".

Последняя экспедиция Синклеров на Балтику тоже окончилась крахом. В Кальмарской войне 1612 года Дания и Норвегия сражались со Швецией, набравшей войска в Шотландии. Отряд в четыреста человек высадился в Ромсдальфьорде в Норвегии, неподалеку от древних земель Моров, предков Синклеров, и отправился пешком на восток, к Швеции. Солдаты кормились грабежом, но в горном ущелье у Крингена попали в засаду, устроенную местными крестьянами. Когда деревенская девушка по имени Прилларгури подала сигнал, затрубив в рог, норвежцы устроили обвал, пошли в атаку и перебили шотландцев, в том числе и одного из командиров, Джорджа Синклера. Балладу об этой победе до сих пор поют в норвежских школах, памятник Йоргену Синклеру обозначает это кровавое место, и называется оно Ущелье Синклера.

Сент-Клеры пали на Оркнейских островах также из-за преданности делу Стюартов и католической вере. Замок Керкуолл был уже разрушен, когда Джон, магистр из рода Сент-Клеров бежал сюда после участия в восстании якобитов^[65] в 1715 году. Его мемуары трогают описанием страданий за проявленную верность. Он писал о долгой преданности Сент-Клеров шотландскому королевскому семейству:

"... Безо всякой благодарности они навлекли на нас значительные потери, особенно во времена Кромвеля; и мы остались безо всякой помощи, кроме той, что черпали в своем мужестве. Мой отец был единственным из шотландцев, у кого достало смелости протестовать против возведения короля Вильгельма на трон, но ему не вняли, Бог весть почему; и вот, во время потерь при служении делу королевскому семейству, обычная его благодарность едва оставила ему достаточно хлеба, чтобы прокормить многочисленную семью с одиннадцатью детьми, которые быстро росли, и это при том, что он с честью отстаивал свои принципы. Учитывая все это и то, как со мной обошлись, и пребывание в том жалком положении, когда вещи видятся в истинном свете, как перед смертью, можно ли винить меня за горестные размышления, смех над сумасбродством и необъяснимыми причудами людей, и необычность моего дела (изгнанника за дело семейства Стюартов), когда я знаю, что величайшим преступлением, какое я или мои родные могли совершить, является верное и упорное стремление к собственной гибели посредством служения королевскому семейству; и после всего этого им было угодно обречь меня и мою семью на голод?"

Хотя кейтнесская и фэйфская ветви семейства Синклеров временами процветали, могущество росслинской пошло на убыль. К концу XVIII века прямое наследование замка и часовни прекратилось с девицей, вышедшей замуж за Эрскина и потом за Уэдденберна, который стал лордом Логбороу, потом лордом-канцлером, а затем первым графом Росслином. Последним из длинной мужской линии Санкто Кларо, которая правила в Росслине семь столетий и хранила тайны храмовников и масонов, веру Средних веков, также был Вильям Сент-Клер или Синклер. Член королевской роты лучников, телохранитель короля от Шотландии, он вызывал восхищение у сэра Вальтера Скотта, который писал о нем:

"Рост последнего Рослина значительно превышал шесть футов, у него были темные, тронутые сединой локоны, прямой стан, широкие течи, узкая талия, казалось, он создан для войны или охоты, во взгляде его сквозили сдержанная гордость и властность, лицо было в целом красивым, привлекательным, хотя, если присмотреться, отдельные черты были грубоватыми, резкими. Он был смуглым, и мы, школьники, собравшись посмотреть, как он блещет силой и сноровкой в старой шотландской игре в гольф и в стрельбе то лука, думали и говорили между собой, что он напоминает знаменитого основателя рода Дугласов... Во всех мужских развлечениях, которые требуют силы и ловкости, Рослина не было равных; но особенно он любил стрельбу из лука".

Разумеется, "знаменитым основателем рода Дугласов" был великан, погибший пять столетий назад в Испании с сердцем Брюса, сэр Вильям де Сент-Клер, храмовническое надгробие которого находится в Рослинской часовне. Но этот "последний Рослин" отказался от наследственной роли Великого Магистра цехов, гильдий и орденов, чтобы стать первым избранным Великим Магистром Большой ложи своей страны. Документ об отказе от его наследственных прав подтверждает их существование:

"Я, Вильям Сент-Клер из Рослина, эсквайр, приняв во внимание, что масоны в Шотландии по нескольким документам назначали моих предков, Вильяма и сэра Вильяма Сент-Клера из Рослина, и их наследников своими покровителями, защитниками, судьями или магистрами; и что мое обладание такой юрисдикцией, правом или привилегией может быть пагубно для братства масонов, членом которого являюсь и хочу содействовать его благу и пользе в меру своих сил, настоящим от своего имени и от имени моих наследников отказываюсь от всех прав и претензий быть покровителем, защитником, судьей или магистром масонов в Шотландии в силу всяких документов, пожалованных масонами, или грамот кого-либо из королей Шотландии...".

Это отречение "последнего Рослина" от значительной роли, которую он унаследовал, является окончательным доказательством того, что Сент-Клеры представляли собой соединительное звено между древней аристократией и демократией. Если в каком-либо семействе существовала прямая кровная линия, которая передавала

сокровенные знания Средних веков в нынешний век, на эту роль могут претендовать Сент-Клеры. Более пяти столетий они были наследственными Великими Магистрами цехов, гильдий и орденов и, наконец, масонов Шотландии. Благодаря связям с храмовниками они привнесли в масонские обычаи древние восточные ритуалы. Много столетий они являлись хранителями наследника трона Шотландии и вождями, руководившими защитой королевства от нападения англичан. Благодаря им Оркнейские и Шетландские острова стали достоянием шотландской короны. Они были крестоносцами, которые отправлялись на поиски Нового Света и Грааля, который символически помещен в замечательную часовню, построенную на основании их загадочных познаний. Их знания, за исключением того, что они написали в камне, утрачены. Но если эта книга кое-что освещает в прошлом этого загадочного семейства — Санкто Кларо, "Святого Света" — ее можно приравнять всего лишь к узкому лучику, пронзающему мрак былого.

ЛЕГЕНДЫ О ТАЙНАХ И СОКРОВИЩЕ

В XII веке Иоахим Флорский разработал представление о мире, разделенном на несколько эпох, которые завершатся Новой Эрой. В XVIII веке в Германии возродилась вера храмовников и розенкрейцеров, отсчитывавшая начало шестой эпохи от смерти последнего Великого Магистра ордена Соломонова Храма — Жака де Моле. Он знал тайны каббалы и ессеев, первым получил масонское имя Хирама, убитого зодчего Храма Соломона, был обладателем не только тайной премудрости, но и громадного количества священных сокровищ, которые хранились в двух колоннах Тампля в Париже. В том числе короны Иерусалимского королевства, семисвечника первого Храма и четырех золотых изваяний евангелистов из церкви Гроба Господня в Иерусалиме.

Эти сокровища были перевезены на кораблях храмовников, бежавших в Шотландию, как утверждал Джордж Фредерик Джонсон, самозванный "провост-генерал храмовнического ордена шотландских лордов". Влиятельный немецкий храмовник, Барон фон Хунд унд Альтенгроткаре, утверждал, что его привлек в орден сам принц Карл Эдуард Стюарт, "Молодой претендент". Сам барон в свою очередь привлек в правление ордена двенадцать немецких принцев, хотя те

больше верили в мифическое сокровище Грааля из "Парцифаля", чем в тайный клад в парижском Тампле.

В начале XIX века французы, а вслед за ними и немцы заявили о находке грамоты от 1324 года, в которой де Моле перед смертью назначил Великим Магистром Жан-Марка Лармения, в свой черед передавшего это звание некоему Томасу Теобальду из Александрии. Бежавшие в Шотландию храмовники были осуждены как дезертиры, и разрыв между храмовниками Франции и Шотландии существует по сей день. Считается, что меч Жака де Моле был найден и стал значительным символом. Противники масонов во Франции видели в возрождении храмовников давний заговор, идущий от еретиков-гностиком через ессеев, ассасинов, катаров, храмовников и масонов в наше время и ведущий нескончаемую подрывную деятельность против папы и короля, своего рода революционный анархизм.

Поскольку росслинские Сент-Клеры были хранителями и дарителями священных реликвий и долгое время поддерживали связь с храмовниками, не удивительно, что храмовнические сокровища считали спрятанными в Рослине. На самом деле там скрывали наиболее священные предметы своей страны, такие, как Черный крест, содержащий частицу Истинного Креста, и прочие. В 1693 году в *Theatrum Scoriae* писали:

"Нам сообщили, что громадные сокровища, стоящие несколько миллионов, лежат спрятанными в одном из подвалов. Они находятся под охраной одной леди в древнем доме Сент-Клеров, которая, забыв о своем долге, давно пребывает во сне. Однако разбуженная звуком трубы, который должен быть услышан в одном из нижних помещений, она должна появиться и указать место, где лежат сокровища".

Разумеется, громадное богатство Сент-Клеров после появления беглых храмовников в Шотландии в течение двух столетий наводило на мысль, что их сокровища до сих пор погребены в Рослине. Свидетельства документов, бурильные установки, радары, лозоходцы, сновидцы и экстрасенсы дружно указывают на наличие в подвалах металла или сокровищ. Однако подобраться к ним пока не представляется возможным.

Наиболее стойким оказался миф о том, что Святой Грааль или драгоценный металл находится в Колонне Подмастерья.

Распространителем его был Вальтер Штайн, знаток легенд о короле Артуре; он утверждал, что храмовники перевезли Грааль из спиральной колонны в Синтре, в Португалии, в Росслин и спрятали в такой же колонне. Их паломнический маршрут прошел Василий Валентин, автор книги "Триумфальная колесница антимолия" (*Cygnus triumphalis antimonii*), содержащей ключи к тайнам алхимии. Гитлер обращался к Штайну через Рудольфа Гесса с просьбой помочь отыскать Грааль, который вызывал острый интерес тайных обществ нацистского движения, вдохновленных Вагнером и крестовым походом тевтонских рыцарей на восток — Гитлер полностью восстановил их штаб-квартиру в Мариенбурге. Вера, что Грааль находится в Шотландии, могла стать одним из побудительных мотивов, заставивших введенного в заблуждение Гесса вылететь туда во время Второй мировой войны — подобно дезертирам-храмовникам. Ганс Фукс, друг Гесса и член тайного нацистского общества "Туле"^[66], посетил Росслинскую часовню в мае 1930 года, расписался в книге гостей и сообщил членам Эдинбургского теософического общества, что Гесс отождествлен с Парцифалем — таким было его прозвище в нацистских кругах — и считает Росслин одной из часовен Грааля или его истинной Часовней.

Эти легенды имеют под собой некоторые основания. Сент-Клеры были хранителями национальных сокровищ, часовня была построена как Храм Соломона и Святого Грааля, внутри нее были вырезаны храмовнические и масонские символы. На витражных стеклах викторианских времен не только изображен Грааль Тайной Вечери, но и четверо святых воинов: Георгий, Маврикий, Михаил и Лонгин, все они вооружены мечом или копьем. А проводящееся здесь утверждение нынешних храмовников из Новой Шотландии предполагает давнюю традицию, возможно, связанную с тем, что король Карл Первый назвал один двор в Эдинбургском замке частью территории Новой Шотландии и присваивал там титулы баронов этой страны, в том числе и членам семейства Сент-Клеров.

По сути дела сокровище Росслина представляет собой сама часовня в своей великолепии и необычности. На одной колонне три волхва ставят три дара или Грааля на стол перед Девой Марией и Младенцем. Кроме того, там вырезаны в камне средневековые аллегории семи дел милосердия, семи смертных грехов и

замысловатая Пляска Смерти. В своих украшениях эта часовня не знает равных в мире, она наделена чрезмерным обилием символов, расточительна в смыслах и буйствует в формах. Облик ее рождает секреты. Она сама по себе служит тайным хранилищем преданий. История ее дает материал для легенд, и славит себя она сама.

ЭПИЛОГ, 2002

Исследования никогда не кончаются. Как часто бывает в детективных романах, новая улика расстраивает предыдущие выводы. Когда книга "Меч и Грааль" была впервые опубликована в 1993 году, она сделала для Росслинской часовни (но на более глубоком историческом уровне) то же, что книга "Святая Кровь и Святой Грааль" для Ренн-ле-Шато. После моих первых открытий касательно Рослина, принца Генри Сент-Клера, надгробий храмовников с Граалем на них и масонах появилось много книг, посвященных этой же теме. Большинство этих работ носило несколько фантастичный характер, однако некоторые новые и ценные догадки получили убедительное обоснование. Кульминации это исследование достигло на Синклеровском симпозиуме, состоявшемся в 1997 году в Керкуолле на Оркнейских островах. Там поиски сокрытых секретов Сент-Клеров, храмовников и масонов как будто бы привели к определенным результатам, позднее описанным в моих фильме и книге; высшей точкой тут стало истолкование Керкуоллского свитка.

Новейшие исследования путешествия Дзено подчеркнули значение Северного содружества в конце XIV века с его торговой империей викингов, простиравшейся от Балтики до Ньюфаундленда и даже дальше. С окончанием торговли на Ближнем Востоке, где усиливалась власть турецких султанов, захвативших Константинополь в 1453 году, венецианцы постарались расширить торговлю на севере и на западе. Однако Ганзейская лига в течение двух столетий контролировала сухопутные торговые маршруты от Балтики к Средиземноморью и даже стала господствующей в Северном море. Из своих шести крупнейших торговых пунктов — Любека, Висбю на острове Готланд, Бергена, Новгорода, Брюгге и "Стального двора" в Лондоне — ганзейские города контролировали устья самых больших рек, проливы и каналы Северной Европы от России до Британии.

Почти все товары, перевозимые с востока на запад или с севера на юг, продавались по немецким ценам. Изначальное состояние Любек создал на соли и рыбе; к ним добавились скандинавский и атлантический лес, канаты и смола, парусина, самородная сера для

изготовления пороха и меха. Поддерживаемая тевтонскими рыцарями Ганза стала, подобно ордену храмовников, государством внутри всех северных государств. Лишь шотландские суда и купцы были серьезными соперниками ганзейцев, пока венецианские флоты не стали дважды в год приплывать во Фландрию для торговли шерстью. Венецианцы собирались перехитрить немецких торговцев, создавая свои торговые посты и учреждая привилегии для шотландцев и скандинавов. Если для них закрывали Ла-Манш, они могли использовать маршрут бежавших храмовников вокруг Ирландии к западным и Оркнейским островам, складам оживленной северо-атлантической торговли.

Такая стратегия входила в дипломатическую миссию юного Генри Сент-Клера для своей страны, когда в 1363 году он покинул Росслин и отправился в Копенгаген. На другой год он встретился там с венецианским послом Карло Дзено, землепроходцем Паулем Кнутсоном и гренландским путешественником Иваром Бардсоном, знавшими трансатлантические маршруты. Король Дании Вальдемар два года назад захватил Готланд, одержав победу над шведским королем Магнусом при Гельсинборге, несмотря на помощь тому большого ганзейского флота. За ним последовал король Норвегии Хакон Четвертый, который женился на датской принцессе Маргарет, и вплотную приблизился к важному немецкому торговому посту в Бергене. Ганзейская лига оказалась под серьезной угрозой.

Более благоприятной возможности не могло представиться. "Черная смерть" существенно сократила население Норвегии, умерло около двух третей ее моряков и плотников. Территория Норвегии расширилась на земли у Полярного круга вплоть до Северной Америки; именуемая на средневековых картах "Norveca", она выходила из-под власти Норвежского королевского дома; колонии страны вплоть до Гренландии находились под угрозой чумы и пиратских набегов. Норвегия так ослабла, что королева Маргарет перенесла центр скандинавской власти в Данию, а все северные области, на которые распространялась власть Норвегии, стали именоваться датской провинцией Гренландией, *Gronlandia Provincia*. Это создавало возможность основать Северный союз.

Ганзейская лига нанесла ответный удар Дании и Норвегии, королева Маргарет в 1368 году писала мужу из замка Акерсхус о

немецкой блокаде: "Мои слуги очень нуждаются в еде и питье, ни они, ни я не получаем того, что нам нужно". На другой год Берген был разграблен и сожжен ганзейским флотом: в течение следующих трех лет Дания и Норвегия предоставили немецким торговцам еще более существенные привилегии.

Королева Маргарет не отважилась нанести удар Ганзе, как ее отец, но вторглась в Швецию и покорила ее, став, таким образом, правительницей всей Скандинавии. Так друг ее детства Генри Сент-Клер, теперь вассал, граф Оркнейский, стал ее сильным союзником в мечте создать Северный торговый союз, простирающийся от Скандинавии через Оркнейские острова к норвежским колониям и епископствам в Исландии и Гренландии до поселений в Северной Америке. Отсутствие Генри при подписании исторически важного Кальмарского договора в 1397 году является еще одним доказательством его участия в путешествиях через Атлантику.

Теперь самая большая угроза торговле в Балтийском и Северном морях исходила от пиратов, именуемых "братьями-вительерами". Изгнанные из Висбю тевтонскими рыцарями, они атаковали Берген и захватили порты в Южной Норвегии. Необходимость требовала, чтобы королева Маргарет использовала флот графа Оркнейского и открыла ему доступ к судостроительным материалам для борьбы с пиратами, поддерживая очередное из его предприятий. В Национальной библиотеке в Копенгагене хранятся государственные документы, на которых стоит печать Сент-Клера, второго по значимости человека после Маргарет. В 1389 году, когда Эрик Померанский объявил ее наследницей тронов Дании и Норвегии, подпись Генри Сент-Клера под этим указом следует за подписью архиепископа Винолда из Нидаруса, ныне Тронхейма. Королева Маргарет надеялась на могущество графа Оркнейского, и он использовал охранную грамоту от английского короля Ричарда Второго, чтобы отправить из Лондона на помощь ей три корабля.

Такова была историческая обстановка в то время, которым начинается "Книга Дзено". Как уже говорилось, у Карло Дзено, спасителя Венеции, было двое братьев-моряков, Николо и Антонио. Когда Марко Барбаро, венецианский патриций, писал о знатных семействах Венеции, в датированной 1536 годом статье о семействе Дзено, Николо назван "богатым человеком" и капитаном галеры,

участвовавшим в сражении с генуэзцами при Кьоджо, которое выиграл его брат Карло. В своей *Libro di Nozze* Барбаро далее пишет, что Николо отправился исследовать северные моря, за ним последовал его брат Антонио. Они вместе описывали "путешествие среди островов у Полярного круга и открытия 1390 года — по приказу Дзикно, короля Фрисланда, он (Антонио) отправился на континент Эстотиланда в Северной Америке. Во Фрисланде он прожил четырнадцать лет, четыре года с братом Николо, десять один.

Утверждение Барбаро не совпадает с последующей публикацией "Книги Дзено", основанной на искаженных свидетельствах; но совпадает с подробностями биографий обоих братьев, открытыми в результате моего последнего исследования. Николо Дзено был капитаном и командиром венецианского флота, совершавшего два рейса ежегодно в Лондон и во Фландрию между весной 1383 года, когда он был послом в Венгрии, и июнем 1388-го, когда был переведен в Адриатику. В этот период, в стремлении венецианцев продвинуться на север, у него были все возможности отплыть к Оркнейским и Шетландским островам и помочь Дзикно, то есть принцу Генри, пытавшемуся утвердить власть над этими островами и пошатнуть господство Ганзы в Северной Атлантике.

В архивах нет сведений о Николо Дзено между 1396 годом и августом 1400-го, когда он написал завещание в Венеции. Его лишили должности и отправили в изгнание по обвинениям в коррупции, когда он служил прокуратором в различных венецианских колониях. Если он взял с собой брата Антонио из фландрского конвоя в первую экспедицию на Оркнейские острова и оставил его, как писал Барбаро, заложником у Дзикно на четырнадцать лет, он мог впоследствии присоединиться к нему, узнав о его северных кампаниях и подвигах из приходивших в Канареджо писем. Это позволило бы одному из братьев — или им обоим — произвести съемку Гренландии и возглавить между 1398 и 1400 годами северную экспедицию к Эстотиланду, послужившую основой для написания "Книги Дзено". То, что в Венеции нет сведений об Антонио Дзено между 1380 годом и его смертью в конце 1402 года, делает еще более правдоподобным утверждение Барбаро о его долгом пребывании на Оркнейских островах, а затем путешествии в Северную Америку.

Главный интересный момент "Карты Дзено" заключается в том, что на ней обозначены два города в Северной Америке, что подтверждает пребывание там колониальной экспедиции после 1390 года, — Марко Барбаро датировал путешествие Дзено этим годом. Однако значительно и другое картографическое свидетельство колонизации Северной Америки рыцарями, которые умели строить укрепления и носили храмовнический или зубчатый крест. Самый ранний вариант этой карты, названный *Rudimentum Novitorium*, были опубликован в Любеке, центре Ганзы, около 1475 года, там ясно указан "Винланд" как остров с укрепленной церковью на крайнем северо-западе — месте Эстотиланда на "Карте Дзено". Другой вариант этой немецкой карты был обнаружен в Аугсбурге пять лет спустя, на нем помечена крепость на мысе "Винланд" — так у викингов называлась Новая Англия. Эти две карты очень помогли мне в моих последних исследованиях Ньюпортской башни на Род-Айленде, так как они наводили на мысль о доколумбовой постройке в этом месте.

В своих долгих исследованиях Джеймс Уиттолл подтвердил все то, что я обнаружил в Ньюпортской башне. Постройка была заранее спланирована, основывалась на священной геометрии, в частности, на круглых храмовнических церквях и башнях в Шарру на юго-западе Франции и Льянлефф в Бретани. "Церковь сориентирована на восток, а каждая из восьми колонн — на главные стороны света, известные рыцарям-храмовникам". Следы от орудий соответствуют зубилам XIV века; одиночные и двойные расширяющиеся окна схожи с окнами дворца епископа в Керкуолле; притолоки такой же формы и треугольные замковые камни арок обнаружены в церквях на Оркнеях и в Гренландии; нижние пояса стен и колонны не имеют параллелей в английской колониальной архитектуре, но они обнаруживаются в средневековом керкуоллском соборе.

Более того, очаг в Ньюпортской башне с двойным дымоходом устарел к XV веку и был скопирован с шотландских и скандинавских крутых церквей — в восемнадцати тоже были очаги на втором этаже, к которым поднимались по наружным лестницам. "Ньюпортская башня была построена и использовалась как церковь, наблюдательный пункт и маяк". Скорее всего, ее строителем был граф Генри Сент-Клер, знакомый со священной геометрией круглых церквей храмовников.

После этого блистательного объяснения происхождения Ньюпортской башни мне позволили пристально изучить Керкуоллский свиток в местной ложе и дали несколько листов для установления их даты с помощью радиоуглеродного анализа. В оксфордской лаборатории, которая объявила Туринскую плащаницу средневековой подделкой, вся эта часть Керкуоллского свитка была датирована серединой XV века, что обеспечило недостающее связующее звено через оркнейского графа Сент-Клера с Росслинской часовней, построенной загадочным третьим графом Вильямом, который включил в древние обряды шотландских масонов познания гностиков и герметиков, приобретенные рыцарями-храмовниками в крестовых походах.

Многие сложные символы на свитке, в частности, Ноева ковчега и Райского сада с гермафродитической Евой совпадают с известными в позднем Средневековье знаками ранней алхимии. Граф Вильям, как обладатель лучшей библиотеки в Шотландии того времени, очевидно, поручил иллюстрировать свиток первым масонам, связанным с Росслином, где множество вырезанных в камне символов сохранилось до сих пор на стенах часовни.

Окончательное открытие еще предстоит сделать, если только открытие может быть окончательным. Нам неизвестны изображения принца Генри Сент-Клера, — хотя бы с точки зрения канадских индейцев. И наконец. Смитсоновский музей в Вашингтоне устроил экспозицию путешествий викингов, чтобы показать вклад норвежцев в первые путешествия в Америку. В этой экспозиции находилась небольшая деревянная кукла, вырезанная иннуитами с южного острова Баффиновой земли.

лежавшего на торговом маршруте норвежских судов от Западного поселка Гренландии к Ньюфаундленду. Кукла явно представляет собой изображение рыцаря военного ордена, и радиоуглеродный анализ показал, что она изготовлена в XIV веке. Единственной известной храмовнической экспедицией в Новый свет была экспедиция принца Генри Сент-Клера. На этом пока и поставим точку, если только мне удастся поставить ее в этом исследовании.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Этот новый перевод "Книги Дзено" основан на тексте оригинала и на переводе, сделанном Ричардом Генри Мэйджором для "Nakluyt Society" в 1873 году. Мои примечания к тексту подготовлены в основном на базе замечательных комментариев Мэйджора, а также разработок Фредерика Дж. Поупа в его книге: Prince Henry Sinclair: His Expedition to the New World in 1398 (New York, 1974). — Э. Сунклер.

КНИГА ДЗЕНО

Открытие островов Фрисланда, Эслаида, Энгронеланда, Эстотиланда и Икария, совершенное двумя братьями из рода Дзено, рыцарем сеньором Николо и сеньором Антонио, с приложением карты этих островов.

В год 1200 от Рождества Христова в граде Венеция проживал весьма знаменитый сеньор Марино Дзено. За свои великие достоинства и мудрость он был избран президентом нескольких республик Италии. Управлял ими он столь благоразумно, что имя его очень чтили даже те, кто не знал его лично. Помимо прочих достойных деяний, он прекратил очень серьезные гражданские волнения, возникшие среди граждан Вероны. Не будь он в высшей степени деятельным, не дай хороший совет, могла бы вспыхнуть война.

У этого сеньора был сын по имени Пьетро, который стал отцом дожа Риньери; дож умер бездетным и оставил свою собственность сеньору Андреа, сыну своего брата сеньора Марко. Этот сеньор Андреа был генерал-капитаном и прокуратором, пользовался высочайшим уважением за свои многочисленные редкие достоинства. Его сын, сеньор Риньери, был блистательным сенатором и несколько раз избирался членом Совета.

Его сыном был сеньор Пьетро, генерал-капитаном Христианского союза, образованного для борьбы с турками. Ему дали прозвище Драгоне, потому что он носил на щите изображение дракона вместо Манфроне, носимого раньше. Он был отцом великого сеньора Карло, знаменитого прокуратора и генерал-капитана во время опасных войн с

генуэзцами, в которых почти все ведущие князья Европы покушались на нашу свободу и наши владения. Как Фурий Камилл спас Рим, так благодаря своей великой доблести сеньор Карло спас свою страну, не отдав ее в руки врагов. За это его прозвали Львом, и он начертал это имя на щите в память о своих подвигах. У сеньора Карло было два брата, рыцарь сеньор Николо и сеньор Антонио, отец сеньора Драгоне, который был отцом сеньора Катерино, отца сеньора Пьетро. Его сыном был еще один Катерино, который преставился в прошлом году и был отцом Николо, ныне живущего составителя этой Книги.

Рыцарь Николо был человеком великого мужества. После сражения с генуэзцами под Кьоджей, которое доставило нашим предкам много трудов, у него возникло сильное желание повидать свет, познакомиться с разными обычаями и языками человечества. Тогда бы он при необходимости мог бы лучше служить своей стране и снискал бы доброе имя и честь. Он построил и снарядил судно за свои деньги, так как был очень богат. Отплыл из наших морей, миновал Гибралтарский пролив и взял курс на север с целью повидать Англию и Фландрию^[67]. Однако в море его застал ужасный шторм, судно носило по морю много дней, и он не знал, где находится. Увидев наконец землю, он не смог противостоять неистовству шторма и был выброшен на остров Фрисланду^[68]. Однако судовая команда и большинство грузов уцелели. Это было в 1380 году^[69]. Жители этого острова сбежались большими толпами с оружием в руках, чтобы напасть на сеньора Николо и его людей, которые обессилели в борьбе со штормом и не знали, в какой части мира находятся. Они были не в состоянии защищаться с необходимой в такой опасности силой. Им, конечно, пришлось бы плохо, если б, к счастью, поблизости не оказался некий вождь с вооруженной свитой. Услышав, что к острову прибило большое судно, он поспешил туда, где раздавался шум и крики нападавших на наших несчастных моряков. Вождь прогнал туземцев, и обратившись к нашим людям по-латыни, спросил, кто они и откуда. Узнав, что из Италии, что они итальянцы, очень обрадовался. Пообещав, что их не возьмут в плен, заверив, что они оказались в таком месте, где их любезно примут, он взял их под покровительство и дал слово чести, что они будут в безопасности. Он обладал большой властью и владел островами, называемыми Портланда, лежавшими немного южнее Фрисланды. Они были самыми богатыми и населенными из всех тех

мест^[70]. Имя его было Дзихмни^[71]. Он был не только правителем этих маленьких островов, но и герцогом Сорано, лежащего рядом с Шотландией^[72].

Я подумал, что будет хорошо перечертить эти северные земли с морских карт, которые сохранились в нашем фамильном наследии. Хотя они уже стали ветхими от времени, я неплохо справился со своей задачей. Для тех, кто находит удовольствие в таких вещах, карта прольет свет на то, что без нее было бы трудно понять. К тому, что я написал о Дзихмни, следует добавить, что он был воинственным, доблестным и особенно знаменитым подвигами на море. Годом раньше он одержал победу над королем Норвегии, который был правителем этих островов. Стремясь еще больше прославиться воинскими успехами, он сделал попытку покорить остров Фрисланду, который значительно больше Ирландии. Видя, что сеньор Николо человек рассудительный, весьма опытный в мореплавании и военных делах, Дзихмни разрешил ему и его людям подняться на борт своих кораблей. Капитану (*шотландскому*) было приказано относиться к нему со всем уважением и пользоваться его советами и опытом во всем.

Флот Дзихмни состоял из тринадцати судов. Всего два были гребными, остальные были небольшими барками, один корабль был большим. На этих судах они поплыли на запад. С легкостью завладели Ледово, Илофе и другими маленькими островами в заливе под названием Судеро, там захватили несколько маленьких барков, груженных соленой рыбой, в местности под названием Санестрол^[73]. Здесь они встретили Дзихмни, который пришел по суше с армией, захватывавшей по пути всю местность. Пробыли они там недолгое время. По-прежнему держа курс на запад, они достигли дальнего мыса залива, там повернули снова и напали на некие острова и земли, которые захватили во имя Дзихмни. В море, по которому они плыли, было много отмелей и скал, поэтому если б сеньор Николо и венецианские моряки не были лоцманами, весь флот мог погибнуть. Люди Дзихмии были очень неопытными по сравнению с нашими прирожденными моряками.

Капитан флота внял совету сеньора Николо и решил пристать к берегу у места под названием Бондендон, чтобы узнать, каких успехов добился Дзихмни в своих войнах^[74]. Они с удовольствием узнали, что

он сражался в большой битве и обратил в бегство армию противника. После победы во все части острова были отправлены послы, чтобы отдать эту страну в его руки, и флаги противника были сняты во всех городах и деревнях.

Поэтому моряки решили остаться на месте, дожидаться его прибытия в полной уверенности, что он скоро появится. По его прибытии были большие торжества по случаю побед на суше и на море. Венецианцы поняли, по большим почестям и похвалам, что все только и говорят о них и великом мужестве сеньора Николо. Потом вождь, который любил доблестных людей, в особенности умелых мореплавателей, призвал к себе сеньора Николо, почтил его похвалой, отметил усердие и мастерство, и признал, что получил громадную пользу от сохранения своего флота и завоевания без труда многих мест, пожаловал ему почетное рыцарское звание и наградил его людей очень щедрыми дарами. Оттуда они торжественно отплыли к Фрисланде, главному городу на юго-востоке этого острова^[75]. Город находится в бухте, где так много рыбы, что суда возят ее полными трюмами во Фландрию, Бретань, Англию, Шотландию, Норвегию и Данию. Эта торговля приносит большую выгоду.

Пока что мое повествование берется из письма, которое сеньор Николо отправил своему брату сеньору Антонио с просьбой найти судно, которое доставило бы его к нему. Поскольку Антонио так же сильно, как и брат его, хотел повидать мир, разные народы и создать себе славное имя, он купил судно и взял курс в том направлении. После долгого путешествия со многими опасностями он присоединился к сеньору Николо, который встретил его с большой радостью, как брата не только по крови, но и по мужеству.

Сеньор Антонио остался во Фрисланде и прожил там четырнадцать лет, четыре года вместе с сеньором Николо и десять в одиночестве^[76]. Здесь он заслужил у принца такую благосклонность, что в благодарность сеньору Николо и еще более потому, что прекрасно знал ему цену, принц сделал его капитаном своего флота. Со множеством военных приготовлений они отправились атаковать Эстланд, который находится между Фрисландой и Норвегией^[77]. Здесь они нанесли большой урон, но узнав, что король Норвегии выступает против них с большим флотом, отплыли в такой сильный шторм, что их вынесло на мели, и многие суда потерпели крушение. Уцелевшие укрылись в

гавани Грисланды, большого, но необитаемого острова^[78]. Флот норвежского короля попал в тот же шторм и затонул.

Когда Дзихмни узнал об этом от команды одного из кораблей противника, который чудом пригнало к Грисланде, он приготовил свой флот. Зная, что Исланда находится неподалеку на севере, он решил напасть на эту страну, принадлежавшую королю Норвегии вместе с остальными островами^[79]. Однако здесь нашел столь укрепленную и защищенную местность, что вынужден был отказаться от своего намерения, потому что флот у него был мал, плохо экипирован оружием и людьми. Он направил атаку на другие соседние острова, которые называются Исландой; их семь, они называются Талас, Броас, Искант, Транс, Мимант, Дамбере и Брес^[80]. Захватив все эти острова, Дзихмни построил на Бресе крепость и оставил там сеньора Николо с несколькими маленькими судами, людьми и припасами. Решив, что сделал пока достаточно, он вернулся с несколькими уцелевшими судами на Фрисланду.

Оставшийся на Бресе сеньор Николо решил в следующую навигацию совершить экспедицию с целью открытия новых земель. В июле он снарядил три маленьких барка, поплыл на север и прибыл в Энгронеланд^[81]. Там он обнаружил монастырь ордена проповедующих монахов и посвященную святому Фоме церковь возле горы, которая извергала огонь, как Везувий и Этна^[82]. Там был горячий источник, который использовался для обогрева монастырской церкви и келий монахов. Вода поступает на кухню такой горячей, что монахи готовят еду без огня. Кроме того, они кладут хлеб в медные горшки без воды, и он печется, словно в горячей духовке. У них есть также маленькие сады, укрытые в зимнее время, они орошаются этой водой, защищающей их от снега и холода, очень сурового на этой земле у полюса. Таким образом, монахи выращивают цветы, плоды и различные травы так же, как в теплых странах. Видя эти сверхъестественные достижения, простые и дикие местные люди относятся к монахам как к богам, приносят им кур, мясо и другие продукты, высоко чтят их.

Когда много снега, и мороз очень сильный, монахи обогревают свои жилища тем же образом. Впуская внутрь горячую воду или открывая окна, они могут мгновенно умерять жару или холод до

нужной степени. В строительстве монастыря используют только те материалы, которые дает вулкан. Берут раскаленные камни, которые вылетают из огненного жерла, словно пепел, поливают их водой и разводят в превосходную белую известь, очень клейкую и никогда не рассыпающуюся при строительстве. Застывшая лава превосходно заменяет камень при строительстве стен и арок, никогда не трескается, разве что при обработке железным инструментом; сделанные из нее арки до того легки, что не требуют крепких опор и стоят вечно в своей красе и пропорциональности. Эти большие выгоды позволяют добрым монахам строить столько зданий и стен, что любопытно смотреть на них.

Крыши их домов обычно делаются следующим образом: сперва монахи возводят стену на полную высоту; потом делают ее постепенно наклоненной внутрь в форме арки, поэтому она образует превосходный проход для дождя посередине. Но дожди бывают редко, потому что здесь, как я уже упомянул, очень холодно. Когда выпадает первый снег, он не тает в течение девяти месяцев, в продолжение всей здешней зимы. Монахи питаются дикой птицей и рыбой; поскольку теплая вода впадает в море, там есть большая, незамерзающая гавань. Она привлекает морских птиц и рыб, которых монахи вылавливают в громадных количествах и кормят многих живущих поблизости людей, которых используют для строительства, для ловли птиц и рыб и для множества других работ в монастыре.

Дома их построены со всех сторон горы. Они круглой формы, двадцати пяти футов в ширину и сужаются кверху. Вверху есть небольшое отверстие, через него в дом проникают воздух и свет, земля внизу такая теплая, что холода в доме совершенно не ощущается. В летнее время сюда приплывает много судов с близлежащих островов, с мыса на севере Норвегии и из Треадона^[83]. Они привозят монахам всевозможные удобства и берут в обмен рыбу, которую вялят или морозят, и шкуры различных животных. Таким образом, монахи получают дрова, прекрасно обработанные бревна, зерно и ткань для одежды.

Все окружающие страны рады торговать с ними ради мехов и рыбы; поэтому монахи без особых трудов или расходов имеют все, что им нужно. Отправляются в этот монастырь монахи из Норвегии, Швеции и других стран, но больше всего с Исланды. Несколько судов

всегда вынуждены оставаться в гавани из-за льдов; приходится ждать следующей навигации, когда они растают.

Рыбацкие лодки напоминают ткацкий челнок. Монахи берут кожу рыб и сшивают ее рыбьими костями. Сшитая и согнутая, она становится такой крепкой, что странно видеть, как рыбаки выходят в море в дурную погоду без малейшего страха. Если их прибьет к скалам, лодки могут вынести множество ударов и остаться неповрежденными. На дне лодок есть своего рода рукав, крепко завязанный посередине. Если в лодку попадает вода, рыбаки сгоняют ее в половину рукава, потом пережимают его сверху двумя кусками дерева, открывают нижнюю часть и таким образом избавляются от воды. Делают это по мере необходимости, безо всяких волнений и опасности.

Более того, поскольку вода в монастыре содержит в себе серу, ее носят в жилища старших монахов в медных, оловянных или каменных сосудах. Она до того горячая, что согревает дом, как печь, не издавая неприятного запаха.

У них есть еще способ передавать воду по подземным трубам, чтобы она не замерзала. Ее подводят к середине двора, она льется в большой медный сосуд, стоящий посередине кипящего фонтана. Это согревает воду для питья и для поливки садов. Таким образом, гора дает все удобства, какие только можно пожелать. Эти добрые монахи уделяют большое внимание возделыванию своих садов и строительству красивых, просторных зданий. Для этой цели у них хватает искусных, трудолюбивых работников; они платят, не скупясь, и особенно щедры к тем, кто приносит плоды и семена. Поэтому работники и мастера в различных ремеслах приезжают туда во множестве, их привлекает плата и хорошие условия жизни.

Большинство монахов говорит на латинском языке, особенно старшие. Вот и все, что известно о Энгронеланде по описанию сеньора Николо, он также описывает реку, которую открыл, она нанесена на мою карту. В конце концов, сеньор Николо, не привыкший к такому суровому холоду, заболел. Вскоре он вернулся на Фрисланду, где и умер. *(На самом деле он умер в Венеции.)*

Сеньор Антонио стал наследником его богатства и почестей. Как он ни добивался, как ни просил, но получить разрешения вернуться в свою страну не смог. Дзихмни был человеком громадной

предприимчивости и смелости. И он предложил сеньору Антонио воспользоваться его услугами, отправив с несколькими небольшими судами на запад, поскольку несколько местных рыбаков открыли в той стороне очень богатые и населенные острова. Это открытие сеньор Антонио описал в письме брату Карло в нижеследующей манере; нам пришлось только изменить несколько старых слов и архаичный стиль, но суть мы сохранили целиком.

Двадцать шесть лет назад четыре рыбацких судна вышли в море и попали в сильный шторм. Их, совершенно беспомощных, много дней носило по морю. Когда буря, наконец утихла, они обнаружили остров, называемый Эстотиланда, лежащий более, чем в тысяче миль к западу от Фрисланды^[84]. Одно судно разбилось, шестерых человек с него схватили местные жители и привели в красивый, многолюдный город, там король этого места послал за переводчиками. Никто не понимал языка рыбаков, но один говорил по-латыни, его волей случая забросило на этот остров. От имени короля он спросил их, кто они и откуда; а когда перевел их ответ, король захотел, чтобы они остались в этой стране. Им ничего не оставалось, как повиноваться, они провели пять лет на этом острове и выучили язык. Один из них побывал в разных частях острова и сообщил, что эта страна очень богата и обильна всем хорошим. Она чуть поменьше Исланды, но земля там более плодородна^[85]. Посреди нее находится высокая гора, от которой берёт исток четыре реки, снабжающие водой всю страну.

Обитатели острова очень умны, владеют всеми нашими ремеслами. Очевидно, они в прошлом имели дела с нашими людьми, этот человек говорил, что видел в библиотеке книги на латыни, которой они не понимают. У них свой язык и письменность. Есть всевозможные металлы, особенно много золота. Они ведут торговлю с Энгронеландом, отправляют туда меха, серу и смолу^[86]. Он говорил, что южнее есть большая, многолюдная страна, очень богатая золотом. Жители сеют зерно и варят пиво, этот напиток северяне пьют, как мы вино. У них большие леса. Там много городов и деревень. Они делают небольшие суда и плавают на них, но у них нет магнита, и они не могут определять стороны света по стрелке компаса.

Поэтому тех рыбаков там высоко оценили, король отправил их на двенадцати судах на юг, к стране, которая называется у них Дроджо^[87]. В пути дули встречные ветра, они опасались за свою жизнь, и хотя избежали одной горькой смерти, они встретили другую, более жестокую. Рыбаков схватили дикари-каннибалы, считавшие человеческую плоть очень лакомым мясом, и большинство из них оказалось съедено.

Однако поскольку наш рыбак и его уцелевшие товарищи могли научить дикарей ловить рыбу сетями, их пощадили. Он ежедневно выходил на лов в море и в пресную воду, ловил много рыбы и отдавал ее вождю. Таким образом, он заслужил благоволение, все его очень чтили и уважали.

Когда слава этого человека стала известна окружающим племенам, соседний вождь очень захотел увидеть этот чудесный способ ловли рыбы. Поэтому начал войну с тем вождем, который удерживал рыбака, и поскольку был более могущественным и лучшим воином, в конце концов, одержал победу. Так рыбак и его товарищи оказались у этого вождя. Он говорит, что прожил там тринадцать лет и побывал у двадцати пяти вождей. Вожди постоянно воевали друг с другом лишь из-за того, чтобы забрать к себе рыбака. Вынужденный перемещаться взад-вперед по этой стране, без постоянного дома, он ознакомился с почти всей той землей.

Рыбак говорит, что это очень большая страна, что это прямо-таки *новый свет*. Люди там очень простые и дикие, ходят голыми, и сильно страдают от стужи. Им не хватает ума одеваться в шкуры животных, которых они убивают на охоте. Никаких металлов у них нет. Они живут охотой и носят деревянные копья, заостренные на конце. У них есть луки с тетивой из шкуры животных. Они очень свирепы, сражаются насмерть и поедают плоть друг друга. У них есть вожди и определенные законы, но у разных племен они различны. Однако чем больше удаляешься на запад, тем больше встречаешь культуры, потому что климат там более умеренный. Там есть города и храмы, посвященные их идолам, в храмах они приносят людей в жертву, а затем поедают убитых. В этих местах у людей есть некоторые познания, и они пользуются золотом и серебром.

"Прожив столько лет в тех краях, этот рыбак решил, если сможет, вернуться в родную страну. Товарищи его отчаянно хотели

возвратиться, но пожелали ему удачи и остались. Он попрощался с ними и бежал через лес в сторону Дроджо, и в лесу был хорошо принят вождем, который знал его и был заклятым врагом соседнего вождя. Снова проходя через руки тех же вождей, долгое время спустя и с большими трудностями, он, наконец, достиг Дроджо и провел там три года. Здесь по счастью услышал от туземцев, что к берегу подошло несколько судов. Исполненный надежды совершить побег, он спустился к берегу и радостью узнал, что суда пришли из Эстотиланды. Попросил моряков взять его с собой, что они сделали очень охотно. Он знал язык этой страны, и они использовали его как переводчика".

Потом этот рыбак торговал вместе с ними так успешно, что очень разбогател, снарядил собственное судно и вернулся на Фрисланду. Здесь он рассказал о богатых странах, которые повидал, этому аристократу (Сент-Клеру). Его моряки наслушались странных рассказов и полностью поверили тому, что слышали. Теперь этот аристократ решил отправить меня во главе флота в те края. Здесь столько людей хотят присоединиться к этой экспедиции, что, думаю, будем отлично экипированы безо всяких государственных расходов.

Таково содержание письма, которое пришлось привести в подробностях, дабы пролить свет на другое путешествие, совершенное сеньором Антонио. Он пустился в плавание со многими судами и людьми, но не командовал флотом, как ожидал. Дзихмни сам возглавил его. И у меня есть письмо, где описывается это предприятие и говорится:

"Наши большие приготовления к путешествию в Эстотиланду начались неудачно. За три дня до отправления экспедиции наш рыбак и проводник скончался. Однако Дзихмни не отказался от своего предприятия и взял нескольких матросов, приплывших с запада вместе с рыбаком. Держа курс на запад, мы открыли несколько островов, подчиненных Фрисланде, миновали несколько отмелей и подошли к Ледово, где пробыли семь дней для отдыха и пополнения корабельных запасов^[88]".

Оттуда мы отплыли первого июля к острову Илофе, и, поскольку ветер был попутным, двигались быстро^[89]. В скором времени, когда мы были в открытом море, поднялся такой сильный шторм, что мы непрерывно работали восемь дней, нас несло неизвестно куда, много

судов исчезло из виду. Наконец, когда шторм утих, мы собрали вместе разбросанные суда и, плывя при попутном ветре, увидели землю на западе. Взяв курс на нее, подплыли к спокойной, надежной гавани, где увидели множество вооруженных людей, со всех ног бежавших к берегу, чтобы защищать остров.

Дзихмни велел своим людям показать знаками, что у нас мирные намерения, и островитяне отправили к нам десять человек, говоривших на десяти языках, но мы не понимали ни одного из них, кроме человека с Исланды^[90]. Этого переводчика привели к нашему принцу, принц спросил, как называется остров, какой народ населяет его, и кто ими правит. Переводчик ответил, что остров называется Икария, что все его короли носят имя Икар в честь первого короля, который был сыном Дедала, короля Шотландии^[91]. Завоевав этот остров, Дедал оставил на нем королем своего сына и дал им законы, которые они блюдут до сих пор. После этого в путешествии дальше он утонул во время сильнейшей бури. В память о его смерти море называется Икарийским, а короли острова носят имя Икар. Они были довольны тем положением, которое дал им Бог, и не хотели ни менять законы, ни принимать никаких чужаков.

Поэтому они попросили нашего принца не пытаться вмешиваться в их законы, которые они приняли от блаженной памяти короля и блюдут по сей день. Такая попытка приведет к его гибели, потому что они готовы скорее умереть, чем как-то ослабить применение этих законов. Однако им не хотелось, чтобы мы сочли, будто они совершенно отказываются принять других людей. В конце они сказали, что охотно примут одного нашего человека, дадут ему почетное положение хотя бы для того, чтобы выучить наш язык и разузнать наши обычаи. Они уже приняли людей из десяти различных стран, попавших на их остров.

На это наш принц ничего не ответил, лишь спросил, где еще есть хорошая гавань, и жестом показал, что хочет отплыть. Огибая остров, он отправил весь флот на всех парусах в гавань, которую обнаружил с восточной стороны. Матросы поплыли к берегу, чтобы запастись дровами и водой, они сделали это как можно быстрее, опасаясь, что на них могут напасть островитяне. И действительно, жители подали дымом костров сигнал своим соседям и взялись за оружие, на помощь им приходили многие. Они подбежали к берегу, стали стрелять в

наших людей из луков, многие были убиты, несколько человек ранены. Хотя мы показывали знаками, что намерения у нас мирные, они не обращали на это внимания. И становились все яростнее, словно сражались за собственную жизнь.

"Вынужденные отплыть, мы описали большое кольцо вокруг острова, за нами следовало по холмам и по берегу громадное количество вооруженных людей. Огибая северный мыс острова, наткнулись на множество мелей, среди которых провели десять дней в постоянной опасности потерять весь флот; но, к счастью, погода стояла очень хорошая. Пока не доплыли до восточного мыса, мы постоянно видели островитян на вершинах холмов и на берегу, они следовали за нами, выли и стреляли издали, выказывая ненависть к нам. Мы решили войти в какую-нибудь безопасную гавань и попытаться вновь объясниться через переводчика, но не достигли своей цели. Казалось, что эти островитяне — скорее звери, чем люди: они постоянно были готовы прогнать нас, если мы попытаемся сойти на сушу".

Видя, что ничего не может поделать, Дзихмни понял, что у нас кончится провизия, если будем упорствовать в своей попытке. Поэтому, поймав благоприятный ветер, мы шесть дней плыли на запад; но когда ветер сменился на юго-западный, и море стало бурным, мы шли четыре дня по ветру. Потом, наконец, увидели землю. Поскольку волнение было сильным, и мы не знали, что это за страна, мы сперва опасались подходить к берегу. Но божьей милостью ветер утих, наступил штиль. Несколько матросов поплыли к берегу на шлюпках и вскоре вернулись с радостной вестью, обнаружив замечательную местность и еще лучшую гавань. Поэтому мы направились на барках и лодках к земле, вошли в превосходную гавань и увидели вдали гору, над ней поднимался дым. Это дало нам надежду, что мы обнаружим на острове людей. Хотя остров был большим, Дзихмни сразу же отправил сотню солдат обследовать его и принести сообщение о том, что за люди его населяют.

Тем временем мы запаслись дровами и водой, наловили много рыбы и морской птицы, и обнаружили столько птичьих яиц, что наши изголодавшиеся люди ели их, пока не насытились. Пока мы стояли на якоре, наступил июнь, и воздух на острове был неопишимо легким, приятным. Однако мы никого не видели, и стали подозревать, что это

превосходное место необитаемо. Мы дали гавани название Трин, а выдающийся в море мыс назвали Капо ди Трин (Capo di Trin)^[92]. Через восемь дней сотня солдат вернулась: они сказали, что обошли весь остров и подошли к горе. Дым поднимается от большого огня у ее подножья, там есть источник какого-то похожего на смолу вещества, стекающий в море, и еще много полудиких людей, живущих в пещерах^[93]. Они низкорослые и очень робкие; едва завидев наших людей, они попрятались в свои норы. Кроме того, наши люди сообщили, что поблизости есть большая река и очень хорошая, безопасная гавань^[94].

Когда Дзихмни узнал об этом, обратил внимание, что там чистый, здоровый воздух, плодородная почва, хорошие реки и много других достоинств, он решил остаться там и основать город. Но его люди перенесли многотрудное путешествие и начали роптать, говоря, что хотят вернуться домой. Близилась зима, и если наступят холода, они не смогут возвратиться до следующего лета. Поэтому он оставил только два гребных судна и тех людей, которые хотели остаться, а остальных отправил обратно, назначив меня вопреки моей воле их капитаном. У меня не было выбора, поэтому я пустился в путь и плыл двадцать дней на восток, не видя земли. Потом я повернул на юго-восток и через пять дней достиг земли, оказался на острове Неоме^[95]. Зная эту страну, я понял, что миновал Исланду, и поскольку жители были подвластны Дзихмни, я взял свежие припасы и при попутном ветре через три дня приплыл в Фрисланду^[96]. Из-за долгого отсутствия своего принца люди там думали, что лишились его. Поэтому они меня сердечно приняли.

Что последовало дальше, я не знаю, кроме того, что обнаружил в клочке другого письма, где говорилось, что Дзихмни обосновался в гавани своего новооткрытого острова, тщательно обследовал всю местность, как и оба берега Гренландии. Я знаю это по нескольким деталям на морских картах, но описание утеряно. Письмо начинается так:

"Подробности, которые ты хочешь узнать от меня об этих людях и их обычаях, о животных и соседних странах, я записал в отдельную книгу, которую, Бог даст, привезу с собой. В ней я описал страну, чудовищных рыб, обычаи и законы Фрисланды, Исланды, Эстланды,

королевства Норвегия, Эстотиланды и Дроджо. В конце я описал жизнь нашего брата, рыцаря Николо, с открытием, которое он сделал, и все о Гренландии. Описал я также жизнь и подвиги Дзихмни, принца, который заслуживает бессмертной славы не меньше, чем кто бы то ни было из живших на свете, своим великим мужеством и замечательной добротой. В книге я описал съёмку обоих берегов Гренландии и город, который он основал. Но больше писать об этом не буду. Надеюсь в скором времени быть с тобой и удовлетворить в устном рассказе твое любопытство относительно других подробностей".

Все эти письма сеньор Антонио написал своему брату, сеньору Карло. Мне очень жаль, что та книга и многие другие записи, касающиеся этих предметов, были уничтожены. Я был ребенком, когда они случайно попали ко мне в руки, и, не зная, что они представляют собой, по-детски изорвал их в клочки. Теперь вспоминаю об этом с глубочайшей горечью. Однако чтобы столь значительные воспоминания не были утрачены, я по мере возможности привел их в порядок в этой Книге. Нынешний век более, чем предыдущие, может порадоваться открытиям, совершенным в тех частях света, где их меньше всего ожидали. Наш век очень интересуется новыми сведениями и открытиями, совершенными в неведомых ранее землях благодаря высокому мужеству и бурной энергии наших предков.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ПОИСК

Я в большом долгу за предоставленную мне возможность истолкования Росслинской часовни перед ее хранителем Джудит Фискен. Кроме того, я очень благодарен Роберту Брайдену, специалисту по истории храмовников в Шотландии — за глубину познаний и проницательность. Профессор Джеффри Барроу, один из ведущих специалистов по истории Средних веков, буквально отдал все силы, дабы убедиться, что ломбардская надпись и рукоять меча на камне датируются первой половиной четырнадцатого века: датирование рукояти было подтверждено арсеналом лондонского Тауэра. Джеймс Симпсон и Эдвина Праудфут оказали содействие в том, что касается архитектуры и реставрации Росслинской часовни. Но больше всего во всех отношениях я обязан Найвену Синклеру, он всегда верил в связь храмовников с Сент-Клерами, и я ощущал его поддержку и добрые советы, кроме того, он связал меня с Марианной Лайнс, специалистом по печати на текстиле, которая обнаружила выбитый на камне Грааль.

Доктор У.У. Уэскотт в *Miscellanea Latomorum*, xxviii, № 5, 1944, приводит выписку о Шамире из "древнего ритуала" масонов: эта традиция определенно существовала в "Старом Йоркском ритуале". Александр Хорн, масон тридцать третьей степени по древнему и признанному шотландскому ритуалу, исчерпывающим образом описывает легенду о Шамире в книге "Храм царя Соломона в масонской традиции" (Лондон. 1972, с. 165–167). Упоминание о раскалывающем камне черве Шамире присутствует в "Полихрониконе" Ранульфа Хигдена, манускрипте XIV века, хранящемся в Хантингдонской библиотеке, Пасадена, штат Калифорния.

Согласно орфической традиции, обнаженные участники культа поклонялись священному крылатому змею. Чаша с изображением этого ритуала описана в книге Эммы Джанг "Легенда о Граале" (Бостон, 1968). Ипполит пишет в своих "Опровержениях": "Теперь

никто не может быть спасен и воскрешен без Сына, который есть змей". Через арабов предметы гностического культа достигли Испании и Южной Франции. Coffrets gnostiques, "гностические ларцы" с изображениями нагих посвященных были широко распространены в Провансе в XII–XIII веках, когда катары ("чистые") проповедовали там свою веру.

Литература к главе:

Dr W.W. Wescott. *Miscellanea Latomorum*, xxviii, no. 5, 1944.

Alexander Home. *King Solomon's Temple in the Masonic Tradition* (London, 1972), pp. 165—7.

Ranulf Higden. *Polychronicon*, manuscript in Huntingdon Library, Pasadena, California.

Emma Jung. *The Grail Legend* (Boston, 1968).

Hippolytus. *Elenchos*.

2. ВЕНЕЦИЯ И ДЗЕНО

Все исследования относительно крестоносцев до сих пор начинаются и кончаются работой сэра Стивена Рансимена "История крестовых походов" (три тома, Кембридж, 1951–1954). Полезными по данному предмету являются книги Зоэ Ольденбург "Крестовые походы" (Лондон, 1966); Ричарда Барбера "Рыцари и рыцарство" (Лондон, 1970); и Амина Маалуфа "Крестовые походы глазами араба" (Лондон, 1984). Ссылка на Северный крестовый поход 1152 года с Оркнейских островов взята из книги Риана "Expedition et Pelerinages des Scandinaves en Terre Sainte" (Париж, 1865, с. 248–250).

По мнению немецкого историка Викле, другими шестью основателями ордена храмовников были Рораль, Гундемар, Годфри Бирол, Пайен де Монтидье, Арчибальд де Сент-Аман и Эндрю де Монбар. Не заслуживающий доверия Вильям де Тир называет датой основания ордена храмовников 1118 год. Однако Майкл Бейджент, Ричард Ли и Генри Линкольн в книге "Священная кровь и Святой Грааль" (Лондон, 1982, с. 56–59) приводят убедительное доказательство более ранней и секретной даты основания его первым магистром ордена Гуго де Пайеном в 1128 году и привлечения новых храмовников, графа Шампанского определенно, еще до успешного европейского тура де Пайена, который дал ему возможность два года

спустя вернуться в Иерусалим с тремястами рыцарей. Быстрое расширение ордена в людях и ресурсах было бы затруднительно без более раннего начала. Письмо магистру храмовников во Франции цитируется в книге Стивена Ховарта "Рыцари Храма" (Лондон, 1982, с. 223–224).

Что касается ранней истории семейства Дзено, я обязан докторской диссертации Филипа М. Джиральди "Семейство Дзено (1500–1550). Патриции — государственные служащие в Венеции эпохи Возрождения" (Лондонский университет, 1975). Особо важное значение имеет библиография этой книги. Семейство Дзено некогда располагало обширным архивом, но из его материалов уцелели лишь немногие. То, что осталось, хранится в Archivio Zen, в библиотеке Музео Коррер. В книге *Venzia e la sua Laguna* (том 1, Венеция, 1847, стр. 60–61) описан архив графа Пьетро Дзено, однако в настоящее время можно найти лишь несколько из тех манускриптов. В *Arogatori da Comun, Ballo d'Oro* существует перечень юных патрициев, служивших в верховном совете — *Barbarelli* — с 1414 по 1544 год, он также содержится в *Raccolta dei Consegi* в Музео Марчана. Относительно позднейшего семейства Дзено полезным является *Libro d'Oro*, доказательство аристократического происхождения, хранящееся с 1506 года в *Archivio di Stato*. Марко Барбаро в *Libro di nozze*, 1380–1568, излагает в шестидесяти четырех манускриптах историю аристократических венецианских семейств XVI века. Его сообщение о семействе Дзено находится в Библиотеке Марчано. Книга Фрэнка Дж. Суэца "Капитализм и арифметика" (Ла Саль, Иллинойс. 1987) представляет собой существенно важную работу о значении Тревизо в торговле Венеции с Севером и содержит полный перевод книги 1478 года "*Treviso Arithmetic*".

Адмирал Готтардо, глава Музео Сторико Навале в Венеции, подтвердил автору, что Карло Дзено использовал петриеру в сражении при Кьодже, она применялась в промежутке между 1370 и 1400 годами, после чего стала устарелой. Изображение рыцаря в короне есть на одной из гравюр Вавассаторе 1558 года, сделанной с карты мира Каспара Фопеля из Кельна (единственная сохранившаяся копия находится в библиотеке Хоутона в Гарвардском университете). Николо Дзено опубликовал "*Dello Scoprimiento dell' Isole FRISLANDA, ESLANDA, ENGRONELANDA, ESTOTILANDA E ICARIA, fatto per*

due fratelli ZENI, M. Nicolo il Cavaliere, E M. Antonio. Libro Uno, col disegno di dette Isole" в Венеции в 1558 году, том же, коща Вавассаторе делал гравюры с карты Фопеля. Эта книга была переиздана для Общества Хаклуита на двух языках в 1873 году с предисловием и справочным аппаратом Ричарда Х. Мейджера, убежденного в ее подлинности, если не считать явного авторского вымысла об Икарии. Значительной работой об отношениях Венеции и Константинополя является книга Доналда У. Никола "Византия и Венеция. Очерк дипломатических и культурных отношений" (Кембридж, 1988).

Ничто не представляет долгую связь семейства Дзено с рыцарями более ясно, чем позднейшая карьера Пьетро Дзено, посла Венеции в Дамаске в начале XVI века. В это время турки захватили Константинополь, мамелюки властвовали в Египте, персидский шах угрожали Леванту, Родос все еще удерживали госпитальеры, а Венеция сохраняла только Кипр, Крит и несколько греческих островов. Пьетро Дзено тайно переписывался с великим магистром ордена на Родосе, сообщал ему о богатых флотилиях, идущих из Александрии в Бейрут и Константинополь. Используя эти сведения, рыцари святого Иоанна атаковали мусульманские суда и уничтожали их. В результате Пьетро Дзено заковали в Каире в цепи и едва не казнили, хотя он отрицал связь с рыцарями и персидским шахом, тот состоял с ним в дружбе и нуждался в венецианской артиллерии. Посольство из Венеции добилось его освобождения, но Пьетро отправили в другую миссию в Константинополь после того, как турецкий султан захватил Родос и изгнал последних уцелевших госпитальеров.

Как и всех послов, Пьетро Дзено отправляли за границу лгать и шпионить. Он постоянно сообщал Венецианскому сенату обо всех передвижениях турецкой армии и флота. По возвращении в Венецию он стал членом Совета Десяти и выстроил новый семейный дворец неподалеку от церкви в приходе Крозикьери. Поддерживал связь с госпитальерами, которые получили пресвитерию храмовников возле Сан Джорджо ди Скьявони; она до сих пор остается во владении мальтийских рыцарей-иоаннитов. Пьетро Дзено до восьмидесяти лет продолжали посылать с миссиями на Ближний Восток, чтобы он сообщал обосновавшимся на Мальте госпитальерам о мусульманских судах, которые рыцари часто атаковали, сопротивляясь таким образом владычеству мусульман в Восточном Средиземноморье.

Литература к главе:

Sir Stephen Runciman. *A History of the Crusades* (3 vols., Cambridge, 1951–1954).

Zoe Oldenburg. *The Crusades* (London, 1966).

Richard Barber. *The Knight and Chivalry* (London, 1970).

Amin Maalouf. *The Crusades Through Arab Eyes* (London, 1984).

Riant. *Expeditions et Pelerinages des Scandinaves en Terre Sainte* (Paris, 1865), pp. 248—50.

Michael Baigent, Richard Leigh and Henry Lincoln. *The Holy Blood and the Holy Grail* (London, 1982), pp. 56—9. Stephen W.R. Howarth. *The Knights Templar* (London, 1982), pp. 223—4.

Philip M. Giraldi. *The Zen Family (1500–1550): Patrician Office Holding in Renaissance Venice* (PhD Thesis, London Univ.. 1975).

Venezia e la sua laguna (vol. I, Venice, 1847), pp. 60—1, *Raccolta dei Consegi Libro d'Oro*.

Marco Barbara. *Libro di nozze, 1380–1568*.

Frank J. Swetz. *Capitalism and Arithmetic* (La Salle, Illinois. 1987).

Nicolo Zeno. *Scoprimento dell'Isole FRISLANDA, ESLANDA, ENGRONELANDA, TILANDA & ICARIA, fatto per due fratelli ZENI, M. Nicolo il Cavaliere & M. Antonio. Libro Uno, col disegno di dette hole*. Venice. 1558.

Donald W. Nicol. *Byzantium and Venice: A Study in Diplomatic and Cultural Relations* (Cambridge. 1988).

3. РЫЦАРИ МЕЧА, МАСТЕРКА И ГРААЛЯ

Арнольд ди Вилланова писал о Круге и Философском Камне. Книга Л. Рингбома "Graltempel und Paradies" (Стокгольм, 1951) бесценна связью Замка Грааля с восточными взглядами и архитектурой. Некоторые ее теории были впервые выдвинуты в книге Л.Э. Изелина "Der morgenlandische Ursprung der Graalslegende" (Халле, 1909). Смотрите также интересную работу П. Понсуа "L'Islam et le Graal" (Париж, 1957).

Храм Священного Огня на горе Шиз был перестроен при мусульманских правителях, преемниках Чингиз-хана, и до сих пор почитаем парсами. Один из этих преемников, Абака Кахан, принял титул "Священника-царя Иоанна" или Пресвитера Иоанна, считающегося сыном дочери короля-хранителя Грааля из "Парцифаля"

и последним хранителем Грааля. В "Младшем Титуреле" тоже подчеркивается легенда о Пресвитере Иоанне.

Арабскими комментаторами относительно разграбления Иерусалима были Ибн аль-Атар и Ибн аль-Каланиси. Они оба цитируются в превосходной работе Амина Маалуфа "Крестовые походы глазами араба" (Лондон, 1984). Наиболее доступный сборник текстов, "Арабские историки о крестовых походах" (Лондон, 1982), перевел и издал Франческо Габриели.

О. Ран в книге "Kreuzzug gegen den Grab (Фрибург, 1933) старается доказать, что Грааль был культовым предметом катаров, взгляды которых стимулировали все романы о Граале. Связь Монсепора и Прованса с Граалем и тайной династией Приората Сиона убедительно утверждается в книге Бейджента, Ли и Линкольна "Священная кровь и Святой Грааль" (Лондон, 1982), где перепутаны Sangreal, Святой Грааль, и Sang Real, Королевская кровь. Не существует никаких подлинных указаний на связь между родословием Анжуйской династии и гипотетическим отпрыском союза между Иисусом Христом и Марией Магдалиной.

Литература к главе:

L.J. Ringbom. *Graltempel und Parodies* (Stockholm, 1951).

L.E. Iselm. *Der morgenlandische Ursprung der Graalslegende* (Halle, 1909).

P. Ponsoye. *L'islam et le Graal* (Paris, 1957).

Amin Maalouf. *The Crusades Through Arab Eyes* (London, 1984).

Francesco Gabrieli, trans. *Arab Historians of the Crusades* (London, 1969).

O. Rahn. *Kreuzzug gegen den Gral* (Fribourg, 1933).

Baigent, Leigh and Lincoln. *The Holy Blood and the Holy Grail*, (London, 1982).

4. КРОВЬ СВЯЩЕННОГО СВЕТА

Два незаменимыми источниками сведений о ранней истории семейства Сент-Клеров являются книги священника Ричарда Огастина Хэя "Генеалогия рослинских Сент-Клеров" (Эдинбург, 1835) и Роланда Вильяма Сент-Клера "Сент-Клеры с островов" (Окленд, 1898). Работа Хэя представляет собой источник выдержек,

рассказывающих о первых Сент-Клерах. Т.М. Гилберт в книге "Охота и охотничьи угодья в Средневековой Шотландии" (Эдинбург, 1979) пишет о пожалованиях Брюса в Контентине и пожалованиях Сент-Клера возле Сериси. Книга Л.-А. де Сент-Клера "Histoire Genealogique de la Famille de Saint Clair et de ses Alliances (France-Ecosse)", (Париж, 1869) очень важна для ранней истории семейства. Брак Вальдерна де Сент-Клера и Елены, дочери Ричарда Третьего, пятого герцога Нормандии, утверждается в недостоверном повествовании Я. Ван Бассана о ранней истории семейства Сент-Клеров, которое перепечатали Хэй и Р.У. Сент-Клер. Гордон Доналдсон в "Современной сцене", превосходном предисловии к авторитетной работе "Собор святого Магнуса и Ренессанс XII века на Оркнейских островах" (Абердин. 1988), справедливо называет Ингебьорг, первую жену короля Малькольма, дочерью, а не вдовой Торфина. Цитата о целебной силе источника святой Екатерины взята из труда епископа Лесли "История Шотландии" (Эдинбург, 1578). Я снова обязан Роберту Брайдону, архивисту шотландских храмовников, за его исследование ранней истории Сент-Клеров в Шотландии.

Литература к главе:

Father Richard Augustine Hay. *Genealogie of the Sainteclaires of Rosslyn* (Edinburgh, 1835).

Roland William Saint-Clair. *The Saint-Clairs of the Isles* (Auckland, 1898).

T.M. Gilbert. *Hunting and Hunting Reserves in Medieval Scotland* (Edinburgh, 1979).

L.-A. de Saint Clair. *Histoire Genealogique de la Famille de Saint Clair et de ses Alliances (France-Ecosse)* (Paris, 1869). Barbara E. Crawford. *St. Magnus Cathedral and Orkney's Twelfth Century Renaissance* (Aberdeen, 1988).

Bishop Lesley. *History of Scotland* (Edinburgh, 1578).

5. ПАДЕНИЕ ХРАМОВНИКОВ

Свидетельство Иоанна де Шалона цитируется в работе Генриха Финке "Papsttum und Untergang des Templerordens" (2 тома, Мюнстер, 1907) во втором томе на 339 странице. На страницах 74–75 второго тома Финке приводит перечень спасшихся храмовников,

приводящийся в документах в *Bibliothèque Nationale*. Там утверждается, что Жерар де Вильер бежал с сорока рыцарями, но двенадцать других избежали опасности, в частности Гуго де Шалон и Имбер Бланк, находившийся в Англии. Наилучшее суждение о бегстве храмовников в Шотландию содержится в книге Майкла Бейджента и Ричарда Ли "Храм и Ложа" (Лондон, 1989). Они обнаружили захоронения храмовников в Арджилле и Атлите, но игнорируют возможное прибытие части флота храмовников в залив Ферт-оф-Форт, находящийся неподалеку от их поместий и земель Сетона и Сент-Клера. А. Босуэлл-Госсе, масон восемнадцатой степени, опубликовала бесценную работу "Рыцари-храмовники" (Лондон, 1912). Шотландские храмовники существуют до сих пор, а некоторые их ложи принимают женщин. Она хорошо знает масонские традиции в Шотландии, символику и словарь храмовников. Я признателен Ричарду Барберу, автору книги "Рыцари и рыцарство" за его превосходное описание тевтонских рыцарей и рыцарей Калатравы.

Бесценной в отношении падения храмовников является книга Бейджента, Ли и Линкольна "Священная кровь и священный Грааль" (Лондон, 1982). Пригодны также книги Жерара Серба-неско "Histoire de l'Ordre des Templiers" (Париж, 1970) и Стивена У.Р. Говарта "Рыцари-храмовники" (Лондон, 1912). Эпизод кары за мужеложство описан в Правилах, приведенных в книге Анри де Кюрзона "La Regie du Temple" (Париж, 1886).

Литература к главе:

Heinrich Finke. *Papsttum und Untergang des Templerordens* (2 vols., Munster, 1907), vol. 2, p. 339.

Michael Baigent and Richard Leigh. *The Temple and the Lodge* (London, 1989).

A. Bothwell-Gosse. *The Knights Templar* (London, 1912).

Richard Barber. *The Knight and Chivalry* (London, 1970).

Baigent, Leigh and Lincoln. *The Holy Blood and the Holy Grail* (London, 1982).

Gerard Serbanesco. *Histoire de l'Ordre des Templiers* (Paris, 1970).

Stephen W.R. Howarth. *The Knights Templar* (London, 1912).

Henri de Curzon. *La Regie du Temple* (Paris, 1886).

6. ПОИСКИ НАДГРОБИЙ

"Хроника Мелроуза", охватывающая период с 1175 примерно по 1275 годы, хранится в Британской библиотеке. Копия ее выставлена в доме коммендатора в Мелроузском аббатстве.

Мистер Т. Уайт писал в журнале "Джентльменз мэгэзин", 1789, том первый, стр. 337–338, об эксгумации рыцаря-храмовника в Дэнбери. Я признателен Эндрю Коллинзу за то, что он показал мне церковь Святого Иоанна Крестителя в Дэнбери и за книгу "Рыцари из Дэнбери" (Уикфорд, Эссекс, 1985). Поэма У.Э. Эйтона основана на сообщении о гибели шотландских рыцарей у Фебы в Испании, приведенном в "Анналах" Бальфура. Баллада о Хелпе и Холде (Хватае и Помогает) была написана Дж. Уайт-Мелвиллом и приведена в бесценной книге Р.У. Сент-Клера "Сент-Клеры с островов" (Окленд, 1898). Раскопки в Сутре велись под руководством доктора Брайена Моффэта, в организации которого насчитывается семьсот специалистов. Два надгробья у Старой Пентлендской часовни в 1879 году срисовал Томас Арнольд, о них сообщило Шотландское общество антикваров в своих "Записках" 8 декабря 1879 года.

Переводы сэра Гилберта Хэя "Книги сражений", "Книги о рыцарском ордене" и "Книги о правлении принцев" хранятся в рукописях в Национальной библиотеке Шотландии, они взяты из старой Адвокатской библиотеки. В окружной мидлотианской библиотеке хранятся экземпляры книг "Registrum Ecclesiae Collegiae of Midlothian" и "Registrum S. Mariae de Neubotle, Abbaciae Cisterciensis, 1140–1528" (Эдинбург, 1849), что свидетельствует о тесной связи между рослинскими Сент-Клерами, монахами-цистерцианцами и храмовниками. Они подтверждаются из того же источника документами Мелроузского аббатства, "Munimenta de Melros", с XII по XVI век.

Литература к главе:

Mr. T. White. *The Gentleman's Magazine*, 1789, vol. I, pp. 337–338.

Andrew Collins. *The Knights of Danbury* (Wickford, Essex, 1985).

R.W. Saint-Clair. *The Saint-Clairs of the Isles* (Auckland, 1898).

Thomas Arnold, Society of Antiquarians in Scotland. *Proceedings*, 8 December 1879.

7. НАХОДКА ГРААЛЯ

За интерпретацию Грааля я очень признателен замечательной работе Эммы Юнг, завершенной Марией-Луизой фон Франц "Легенда о Граале" (Бостон, 1986), из которой я взял цитату о поиске Святого Грааля, с. 103. Очень полезным оказалось предисловие Рут Харвуд Клайн к ее переводу "Персеваля" Кретьена де Труа (Афины, Джорджия, 1985).

Элеонора Аквитанская, возможно, тоже вдохновлялась более ранним, утраченным романом о Граале трубадура Риго де Барбезье, который писал до 1160 года: "Подобно тому, как Персеваль, когда был жив, так изумился тем зрелищем, что не мог спросить, какой цели служат Грааль и копьё, точно также и я, Mielhs de Donna (возможно Элеонора Аквитанская), потому что забываю обо всем, когда гляжу на вас во все глаза". Смотрите книгу Риты Леджун "Трубадуры. Литература о короле Артуре в средние века" (Оксфорд, 1969).

В иллюстрированной книге "Грааль. Поиск вечного" (Лондон, 1981) Джон Мэтьюз рассматривает религиозную терпимость, выраженную в "Парцифале", хотя забывает о нескольких антисемитских высказываниях. Как он указывает, Фейрефиц женится на дочери короля — хранителя Грааля, и сыном их был Пресвитер Иоанн, легендарный христианский царь Африки, который правил подданными с помощью изумрудного скипетра и стал еще одним легендарным хранителем Грааля.

Возможно, что автор "Персеваля". Кретьен де Труа, посещал Англию, так как Анри де Блуа, дядя его покровителя, графа Анри Шампанского, стал настоятелем Гластонбери и епископом Винчестерским, кроме того, был известным покровителем искусств. Ранний рыцарский роман Кретьена "Клижес и Энида" обнаруживает значительные познания в географии Англии, включая местоположение Лондона, Оксфорда, Дувра, Саутгемптона, Виндзора, Кентербери и Винчестера. Разумеется, норманнское королевское семейство Англии имело большие связи с Францией.

Брошюра Джеймса Э. Крейка "Храмовники и священная Плащаница" (Стирлинг, 1987) посвящена мандилиону в храме Комбе. Когда во время первого крестового похода было обнаружено священное копьё Лонгина, византийцы включили его в свою литургию в память о святом Иоанне Златоусте. Священник ударял облатку, представляющую тело Христово, священным копьём и цитировал

Евангелие от Иоанна: "Но один из воинов копьем пронзил Ему ребра, и тотчас истекла кровь и вода" (Ин. 19: 34). Викторианским автором труда "Розенкрейцеры, их ритуалы и мифы" был Харгрейв Дженнингс, он опубликовал свои открытия в двух томах в Лондоне, в 1887 году.

Считалось, что последовательность тех, кто был помазан на Подглавии Иакова, или Камне Судьбы, начиналась с патриарха Иакова, в нее входили:

Десять князей колена Иуды

Иуда, Фарес, Есром, Арам, Аминадав, Нассон, Салмон, Вооз, Овид, Иессей.

Два царя Израиля

Давид, Соломон.

Девятнадцать царей Иудеи

Ровоам, Авия, Аса, Иоасафат, Иорам, Ахаз, Иоас, Амасия, Озия, Иоафам, Ахаз, Езекия, Манассия, Аммон, Иосия, Иоахаз, Иоаким, Иехония, Седекия.

Пятьдесят шесть ардатов или верховных королей Ирландии

Эохайд Первый (Eochaidh the First), Ириал Файдх (Irial Faidh), Эйтриалл (Eithriall), Фоллайн (Follain), Тигернмас (Tighemmas), Эанбота (Eanbotha), Смиоргуйл (Smiorguil), Фиахад Лабруйн (Fiachadh Labhrúine), Донгус Ойлбуагах (Aongus Oilbhuagach), Маойн (Maoin), Ротехта (Rotheachta), Дейн (Dein), Шорна Саогалах (Siorna Saoghalach), Ойлиолла Олахойн (Oili-olla Olchaoin), Гиаллхад (Giatlchadh), Муада Фионн Файл (Nuadha Fionn Fail), Симон Бреак (Simon Breac). Мунядах Болграх (Munadhach Bolgrach), Фиахад Толпах (Fiachadh Tolgrach). Дуах Лайфах (Duach Laighrach), Эохайд Буиллайг (Eochaidh Buillaig). Угайне Мор Великий (Ugaine More the Great), Кобтах Каолбрег (Cobhthach Caolbreag), Мейлаге (Meilage), Яран Глеофатах (Jaran Gleofathach), Конла Круайх (Conla Cruaich), Кеалгах (Cenlgach), Ойлиолла Кайстиаклах (Oiliolla Caisfhiacloch), Эохайд Фолтлсатан (Eochaid Foltleathan), Аоигус Туйримех (Aongus Tuirimheach), Эанда Айгнах (Eanda Aighnach), Лабра Луйре (Labhra Luire), Блатахта (Blathachta), Эамиа (Eamhna), Эасамуйн Замна (Easamhuin Eamhna), Ройгнейм Руадх (Roighneim Ruadh), Финлога

(Finlogha), Финн (Finn), Эохайд Фейдлиох (Eochaidh Feidhlioch), Биас Финеамнас (Bias Fineamhnas), Лугайд Риэбдерг (Lughaidh Riebdearg), Криомтан Ниаднар (Criomhthan Niadhna), Фиорайднах Фионфахтнах (Fioraidhach Fionfachtnach), Фиахад Фнонхуд (Fiachadh Fionchudh), Туатал Теахтман (Tuathal Teachtman), Фейдлимиох Реахтмар (Feidhlimhioh Reachtmar), Конн Кеадхадах (Conn Ceadchadhach), Арт Аонфхир (Art Aonfhir), Кормак Улфхада (Connac Ulfhada), Кайрбре Лиффеахайре (Cair-bre Liffeachaire), Фиахнад Стребтуйне (Fiachadh Streabhthuine), Муирреад Тиреах (Muirreadhach Tireach), Эохайд Моймеодайн (Eochaidh Moihmeodhain), Ниалл Девяти Заложников (Niall of the Nine Hostages), Эоган (Eogan), Муреадах (Mureadhach, женившийся на Эарке).

Четырнадцать королей Аргайла

Фергус Мор, Донгард, Конран, Константин Первый, Айдан, Евгений Третий, Дональд, Донгард Второй, Евгений Четвертый, Финдан, Евгений Пятый, Этхафинд, Ахайас, Алпин.

За этими правителями последовали тридцать восемь королей и королев Шотландии, от Кеннета Мак-Альпина до Марии Стюарт, и шестнадцать королей и королев Великобритании, от Иакова Шестого Шотландского и Первого Английского до Елизаветы Второй. Эдуард Восьмой сюда не включен, так как он отверг освящение и коронацию на священном камне в Вестминстере.

В "Записках о библиотеке Росслинских Синклеров" 14 февраля 1898 года профессор Г. Дж. Лоулор дает подтверждение манускриптам Сент-Клеров в моем тексте. Я признателен архивисту шотландских храмовников Роберту Брайдену за его анализ переплета на манускрипте "Roslyn-Hay", а также за копию цитаты из "Orcades Seu Regum Orcadensium" относительно заявления Томаса, епископа Оркнейского и Зетлавдского королю Норвегии Эрику в 1446 году. Биографом семейства Сент-Клеров в книге "Сент-Клеры с островов" (Окленд, 1898) является Р.У. Сент-Клер.

Майкл Дэвидсон — американский мастер-масон, посетивший Росслинскую часовню в 1991 году. Книга Элейн Пейджел "Адам, Ева и Змей" (Нью-Йорк, 1988) является авторитетным источником по учению гностиков и снабжена цитатами из раннего христианского

"Свидетельства об Истине". Древний масонский ритуал цитируется в "Miscellanea Latomorum", xxviii, № 5, 1944; и в книге Александра Хорна "Храм царя Соломона в масонской традиции" (Лондон, 1972). Гербы принца Генри Сент-Клера взяты из "Armorial de Cetre, 1369–1388", ранней работы по гербоведению в брюссельской Bibliotheque Royale. В моем переводе "Парцифаля" кое-что заимствовано из перевода Джесси Л. Уэстон, опубликованного в Лондоне в 1894 году.

Относительно Грааля в Рослине смотрите книгу Вальтера Иоханнеса Штейна "Смерть Мерлина" (Нью-Йорк, 1989) и Тревора Равенскрофта и Т. Уоллеса-Мерфи "Начертание зверя" (Лондон, 1990). Смотрите также шотландскую "Дейли экспресс" за 13 и 14 июня 1962 года.

Литература к главе:

Emma Jung, Marie-Louise von Franz. *The Grail Legend* (Boston, 1986).

Rita Lejeune. *The Troubadours, Arthurian Literature in the Middle Ages* (R.S. Loomis, ed., Oxford, 1969).

John Matthews, *The Grail: Quest for the Eternal* (London, 1981).

James E. Craik. *The Templars and the Holy Shroud* (Stirling, 1987).

John Matthews. *The Rosicrucians: Their Rites and Mysteries* (2 v. London, 1887).

R.W. Saint-Clair in *The Saint-Clair of the Isles* (Auckland, 1898).

Elaine Pagels. *Adam, Eve and the Serpent* (New York, 1988).

W.W. Westcott. *Miscellanea Latomorum*, xxviii, no. 5, 1944.

Alexander Home. *King Solomon's Temple in the Masonic Tradition* (London, 1972).

Walter Johannes Stein. *The Death of Merlin* (New York, 1989).

Trevor Ravenscroft and T. Wallace-Murphy. *The Mark of the Beast* (London, 1990).

Scottish *Daily Express* of 13 and 14 June 1962.

8. ЗЕЛЕННЫЕ ЛЮДИ И МЕДИЦИНА

В книге Вильяма Т. Стирна "Ботаническая латынь. История, грамматика, синтаксис, терминология и лексика" (третье издание, Лондон, 1983) суммируется терминология садоводства. Книга Артуро Кастильони "История медицины" (второе пересмотренное издание,

Нью-Йорк, 1947) является авторитетным источником по ранней медицинской практике; книга Говарда У. Наггарта "Дьяволы, медикаменты и врачи" (Лондон, 1929) интересна и содержательна: он цитирует Гиппократ. Книга Доналда Кэмпбелла "Арабская медицина и ее влияние на Средневековье" (два тома, Лондон, 1926) справедливо подчеркивает значение исламской медицины в период между классической Грецией и ранней современной Европой.

Книга Дж. С. Сквайра "Лекарственные сады" (два тома, Лондон, 1924) существенно важна для данной темы. В ней содержится полный перечень растений в "Capitulare de Villis" Карла Великого и других средневековых сочинениях, как и цитаты из Валафрида Страбона и Александра Некхема. "Искусная практика" (три тома, Эдинбург, 1986–1990) сообщает о важной работе, проделанной при раскопках Сутры; в книге раскрываются средневековые медицинские методы. Книга Марии-Луизы Готейн "История садоводческого искусства" (два тома, Лондон, 1928) содержит планы Сент-Голла, Вестминстера и ботанического сада в Оксфорде. За ссылки на Эндрю Марвелла о Рае и вводное стихотворение к каталогу растений в Оксфордском ботаническом саду я признателен Джону Престу, автору книги "Райский сад. Ботанический сад и воссоздание Рая" (Нью-Хейвен, Коннектикут, 1981).

Книга Элизабет Б. Мойнихен "Рай как сад в Персии и Индии Великих Моголов" (Лондон, 1980) поднимает совершенно новую тему. Вильям Л. Хэнзвей-младший солидаризируется в своей статье "Растительность земного сада" с семинаром Форты Дамбертона Оукса "Исламский сад", проходившим в 1976 году. Лиз Мэнник в книге "Древнеегипетский травник" (Лондон, 1989) знакомит читателей с последними исследованиями ботаники фараонов. Четыре вытекающие из Эдема реки указываются в комментариях к Библии как Евфрат, Тигр или Хиддекель, Фисон и Тихон, последние две впоследствии сочли Нилом и Гангом. Книга Джона Преста "Райский сад" (Нью-Хейвен, Коннектикут, 1981) представляет собой важный источник по данной теме.

Цитата об обнесенном стеной библейском саде взята из книги Терезы Маклин "Средневековый английский сад" (Лондон, 1981), значительной научной работы. Элеонора Синклер Род написала работу "Садоводство в Библии" (Лондон, 1927). За раздел о значении розы я

признателен Аллену Патерсону, автору книги "История розы" (Лондон, 1983) и Эйтне Уилкинс, чья книга "План розового сада" является первой работой о значении розы в культуре Девы Марии.

Любопытно, что на своем экземпляре "Extracta E Chronies Scotie" (Эдинбургская адвокатская библиотека) сэр Вильям Синклер из Рослина писал собственноручно в 1569 году о Робин Гуде, как об историческом персонаже. Смотри "Проповеди" епископа Латимера (Лондон, 1906) и "Дневники" Филипа Стаббса (Ферниволл, два тома, 1877–1879) первый том, с. 149. Книга Дж. С. Холта "Робин Гуд" (пересмотренное издание, Лондон, 1989) является авторитетным источником по данной теме, хотя Холт не признает связи с Робин Лесов. Зарисовка надгробного камня Робин Гуца есть в книге Ричарда Гоу "Надгробные памятники Великобритании" (Лондон, 1786), хотя Холт цитирует стихи из пьесы о Робин Гуде и строки Эндрю де Уайнтонна.

Литература к главе:

William T. Stearn. *Botanical Latin: History, Grammar, Syntax, Terminology and Vocabulary* (3rd rev. ed., London, 1983).

Arturo Castiglioni. *A History of Medicine* (2nd rev. ed., New York, 1947).

Howard W. Haggard. *Devils, Drugs, and Doctors* (London, 1929).

Donald Campbell. *Arabian Medicine and Its Influence on the Middle Ages* (2 vols., London, 1926).

J.C. Squire. *Medieval Gardens* (2 vols., London, 1924).

Alexander Neckham. *Sharp Practice*, 1 & 2 & 3 (Edinburgh, 1986–1990).

Marie-Luise Gothein. *A History of Garden Art* (2 vols., London, 1928).

John Prest. *The Garden of Eden: The Botanic Garden and the Re-Creation of Paradise* (New Haven, Connecticut, 1981).

Elizabeth B. Moynihan. *Paradise as a Garden: In Persia and Mughal India* (London, 1980).

William L. Hanaway, Jr. *The Vegetation of the Earthly Garden*. Fourth Dumbarton Oaks. Colloquium. *The Islamic Garden* (1976).

Lise Manniche. *An Ancient Egyptian Herbal* (London, 1989).

John Prest. *The Garden of Eden* (New Haven, Connecticut, 1981).

Teresa McLean. *Medieval English Gardens* (London, 1981).

- Eleanour Sinclair Rohde. *Garden-Craft in the Bible* (London, 1927).
Allen Paterson. *The History of the Rose* (London, 1983).
Eithne Wilkins. *The Rose Garden Game* (London, 1969).
Bishop Latimer. *Sermons* (London, 1906).
Philip Stubbes. *Diaries* (Fumivall, ed., 2 vols., 1877–1879), vol. I, p. 149.
J.C. Holt. *Robin Hood* (rev. ed., London, 1989).
Richard Gough. *Sepulchral Monuments of Great Britain* (London, 1786).

9. ПЛАВАНИЕ НА ЗАПАД

Единственный экземпляр глобуса 1537 года *Gemma Frisius-Mercator* находится в Шлоссмусеуме в Цербсте в Германии, а единственный экземпляр карты Фопеля — Вавассаторе в хорошем состоянии в библиотеке Хотона в Гарварде. Она составлена по географическим открытиям англичан, французов, испанцев и португальцев в предыдущие десятилетия. Майкл Брэдли и Дина Тейлмен-Бин в книге "Святой Грааль за Атлантикой" (Онтарио, 1988) приводят свидетельства присутствия храмовников в экспедиции принца Генри Сент-Клера в Канаду. Они также провели исследования Оук-айленда и других булыжных фундаментов в Новой Шотландии. Однако их общие умозаключения о Граале и стремлении потомков Сент-Клера колонизировать Америку весьма гипотетичны.

Карта Меркатора 1569 года была напечатана в Дуйсбурге. Я признателен за подробности использования "Карты Дзено" в "Собрании старых карт" (составлена и издана Э.Д. Файтом и Э. Фрименом, Кембридж, Массачусетс, 1926). Очень значительна относительно точности "Карты Дзено" книга Миллера Кристи "Серебряная карта мира", (Лондон, 1890). Текст на глобусе 1693 года в музее Коррер в оригинале выглядит так:

NUOVA FRANCIA

ESTOTILANDIA

THE NEW BRETAGNE

TIERRA DE LABRADOR scoperta Ser Antonio Zen Patrizio

Veneto nel 1390 primo gli altri Paesi dell America Fossoero conosciuti.

Смотрите книгу Одни У. Ширли "Ранняя картография мира. Ранние отпечатанные карты мира 1472–1700" (том 9, Лондон, 1984); и В.Ф.

Ганонга "Основные карты в ранней картографии — номенклатура мест Атлантического побережья Канады" (Торонто, 1933). Смотрите также книгу Лео Багроу "Джованни Андреас ди Вавассоре. Описательный перечень его карт" (Дженкинстаун, 1939).

Иоганн Рейнольд Форстер первым предположил, что Икаррия — это Керри в восемнадцатом столетии, и многие ранние сторонники подлинности "Книги и карты Дзено" согласились с ним, в том числе Гумбольдт в книге "Examen critique de l'Histoire de la Geographie" (Париж, 1837–1839), том 2. стр. 122; Иоаким Лелевель в книге "Geographie du Moyen Age" (Брюссель 1852–1857); граф Минискальки Эриццо в книге "Le Scoperte Antiche" (Венеция, 1855); Гравье в книге "Decouverte de l'Amerique par les Normands au X Steele" (Париж, 1874); Корнелио Дезимони в книге "I Viaggi e la Carta dei Fratelli Zeno Veneziana" (Флоренция, 1878) и Адольф Эрик барон фон Норденшёльд (Стокгольм, 1883), который убедительно показывает, насколько "Карта Дзено" оказалась точнее всех предыдущих карт северных морей, в том числе карты Олафа Магнуса.

Другие письменные работы Николо Дзено включают в себя "Storia della guerra Veneto — Turca del 1537 in 4 libri", "Dell'Origine de Venetia et Antiquissime memorie de i Barbari distrussero Pimperio di Roma" (Венеция, 1558) и "Trattato dell' Origine et costumi de gli Arabi" (Венеция, 1582). Хаклутское общество переиздало интерпретацию Рамузио "Книги и карты Дзено" и книгу Катерино Дзено "Путешествия в Персию" (Лондон, 1873).

Работа профессора Вильяма Герберта Хоббса "Дзено и картография Гренландии" была опубликована в "Имаго Мунди"; его работа "Открытие Антони Дзено Америки в XIV веке" появилась в журнале "Сайентифик Мансли", том 72, 1951 г. Он поддерживает доказательствами точность первого сообщения Николо Дзено из Гренландии, как и профессор Э.Г.Р. Тейлор с Сигурдом Амундсенем в работе "Затуманенная правда Дзено", опубликованной в журнале "Джиогрэфикел мэгэзин", том 49, 1977 г. Наиболее значительными сторонниками точности "Карты Дзено" являются капитан А.Г. Мэллори в книге "Потерянная Америка" (Колумбус, 1954) и Чарльз Г. Хэпгуд в книге "Карта древних королей моря" (Нью-Йорк, 1966). Лауге Кох, Д.М. Джонсон и Хельга Ларсен подтвердили доказательствами

свидетельство о средневековых поселениях викингов в восточной Гренландии.

Я глубоко признателен Майклу Ричи за показ "Истории навигации до 1492 года", главы его неоконченной оригинальной работы о средневековом мореплавании. Смотрите также книгу Э.Г.Р. Тейлора "Искусство находить гавань" (Лондон, 1956) и работу Т. Кемпбелла "Мореходные карты с конца тринадцатого века до 1500 года", книгу Дж. Хари и Д. Вудворда "История картографии" (Чикаго, 1987). Исследование мифа об Атлантиде и Аркадии заимствовано из моей книги "Нагой дикарь" (Лондон, 1991) и книги Льюиса Спенса "История Атлантиды" (Нью-Йорк, 1968).

Литература к главе:

Michael Bradley and Deanna Theilmann-Bean. *Holy Grail Across the Atlantic* (Ontario, 1988).

A Book of Old Maps (comp, and ed. by E.D. Fite & A.I. Freeman. Cambridge, Massachusetts, 1926).

Miller Christy. *The Silver Map of the World* (London, 1890).

Rodney W. Shirley. *The Early Mapping of the World: Early Printed World Maps 1472–1700* (vol. 9. London, 1984); W.F. Ganong. *Crucial Maps in the Early Cartography and Place-Nomenclature of the Atlantic Coast of Canada* (Toronto, 1933).

Leo Bagrow. *Giovanni Andreas di Vavassore: A Descriptive List of His Maps* (Jenkintown, 1939).

Humboldt. *Examen critique de l'Histoire de la Geographie* (Paris, 1837–1839), vol. II, p. 122.

Joachim Lelewel. *Geographie du Moyen Age* (Brussels, 1852—7), vol. II, pp. 84, 169.

Count Miniscalchi Erizzo. *Le Scoperte Antiche* (Venice, 1855).

Gravier. *Decouverte de l'Amerique par les Normands au X Siecle* (Paris, 1874).

Comelio Desimoni. *I Viaggi e la Carta dei Fratelli Zeno Veneziana, 1390–1405* (Florence, 1878).

Dell Origine de Venetia et Antiquissime memorie de i Barbariche distrussero Vimperio de Roma (Venice, 1558); *Trattato dell'Origine et costumi degli Arabi* (Venice, 1582).

Caterino Zeno. *Travels in Persia* (London, 1873).

William Herbert Hobbs. *Zeno and the Cartography of Greenland, Imago Mundi; The Fourteenth-Century Discovery of America by Antonio Zeno*, Scientific Monthly, vol. 72, 1951.

Professor E.G.R. Taylor and Sigurd Amundsen. *Zeno Truth Obscured by Smoke*, The Geographical Magazine, vol. 49, 1977.

Captain A. H. Mallory. *Lost America* (Columbus, 1954).

Charles H. Hapgood. *Map of the Ancient Sea Kings* (New York, 1966).

E.G.R. Taylor. *The Haven Finding Art* (London, 1956).

T. Campbell. *Portolan Charts from the Late Thirteenth Century to 1500*.

J. Harley and D. Woodward. *The History of Cartography* (Chicago, 1987).

A.Sinclair. *The Naked Savage* (London, 1991).

Lewis Spence. *The History of Atlantis* (New York, 1968).

10. ГРАФ И ПРИНЦ ОРКНЕЙСКИЙ

Притязания Генри Сент-Клера на титул графа Оркнейского полностью задокументированы в "Извлечении относительно генеалогии древних графов Оркнейских от присвоения им этого титула до XV века. Списано из подлинных документов Томасом, епископом Оркнейским, с помощью его клира и прочих", сделанном в июне 1446 года в Керкуолле. Полный текст жалованной грамоты от 2 августа 1379 года напечатан по латыни в работе Тормода Торфеуса "Orcades, seu rerum Orcadensium historiae" и переведен на английский Томасом Синклером в книге "События в Кейтнесе" (Уик, 1899). Он приводится ниже:

Всем, кто увидит или услышит эти грамоты, Генри, граф Оркнейский, владелец Рослина, желает спасения в Господе. Поскольку светлейший государь во Христе, мой все милостивейший повелитель Хакон, милостью Божией король Норвегии и Швеции, благосклонно предоставил нам Оркнейские земли и острова и возвел нас в титул ярла над этими землями и островами, и, поскольку этого требует положение, сообщаем всем, как потомкам, так и современникам, что мы приняли обязательство верности нашему повелителю королю, поцеловав его руку и уста, и дали ему надлежащую и нерушимую клятву верности, а также его советникам и приближенным, его наследникам и преемникам и его королевству Норвегии. И да будет ведомо всем, что мы и наши друзья, имена которых приводятся ниже,

по доброй воле твердо обещали нашей честью вышеназванному повелителю королю, его приближенным и советникам, что будем верно исполнять все договоренности, условия, обещания и статьи, содержащиеся в данных грамотах, нашему повелителю королю, его наследникам и преемникам и его королевству Норвегии.

Поэтому мы, прежде всего, твердо обязуемся служить нашему повелителю королю за пределами Оркнейских земель и островов с сотней или более здоровых людей во всеоружии на благо нашему повелителю королю, когда бы нас ни потребовали его посланники или письма, будучи заранее извещены за три месяца. Но когда люди придут к нашему повелителю королю, он будет поставлять продовольствие нам и нашим людям.

Кроме того, если кто пожелает атаковать или враждебно вторгнуться каким бы то ни было образом на Оркнейские земли и острова или в земли Зетленда, мы обещаем и обязываемся защищать эти земли с теми людьми, каких сможем собрать в добром здравии только для этой цели с этих земель и островов, а также со всеми силами родных, друзей и слуг.

А также, если потребуется нашему повелителю королю атаковать какие-нибудь земли или королевства, по праву или любой другой причине или необходимости, мы станем помогать и служить ему всеми нашими силами.

Более того, мы чистосердечно обещаем не возводить на указанных островах и землях замков или каких-либо укреплений, если не получим дозволения, желания и согласия нашего повелителя короля.

Также мы обязуемся хранить и оберегать Оркнейские земли и острова и защищать права всех их жителей, священников и мирян, богатых и бедных.

Кроме того, мы чистосердечно обещаем, что ни в коем случае не будем продавать или отчуждать эту территорию и владения, земли или острова, принадлежащие графству, или наши права, которые обрели на графство, земли и острова милостью Бога и нашего повелителя короля, от нашего короля, или его наследников и преемников, или королевства, и не отдавать эти владения в залог или бросать их на произвол судьбы против воли и желания короля и его преемников.

К тому же, если случится, что наш повелитель король, его наследники или преемники захотят посетить эти земли и острова для

своей защиты или по другой обоснованной причине, или направить сюда своих советников или приближенных, мы будем обязаны помогать нашему повелителю королю и его наследникам, его советникам и приближенным всеми нашими силами и предоставлять нашему повелителю королю, его наследникам, приближенным и советникам то, что им потребуется на необходимые издержки, или, если потребуется, в крайнем случае, взыскивать их с земель и островов.

Более того, мы обещаем не начинать войны, судебного процесса или прений с чужестранцами или местными жителями, если война, судебный процесс или прения могут причинить какой-то ущерб моему повелителю королю, его наследникам или преемникам, королевству Норвегии или вышеупомянутым землям и островам.

Если все же случится, что мы откровенно и несправедливо причиним зло кому-то на вышеуказанных землях и островах или нанесем кому-либо серьезное повреждение, такое, как лишение жизни, повреждение конечностей или расхищение имущества, то ответим подавшему жалобу по делу такого рода в присутствии самого нашего повелителя короля и его советников и воздадим за причиненное зло по законам королевства.

А также когда наш повелитель король вызовет нас к себе по какому-нибудь важному делу, когда пожелает созвать свою генеральную Ассамблею, мы обязаны явиться к нему, дать совет и оказать помощь.

Кроме того, мы обещаем не нарушать ни перемирий и безопасности нашего повелителя короля, ни мира, который он заключит с чужеземцами, местными жителями или с кем бы то ни было, не тревожить их, а защищать в меру своих сил и относиться как к объединенным с нами к тем, кого король Норвегии, наш повелитель, захочет считать своими фаворитами и друзьями.

Мы также обещаем не заключать договоров с епископом Оркнейским, не вступать в дружбу с ним без желания и согласия нашего повелителя короля; но должны помогать ему противостоять этому епископу, покуда епископ не поступит по справедливости или будет вынужден сделать это по особой причине, в тех вопросах, в которых мой повелитель король сможет обоснованно обвинить этого епископа.

Кроме того, когда Господь пожелает призвать нас к Себе, графство и владения с землей, островами и всей юрисдикцией должны беспрепятственно вернуться к нашему повелителю королю, его наследникам и преемникам; если же у нас будут дети мужского пола, один или больше, тогда он или они, кто будет предъявлять требование на вышеуказанные графство и владения, должны добиваться с учетом милости, желания и согласия нашего повелителя короля, его наследников и преемников.

Далее, мы чистосердечно обещаем, что выплатим нашему повелителю королю или его служащим в Тунисберге в следующий праздник святого Мартина, епископа и Исповедника, тысячу золотых монет, именуемых ноблями или английскими деньгами, и тем самым мы признаем себя обязанными выплачивать ему справедливое вознаграждение.

Кроме того, поскольку теперь возведены нашим повелителем королем в графский титул, мы обещаем, что наш родственник Мэлиз Спарре прекратит свое притязание и откажется напрочь от своего права, если станет ясно, что он обладает им, на эти земли и острова; поэтому мой повелитель король, его наследники и преемники не претерпят никаких осложнений и неприятностей от Спарре или его наследников.

Кроме того, если мы добьемся какого-то соглашения или понимания с нашим родственником Александром Ардом или захотим заключить с ним какой-либо договор, то заключим его от своего имени и от имени нашего повелителя короля в том, что сделано в виде предосторожности относительно Мэлиза Спарре.

Притом мы, Генри, вышеупомянутый граф, и наши друзья, и родственники, Саймон Родд и Вильям Дэниэльс, рыцари; Мэлиз Спарре, Вильям Криктон, Дэвид Криктон, Адам Байктон, Томас Беннин и Эндрю Холданистон, оруженосцы, совместно даем чистосердечное обещание нашему вышеупомянутому повелителю королю Хакону, его первородному сыну Олафу, его советникам и приближенным, ярлам Сигварду, Хаффорсену, Огмунду Финдерсену, Эрику Кетельсену, Нарво Ингвальдисену, Йохану Оддосену, Ульфо Йонсену, Гинтеру де Ведхонсену; рыцарям этого же короля; Хакону Йонссену, Альверту Харльссену, Ханто Эриксену, Эрленду Филиппсену и Ото Ремеру, оруженосцам; и для этого, ручаясь своей

честью, мы и каждый из нас объединяемся с вышеупомянутыми ярлами, чтобы верно и твердо исполнить все соглашения, условия и статьи, упомянутые выше, перед нашим повелителем королем до указанного выше праздника святого Мартина, епископа и исповедника, насколько это указано выше.

Чтобы все эти обещания имели большую силу и могли быть исполнены быстрее, мы, вышеупомянутый Генри, граф Оркнейский, оставляем в заложниках наших родственников и друзей, лорда Вильяма Дэниэльса, рыцаря, Мэлиза Спарре, Дэвида Криктона и законного сына Саймона лорда Александра. Они дают слово, что ни в коем случае не уйдут от нашего повелителя короля Норвегии или из того места, где он пожелает поселить их в своем королевстве, открыто или тайно, покуда все вышесказанное не будет исполнено в полной мере с полной честностью по отношению к нашему повелителю королю; особенно условия и статьи, в соблюдении которых преподобные священники, епископы и прелаты церквей в королевстве Шотландия и другие вельможи этого королевства, лорд Вильям, епископ Сент-Эндрюса; лорд Уолтер, епископ Глазго; лорд Вильям, граф Дуглас; лорд Джордж, граф Марк; лорд Патрик Хепберн, лорд Александр Хэлибертон, лорд Джордж Абернети, лорд Вильям Рэмси, рыцари, должны чистосердечно обещать и в подтверждении этого отправить открытые письма нашему повелителю королю со своими подлинными печатями о указанное выше время, как объявлено в наших прочих письмах об этом более полно.

Также мы чистосердечно обещаем, что не будем никоим образом присваивать земли нашего повелителя короля или какие-либо другие его права, которые его предки и наш повелитель король сохранили для себя; и не касаться этих земель и юрисдикций никоим образом. Они сохранили эти законы и права в Оркнейском графстве, как сказано выше, земли и права этого рода должны во всех случаях принадлежать им; но если мы получим его особые письма относительно этого, то будем особо обязаны нашему повелителю королю.

Если же все вышеупомянутые условия не будут полностью соблюдены и выполнены, как сказано выше, или мы попытаемся сделать что-то вопреки упомянутым выше условиям, то присвоение титула и милость, которые мы получили от нашего повелителя короля, и его благоволение должны утратить силу; присвоение титула и эта милость должны быть отменены полностью, и не иметь никакого значения, чтобы мы и наши наследники не имели права притязать на графство и вышеупомянутые земли и острова, и да будет ведомо всем, что это присвоение титула и милость были даны не в силу закона.

И мы прилагаем нашу печать с печатями вышеупомянутых друзей к данной грамоте в свидетельство и подтверждение всего вышесказанного.

Документ сей составлен в Марстренде в год 1379 от Рождества Христова во второй день августа.

Труд отца Хэя цитируется по его книге "Родословная росслинских Сент-Клеров" (Эдинбург, 1835). Биография Карло Дзено, написанная епископом Джакомо из Падуи, хранится в библиотеке Марчано в Венеции. Хотя встреча Карло с шотландским принцем приписывается более позднему периоду его жизни, хронология этой биографии точна и основана на рассказах героического дедушки без ссылок на дату. "Ведомость большой государственной печати Шотландии, гг. 1306–1424" Джон Мейтленд Томсон переиздал в Эдинбурге в 1984 году. Отказ короля Роберта Шотландского от Оркнейских островов цитируется в книге Александра Нисбета "Система геральдики" (Эдинбург, 1816); далее Нисбет утверждает, что принц Генри Сент-Клер был герцогом Ольденбургским по первому браку с датской принцессой, а также "рыцарем Чертополоха, рыцарем Раковины и рыцарем Золотого Руна". Фредерик Дж. Пол цитирует осаждающего замок Керкуолл в книге "Принц Генри Синклер. Его экспедиция в Новый свет в 1398 году" (Нью-Йорк, 1974). В "Исландских анналах" сообщается, что епископ Вильям Оркнейский был "убит или сожжен своей паствой". "Дипломатариум Норвегиум", том 2, № 515, сообщает о передаче принцу Генри Сент-Клеру Шетландских островов. Барбара Э. Кроуфорд является авторитетом в вопросе о положении в Средние века на Оркнейских островах; ее статья "Вильям Синклер граф Оркнейский и его семья. Очерк о политике выживания" (напечатана частным образом) снабдила автора сведениями для написания этой главы, и цитаты взяты из ее статьи.

Литература к главе:

Thomas Sinclair. *Caithness Events* (Wick, 1899).

Father Hay. *Genealogie oft he Saintclaires of Rosslyn* (Edinburgh, 1835).

The Register of the Great Seal of Scotland, AD 1306–1424, ed. John Maitland Thomson (Edinburgh, 1984).

Alexander Nisbet. *A System of Heraldry* (Edinburgh, 1816).

Frederick J. Pohl. *Castle in Prince Henry Sinclair: His Expedition to the New World in 1398* (New York, 1974).

Diplomatarium Norvegicum, vol. 2, no. 515 (Oslo, 1852).

11. ПУТЕШЕСТВИЕ ДЗЕНО

Откровенное признание Николо Дзено в том, что он уничтожил книгу и письма своих предков и вел работы с мореходной карты, "ветхой от времени", стало для его двух основных противников удобным поводом объяснить противоречия в его опубликованной "Книге и карте". Хотя в его повествование поверили, и до XIX века им пользовались известные картографы и исследователи, оно подверглось нападкам со стороны адмирала Цартмана в пятом томе "Журнала королевского географического общества" и Фредерика У. Лукаса в книге "Анналы о путешествиях братьев Николо и Антонио Дзено в Северной Атлантике в конце XIV века и основанном на них утверждении об открытии Америки венецианцами. Критика и осуждение" (Лондон, 1898). Первую из нападок искусно отразил Ричард Генри Мейджор в предисловии к своему изданию "Книги и карты Дзено" для Хаклутского общества в Лондоне в 1873 году, и многие защитники общей правдивости Николо Дзено отвечали на выпад Лукаса, начиная с Миллера Кристи в его научной работе "Серебряная карта мира" (Лондон, 1900). Другие защитники цитируются в моем тексте или в примечаниях к моему переводу "Книги Дзено". К сожалению, Сэмюэл Элиот Моррисон в своей влиятельной работе "Открытие европейцами Америки. Северные путешествия 500—1600 годов" (Оксфорд, 1971) решил поверить Ф.У. Лукасу и не провел предварительных исследований венецианских источников и археологических исследований в Новой Шотландии.

За отождествление Эстотиланда с Марклендом я признателен работе профессора Э.Г.Р. Тейлор "Загадка XIV века и ее решение" (Джигрэфикэл Ревью, том 54, 1964). Как она также писала в "Рассказе рыбака, 1354", (Джеогрэфикэл мэгэзин, том 37, 1964), "Подлинность этого рассказа оспаривалась, но на очень слабых основаниях. Современному автору представляется совершенно невозможным, чтобы кто бы то ни было выдумал рассказ, отражающий во всех подробностях факты, которых он не мог знать. Такова история Маркленда, которую Антонио Дзено, находившийся тогда на

Фарерских островах, изложил в письме своему брату Карло в Венецию...".

В работе "Принц Генри Синклер" (Нью-Йорк, 1974) Фредерик Дж. Пол использовал открытие геологом Уильмсом Г. Хоббсом битумного потока, стекающего в море возле Стеллартона в Новой Шотландии, чтобы установить подлинность гаваней принца Генри Сент-Клера в Пикту и Гайсборо. Майкл Брэдли и Дина Тейлман-Бин в книге "Святой Грааль за Атлантикой" (Онтарио, 1988) много поработали на развалинах построек из булыжника на Кросс и Оук-айленд в Новой Шотландии. Я признателен Джеймсу П. Уиттолу-младшему из Общества исследования ранних построек за показ фотографии Малькольма Пирсона доколумбовой пушки в Луисберге и Кристине Кэвэнэг за представление меня Алексу Сторму, Викторянцем, который описал вторую пушку с наваренными кольцами в Сент-Питере в журнале "Попюлар Сайенс Мансли", май 1885 года, был Р.Г. Хэлибертон. За исследование Уэстфордского рыцаря и Ньюпортской башни я вновь признателен Джеймсу П. Уиттолу-младшему. Дэвид Траби пишет в интересной работе о двух научных лагерях, образовавшихся в Уэстфорде в отношении подлинности рыцаря на скале. Переписка между Фрэнком Глинном и Т.С. Летбриджем хранится в Уэстфордской библиотеке.

Э.Г. Мэллори, С.Э. Гарднер и Дж. Ховисон сделали предварительный доклад городскому совету Ньюпорта 20 октября 1955 года, в котором утверждали, что башня была не колониальной ветряной мельницей или летним домом губернатора Бенедикта Арнольда. Она могла быть башней викингов или христианской церковью, но, вне всякого сомнения, является самой древней европейской постройкой на американском материке.

В работе Эдварда Адамса Ричардсона о Ньюпортской башне, "Журнал топографического и картографического отдела, работа Американского общества гражданского строительства", февраль 1960 года, сделаны комментарии относительно очага XIV века на первом этаже башни и ее неподходящей для ветряной мельницы конструкции. По его мнению, она служила сигнальной башней для входящих в бухту кораблей. Сообщение от 1632 года, в котором упоминается "круглая каменная башня", хранится в государственном архиве и называется "Товары острова, именуемого Манате или Длинный остров у

континента Виргиния". Она также имеет отношение к Новой Англии и воспроизведена в "Коллекциях Нью-Йоркского исторического общества за 1869 год", т. 2, стр. 217–218.

Карта Вильяма Вуда есть в "Собрании древних карт" (Эмерсон Д. Файт и Арчибальд Фримен, Кембридж, Массачусетс, 1926). Общий вес каменной башни, превышающий двести тонн, требует большого количества рабочих рук. Филип Мирс в книге "Ньюпортская башня" (Ньюпорт, 1942) разрушает достоверность свидетельства, что губернатор Бенедикт Арнольд построил башню как ветряную мельницу. В журнале "Археология" летом 1950 года сообщается, что Вильям С. Годфри при раскопках окрестностей башни обнаружил только артефакты, но не опроверг более раннего появления башни.

Директором Национального музея Дании является доктор Иоганнес Брондстед, и его замечания о Ньюпортской башне были опубликованы в "Aarbog for Nordisk Oldkyndighed og Historie", 1950. Чарльз М. Боленд в работе "Они все открывали Америку" утверждает, что аэрофотосъемка, проведенная в 1951 году, обнаружила остатки нефа, пристроенного к Ньюпортской башне. Планируются новые археологические раскопки, которые вскоре смогут установить датирование этой постройки. Эрик Ферни опубликовал статью "Церковь Святого Магнуса, Иджилсэй" в превосходном сборнике очерков "Собор Святого Магнуса и ренессанс XII века на Оркнеях (Абердинский университет, 1988). "Оркнейская сага" повествует о мученичестве святого Магнуса. Специалисты по геральдике установили период, к которому относится эфес меча Уэстфордского рыцаря, и включают в него эфесы мечей из арсенала лондонского Тауэра.

В книге Фредерика Дж. Пола "Принц Генри Синклер" особо подчеркиваются соответствия между рассказами о принце Генри и легендой о Глооскапе. Справки, наведенные у современных ученых, изучающих племя микмак, убедили меня, что легенда о Глооскапе предшествует прибытию экспедиции принца Генри к острову Кейп Бретон. Сколько он ни добавляет к этому мифу, ясно, что он не эксплуатировал индейцев, как впоследствии Колумб. Его хорошее поведение оставило воспоминание о превосходном и мудром человеке. Цитаты взяты из книги преподобного Сайлеса Рэнда "Легенды племени микмак" (Нью-Йорк, 1894); и книги С.Г. Леланда и

Дж. Д. Принса "Властитель Кулоскап и другие поэмы алгонкинов" (Нью-Йорк, 1902). Цитаты относительно смерти принца Генри Сент-Клера взяты из книги священника Хэя "Родословная рос-слинских Сент-Клеров" (Эдинбург, 1835) и грамоты епископа Оркнейского от 1446 года.

Литература к главе:

Frederick W. Lucas. *The Annals of the Voyages of the Brothers Nicolo and Antonio Zeno in the North Atlantic About the End of the Fourteenth Century, and the Claim Founded Thereon to a Venetian Discovery of America* Miller Christy, *The Silver Map of the World* (London, 1900).

Samuel Eliot Morrison. *The European Discovery of America: The Northern Voyages, AD 500—1600* (Oxford, 1971).

E.G.R. Taylor. *A Fourteenth-Century Riddle — audits Solution*, *The Geographical Review*, vol. 54, 1964; *The Fisherman's Story, 1354*, *The Geographical Magazine*, vol. 37, 1964.

Frederick J. Pohl. *Prince Henry Sinclair* (New York, 1974).

Michael Bradley, Deanna Theilmann-Bean. *Holy Grail across the Atlantic*, (Ontario, 1988).

R.G. Haliburton. *Popular Science Monthly*, May, 1885.

Edward Adams Richardson. *Journal of the Surveying and Mapping Division, Proceedings of the American Society of Civil Engineers*, February, 1960.

Emerson D. Fite and Archibald Freeman. *A Book of Old Maps* (Cambridge, Massachusetts, 1926).

Philip Mears. *The Newport Tower* (Newport, 1942).

Dr Johannes Brandsted. *Aarbog for Nordisk Oldkyndighed og Historic*, 1950.

Charles M. Boland. *They All Discovered America*.

Frederick J. Pohl. *Prime Henry Sinclair* (New York, 1974).

Reverend Silas Rand. *Legends of the Micmacs* (New York, 1894).

C.G. Leland and J.D. Prince. *Kuloskap the Master and Other Algonkin Poems* (New York, 1902).

Father Hay. *Genealogie of the Saintclaires of Rosslyn* (Edinburgh, 1835).

12. ХРАМОВНИКИ И МАСОНЫ

Книгу "Паренталия или мемуары семейства Ренов; но главным образом сэра Кристофера Рена" составил его сын Кристофер и опубликовал в Лондоне в 1750 году. Ведущим автором книги "Храм царя Соломона в масонской традиции" (Лондон, 1972) является Александр Хорн, масон тридцать третьей степени. Я глубоко признателен Хорну за его научные исследования и цитировал его труд. Вопросы и ответы масонского катехизиса взяты из катехизиса лондонской ложи 1762 года "Иахин и Воаз". Символ веры храмовников из "Левитикона" цитируется в значительной книге А. Ботуэлла-Госсе "Рыцари-храмовники" (Лондон, 1910). В книге Дж. Н. Казависа "Греческое происхождение франкмасонства" (Нью-Йорк, 1955) сообщается о дионисийских корнях движения. Поэма о четырех венчаных мучениках представляет собой средневековый "Ars Quattuor Coronatorum". Д. Кноп, Г.П. Джонс и Д. Хеймер опубликовали "Рукопись Кука" в книге "Две ранние масонские рукописи" (Манчестер, 1938). Они также издали книгу "Ранние катехизисы масонов" (Манчестер, 1943), в которую включена "Рукопись Четвуда Кроули" примерно 1700 года, повествующая об происхождении Килвиннингской ложи. Великий командор американского храма Альберт Пайк в книге "Мораль и догма древних и принятых шотландских ритуалов" (Вашингтон, 1871) отстаивал теорию двоеверия храмовников в за-ключительной главе "Оккультное, герметическое или шотландское масонство".

Цитаты из Кирилла Александрийского взяты из его работы "Contra Julianum". Майкл Мифсад, старший современный храмовник считает "Босеан" боевым кличем для вхождения в рай. Ссылка на перенос Хирама на небо, как Еноха в еврейской легенде взята из интересной книги Джозефа Форта Ньютона "Строитель. История и очерк масонства" (Лондон, 1918), цитата взята из "Еврейской энциклопедии" (Нью-Йорк. 1901). Связь храмовников с принесением легенды о Хираме из Святой Земли цитируется по книге Г.У. Спета "Ритуалы и церемонии строителей. Фольклор масонства (брошюра Ars Quattuor Coronatorum", Лондон, 1951). Сообщение о легенде о Хираме и масонских символических рукопожатиях взята из работы С. Уэтчера "Джон Каустос и португальская инквизиция", (Ars Quattuor Coronatorum, том 81, 1968). Цитата о связи легенды о Хираме и легенды о Колонне Подмастерья содержится в работе Альберта Г.

Мэки, помещенной в "Энциклопедии франкмасонства" (два тома, Чикаго, 1946). Я также беру цитаты из книги У.Л. Уилмшерста "Смысл масонства" (Лондон, 1922).

Килвиннингский катехизис взят из "Рукописи Четвуда Кроули". Килвиннингцы всегда считали свою ложу первой в Шотландии, и полагали, что она основана в Средние века. Впоследствии при основании Большой ложи Шотландии в 1736 году масонские историки ганноверских и протестантских убеждений оспорили притязания якобитов и католиков Сент-Клеров на наследственный пост Великого Магистра. Они предпочли игнорировать петицию шотландских масонов, где признается наследственный пост владельцев Рослина: "Из века в век... всегдашние покровители и защитники нас и наших привилегий". В Керкуоллской ложе до сих пор хранится копия средневекового оригинала Учительного Свитка.

Литература к главе:

Christopher Wren. *Parentalia, or Memoirs of the Family of the Wrens; but Chiefly of Sir Christopher Wren* (London, 1750).

Alexander Home. *King Solomon's Temple in the Masonic Tradition* (London, 1972).

A. Bothwell-Gosse. *The Knights Templar* (London, 1910).

J.N. Casavis. *The Greek Origin of Freemasonry* (New York, 1955).

D. Knoop, G.P. Jones and D. Hamer. *The Two Earliest Masonic MSS* (Manchester, 1938); *The Early Masonic Catechisms* (Manchester, 1943).

Albert Pike. *Morals and Dogma of the Ancient and Accepted Scottish Rite* (Washington, DC, 1871).

Joseph Fort Newton. *The Builders: Story & Study of Masonry* (London, 1918).

G.W. Speth. *Builders' Rites and Ceremonies: The Folk Lore of Masonry* (Pamphlet, London, 1951).

S. Vatcher. *John Coustos and the Portugese inquisition*, *Quattuor Coronatorum*, vol. 81, 1968.

Albert G. Mackey. *Encyclopedia of Freemasonry* (2 vols., revised edn, Chicago, 1946).

W.L. Wilmsheerst. *The Meaning of Masonry* (London, 1922).

D. Knoop, G.P. Jones and D. Hamer. *Early Masonic Catechisms* (Manchester, 1943).

13. ПАДЕНИЕ РОДА САНКТО КЛАРО

Существенным материалом о Сент-Клерах, графах Оркнейских, являются два статьи Барбары Кроуфорд "Родословная графов Оркнейских" XV века и ее влияние на современную политическую и культурную ситуацию в графстве", *Medieval Scandinavia*, том 10, 1976; и "Вильям Синклер, граф Оркнейский и его семья. Очерк политики выживания".

Гэвин Дуглас назвал лорда Генри Синклера "Отцом книг...". По истории семейства Сент-Клеров незаменим священник Хэй. Томас Синклер в книге "События в Кейтнесе" очень интересно пишет о семействе Синклеров. Некоторые представления о богатстве семейства Синклеров в XV веке можно почерпнуть в "Описи добра Александра Саузерленда, 1456", перепечатанной священником Хэем, где он отдает потир в новую церковь Рослина. Черный крест и Серебряный крест из Ньюбэттла разносторонне описаны в Дерхемском соборе в "Древностях аббатства и кафедральной церкви Дерхема" обществом "Сертис".

В статье в газете "Данди кьюриер" говорится, что Сконский Камень остается в Шотландии. Он был выставлен в 1990 году в Народном дворе в Глазго, его видело более полумиллиона посетителей. Шотландские храмовники намерены возратить Камень в бывшую церковь деревни Далл неподалеку от Аберфелди.

В Национальной библиотеке Шотландии хранятся "Обязательство" Марии де Гиз от 3 июня 1546 года; Акты лордов совета по государственным делам от 21 марта 1545 года; Разрешение на проезд от Марии де Гиз к сэру Вильяму Сент-Клеру от 14 июня 1556 года; ее доверенность ему от 20 января 1559 года; ордер на арест Вильяма и Оливера Синклеров от 1 сентября 1567 года. Отчет о пожертвованиях Генри графа Оркнейского взят из книги Р.У. Сент-Клера "Сент-Клеры с островов" (Окленд, 1898, с. 109) и книги Томаса Хирна "Древности Великобритании" (Лондон, 1735). Петиция Шоу от 1600 года. Масонская петиция от 1630 года и отречение Сент-Клера от 1736 года перепечатаны и подвергнуты анализу в книге Дэвида Мюррея Лайона "История Эдинбургской ложи" (Эдинбург, 1873) и в книге Роберта Фрика Гулда "История франкмасонства" (два тома, Лондон, 1885). Хотя оба историка признают подлинность всех документов, они несколько предвзято относятся к наследственному праву Сент-Клеров

на пост Великих магистров из-за протестантской веры в Ганноверскую династию, которая противостояла тайной поддержке Сент-Клеров Стюартов и католичества.

В более ранней и оригинальной книге Вильяма Александра Лори "История франкмасонства и Великой ложи Шотландии" (Эдинбург, 1850) полностью поддерживается положение Сент-Клеров как Великих магистров в течение пяти столетий.

Последняя атака толпы на Росслинскую часовню и замок произошла 11 декабря 1688 года, священник Хэй отметил это в цитированной истории росслинских Сент-Клеров; Дороти Вордсворт посетила разрушенную часовню вместе с поэтом Вильямом Вордсвортом 17 сентября 1803 года и написала в дневнике о ее печальной, изысканной красоте.

Питер Партнер в книге "Убитые волшебники. Храмовники и их миф" (Оксфорд, 1982) указывает, что возрождение храмовников произошло в Германии, где эгалитарному франкмасонству противостояло аристократическое общество, и требовалась версия масонского братства, приемлемая для консервативных вкусов. Человек, называвший себя шотландским храмовником, известный под именем Джордж Фредерик Джонсон, отстаивал легенду о сокровищах храмовников, которые скрыл Жак де Моле. Карл Готтхелф, барон фон Хунд и Альтен-Гроткаре, был влиятелен в привлечении аристократичных храмовников, в том числе двенадцати правящих князей: на них сильно повлияли "Парцифаль", "Титурель" и мифы о Святом Граале. Смотри работу Роберта Брайдена "Немецкие традиции, шотландские рыцари и тайна Святого Грааля" в книге "Шотландские рыцари-храмовники", 1984–1985. Я также признателен Роберту Брайдену за сообщение о связи Рудольфа Гесса с Росслинской часовней в письме от 8 мая 1991 года. Теория заговора храмовников подчеркивается в книге Йозефа фон Хаммер-Пургсталя "Le Mystere de Varhomet Revele" (Париж, 1818). Падение Сент-Клеров из-за верности Стюартам описано в мемуарах Джона, чиновника Сент-Клеров; они цитируются в книге Чарльза Мэки "Историческое описание часовни и замка Рослина и пещер Хоторндена" (Эдинбург, 1830).

Литература к главе:

R.W. Saint-Clair. *The Saint-Clairs of the Isles* (Auckland, 1898), p. 109.

Thomas Heanic. *The Antiquities of Great Britain* (London, 1735).

David Murray Lyon. *History of the Lodge of Edinburgh* (Edinburgh, 1873).

Robert Freke Gould. *The History of Freemasonry* (2 vols., London, 1885).

William Alexander Laurie. *The History of Free Masonry and the Grand Lodge of Scotland* (Edinburgh, 1850).

Peter Partner. *The Murdered Magicians: The Templars and Their Myth* (Oxford, 1982).

Robert Bryden. *The Germanic Tradition, the Scottish Knights and the Mystery of the Holy Grail*, The Scottish Knights Templar, Winter 1984/85.

Josef von Hammer-Purgstall. *Le Mystere de Baphomet Revele* (Paris, 1818).

Charles Mackie. *Historical Description of the Chapel and Castle of Rosslin and the Caverns of Hawthornden* (Edinburgh, 1830).

ЭПИЛОГ, 2002

Большинство значительных открытий относительно Росслина и путешествия Дзено в последнее десятилетие было результатом продолжительной работы над Ньюпортской башней покойного Джеймса П. Уиттолла-младшего из "Центра изучения ранних построек" Нивена Синклера, благодаря щедрому покровительству которого летом 1997 года в Керкуолле на Оркнейских островах был устроен симпозиум по Синклерам. На этой конференции я смог представить свои дальнейшие исследования по венецианской и средневековой архитектуре, а также взгляды и запись храмовнического и масонского свитка XV века, висевшего в Килвиннингской ложе № 38. Эти открытия полностью задокументированы в моей книге "Тайный свиток" (Лондон, 2001) и в моем фильме для исторического канала "Святой Грааль и тайный свиток", впервые вышедшего в эфир на Пасху 2002 года.

Вероятная датировка путешествий Антонио и Николо Дзено с шотландским принцем на Оркнейские и Шетландские острова, Гренландию и в Новый Свет была предметом значительной дискуссии. В статье А. де Мосто 1933 года "I navigatori Nicolo e Antonio Zeno", опубликованной во Флоренции в "Ad Alessandro Luzio, Miscellanea di studi storici", подвергалась сомнению датировка путешествия братьев

Дзено в северные моря с учетом других дел Николо, засвидетельствованных в венецианских архивах. За его статьей последовал доклад Брайена Катберстона "Путешествия в Северную Америку до Джона Кабота. Отделение факта от вымысла", зачитанный перед Королевским историческим обществом Новой Шотландии 15 ноября 1994 года. Катберстон не знал о блестящем опровержении взглядов Мосто, которое сделал Джорджо Падоан в книге "Quaderni Veneti" (Равенна, 1989). Его исследования и наведенные мной справки в "Liberia Marciana" подтвердили даты путешествия Антонио и Николо Дзено, приведенные в этом тексте, и даже Катберстон вынужден был признать, что они взяты из венецианских архивов. В пересмотренной датировке продвижения Венеции на север принимается во внимание долгое пребывание братьев Дзено на Оркнейских островах.

На "Rudimentium Novitorium" и карту Де Вирга венецианских торговых маршрутов 1414 года обратил мое внимание Гуннар Томпсон своей замечательной книгой "Монастырская карта древней Америки 1360 года" (Сиэтл, штат Вашингтон, 1996). Нивен Синклер особенно подчеркивал важность Северного содружества государств и, вместе с Джеймсом Уиттолом, — многие появившиеся свидетельства колонизации европейцами Америки в Средние века. Их брошюры о принце Генри Синклере бесценны.

Литература к главе:

A. Sinclair. *The Secret Scroll* (London, 2001).

A. de Mosto. *I navigatori Nicolo e Antonio Zeno*, Ad Alessandro Luzio, *Miscellanea di studi storici* (Florence, 1933).

Giorgio Padoan. *Quaderni Veneti* (Ravenna, 1989).

Gunnar Thompson. *The Friar's Map of Ancient America, 1360 AD* (Seattle, Washington, 1996).

Примечания

1

Роберт Брюс (1274–1329) — шотландский король с 1306 года. Его победа над войсками английского короля при Баннокберне в 1314 году обеспечила Шотландии независимость.

2

В 1650 году Оливер Кромвель разгромил численно превосходящую шотландскую армию под командованием Д. Лесли.

3

Перевод Т. Гнедич.

4

Храмовники давали обет не поднимать оружия против христиан.

5

Катары — христианская секта XII–XIII веков.

6

Зеленый человек — древний кельтский бог растительности и плодородия.

7

Иерусалимское королевство — государство крестоносцев в Палестине (1099–1291). Первым иерусалимским королем стал Болдуин Первый.

8

Торговый город Византий был назван Константинополем в 330 году в честь римского императора Константина Первого.

9

Музей морской истории.

10

Автором допущена неточность, пророк Зороастр жил как минимум на несколько веков раньше Мани, и потому не мог быть знаком с его учением.

11

В Библии — Авраама.

12

Фидаин — жертвующий жизнью (*перс.*).

13

Перевод И. Минаева.

14

Царь Шадад — сын Ада, праправнук Ноя.

15

Лат. "совершенные".

16

Saint Clair (*фр.*) — "Священный Свет".

17

Он был таким гигантом, что его не выдерживала ни одна лошадь.

18

Holy Rood (*англ.*) — Святой Крест.

19

Перевод Т. Гнедич.

20

Поле берцовых костей, Сеча, Смердящий Гребень, Трупный ручей.

21

Тампль — королевская тюрьма.

22

132 Псалом.

23

Португальский принц (1394–1460).

24

Temple (*англ.*) — Храм.

25

Коммендатор — священнослужитель, отчуждающий доходы аббатства в свою пользу.

26

Св. Вальтеоф (1045–1076) — англосаксонский аристократ, казненный после норманнского завоевания Англии.

27

Здесь и далее "Парцифаль" Эшенбаха дан в переводе Л. Гинзбурга.

28

Предание утверждает, что Иаков спал, подложив под голову этот камень, когда увидел лестницу в небо и ангелов, идущих по ней.

29

"И поставил Иаков памятник на месте, на котором говорил ему Бог, памятник каменный; и возлил на него возлияние, и возлил на него елей. И нарек Иаков имя месту, на котором Бог говорил ему: Вефиль" (Быт. 35. 14–15).

30

В 1237 году император Латинской империи Бодуэн Второй де Куртенэ решил продать двадцать две святые реликвии Господни, под залог которых одолжил деньги у венецианских купцов.

31

I.H.S. интерпретируется как *Jesus Hominum Salvator* (Иисус Спаситель Человеков), и *In hoc signo* (Сим знаменем [победиши]).

32

Относящаяся к XV веку поэма, приписываемая Якову Первому Шотландскому. Она имеет полуавтобиографический характер, и описывает захват короля англичанами в 1406 году и последующее пребывание в заточении у Генриха Четвертого Английского и его преемников — Генрихов Пятого и Шестого.

33

Святой Колумба — ирландский миссионер (ок. 521–615 гг.).

34

Перевод Н.Амосовой.

35

Перевод Т.Гнедич.

36

Створка раковины — эмблема паломника, посетившего гробницу святого Иакова.

37

Перевод О.Румера.

38

Перевод И. Дьяконова.

39

Цитирую по книге: *Жозеф Израэль*. Кир Великий.

40

Саккара — некрополь города Мемфис в Древнем Египте.

41

Обыкновенно растущие в пустынях Северной Африки растения *Anasiatica* или *Pleopeltis polypodioides*, засыхающие и как бы воскресающие заново.

42

Четки по-английски Rosary.

43

Перевод И. Кашкина.

44

"И произойдет отрасль от корня Иессеева, и ветвь произрастет от корня его" (Ис. II: 1).

45

Манер Флоридус — поэт, друг Вергилия. Дошедшая до нас под его именем латинская поэма обычно датируется XI веком.

46

Перевод Г. Кружкова.

47

В 1265 году Робин Гуд был наказан за выступление против короля Англии на праздновании годовщины правления Александра Третьего. В 1287 году Александр Третий праздновал тридцать пятый или тридцать седьмой год своего правления. На сей раз Робин Гуд, Маленький Джон, Томас Лерадонт или Рифмач ранили стрелой знахаря.

48

Так назывались украшенные цветами и лентами столбы, вокруг которых танцевали.

49

Регион Канады.

50

Гемма Фризиус — голландский физик и математик XVI века.

51

Or (фр.) — золото.

52

Узел — одна морская миля (1852 метра) в час.

53

Клеймор — кельтский обоюдоострый меч.

54

Единорог — герб Шотландии.

55

1 эль — 1.14 метра.

56

Семь свободных искусств — система учебных предметов в средневековой средней школе: грамматика, диалектика, реторта, геометрия, арифметика, астрономия, музыка.

57

Гермес, согласно Платону, "открыл числа, геометрию, астрономию и буквы".

58

Гермес Трисмегист (трижды величайший) отождествлялся с египетским богом письма и мудрости Тотом. Стал носителем откровения, покровителем греко-египетских мистериальных таинств в герметике.

59

Перевод А.Корсуна.

60

Томас Беккет (1118–1170) — архиепископ Кентерберийский. Убит в Кентерберийском соборе по приказу Генриха Второго.

61

Катехизисы существовали для каждой из степеней посвящения.

62

Сражение при Флоддене между шотландцами и англичанами произошло в 1513 году.

63

Крест из черного дерева, в который был вставлен кусочек Истинного Креста.

64

Государственный переворот 1688–1689 годов, завершившийся свержением Якова Второго и утверждением на престоле Вильгельма Третьего Оранского.

65

Якобиты — сторонники свергнутого английского короля Якова Второго.

66

Туле — остров, находящийся на крайнем северном пределе античной ойкумены.

67

Во Фландрию дважды в год плавали два венецианских торговых судна. (Здесь и далее примечания автора).

68

Возможно, на остров Фер-оф-Фер между Оркнейскими и Шетландскими островами, хотя на карте Дзено Фрисланда относится к

Фарерским островам.

69

Книжка и карта Дзено датируют путешествие Николо десятью годами раньше. Однако Марко Барбаро, писавший об этом путешествии за двадцать два года до публикации "Книги Дзено", дает точную дату — 1390 год, как и карта мира от 1697 года в музее Корреро.

70

Портланда — Пентленд, на карте Дзено он называется Поданда.

71

Дзихмни — это Сент-Клер. Барбаро ранее назвал шотландского принца Зиено, что фонетически гораздо ближе к названному полатыни имени вождя, Санкто Кларо, они писалось Сан Кло и могло произноситься как Зинкло.

72

Под Сорано имеется в виду Кейтнесс.

73

Малый Дуймун, Скуо, Судеро фьорд и Сандо среди Фарерских островов.

74

Бондендон — гавань Нордердаль.

75

Это город Торсхави. В средние века основной столице давалось название с этого острова или группы островов.

76

Братья Дзено должны были жить на Оркнеях, потому что принц Генри Сент-Клер недолго владел Фарерскими островами.

77

Эстланда это Шетланд.

78

Грисланда это Гросси, один из Оркнейских островов. Вражеский флот принадлежал не королю Норвегии, а балтийским рейдерам Ганзейской лиги.

79

Исланда — Шетланд и Шетландские острова.

80

Теперь эти семь островов называются Йелл, Баррас, Унст, Фетлар, Моуса. Уолсэй и Брессэй, где была построена морская крепость.

81

Гренландии.

82

Церковь Святого Олафа в Гэл Хамке-бэй.

83

Треадон — это Тронхейм.

84

Эстотиланда — Новая Шотландия в Канаде.

85

Исланда — это Шетланд или Исландия.

86

Энгронеланд — Гренландия. Там определенно существовала торговля с норвежской колонией в Ньюфаундленде и с Маркландом на Лабрадоре или в Новой Шотландии.

87

Судя по описанию Дроджо, очевидно, что рассказывается о Карибских островах и империи атцегов в Мексике.

88

Ледово — Малый Дуймун, остров Фарерского архипелага.

89

Илофе — остров Скуо того же архипелага.

90

Исланда — Шетланд.

91

Эта мистическая Икария в "Книге и карте Дзено" дает основание усомниться в их достоверности. Однако Ричард Генри Мейджор дает совершенно убедительное объяснение, что Николо Дзено перепутал два письма домой его предка Антонио, в первом из которых описывается разведывательная экспедиция с Сент-Кильде или Керри в Ирландии. Характерные черты и обычаи тамошних жителей в то время соответствуют их описанию, а миф о Дедале, короле Шотландии, существовал в кельтских средневековых легендах. Даже главный отрицатель правды в "Книге Дзено", Ф.У. Лукас, признал, что Икария это Сент-Кильда, в прошлом именуемая Хирта или Ирге, сокращенно от кельтского *h-lartir*.

92

Фредерик Пол приводит убедительные доводы того, что гавань и мыс были названы Трин, потому что экспедиция достигла Нового Света в Троицын день (Trinity Sunday). Наши исследования и обнаружение венецианской пушки, источника и основания круглой крепости в Луисберге на острове Кейп-Бретон дают основания отождествлять эту гавань с гаванью Трин.

93

Кейп-Смоки, очевидно, и есть та самая гора; уголь, видимо, выделяет смолистые и маслянистые вещества, которые стекают в море. У берега есть священные индейские пещеры, и возле озера Бра д'Ор есть четыре резервации племени микмак.

94

В сент-питерской гавани была обнаружена такая же венецианская пушка, как в Луисберге, но потом уничтожена. В легендах племени микмак говорится о белых поселенцах до французов, которые тоже выбрали Луисберг и Сент-Питерс как места для двух первых поселений.

95

Очевидно, это Уэстри, один из Оркнейских островов, подвластных принцу Генри Сент-Клеру.

96

В.Горсхави.